

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ

КЪ ГАЗЕТЪ

НОВОЕ ВРЕМЯ

ЗА ПОЛЬ 1915 ГОДА

Москва

НОВОЕ ВРЕМЯ

Основатель А. С. Суворинъ.

26

№ 14121

ПЕТРОГРАДЪ, СУББОТА, 4-го (17-го) ПОЛЯ 1915 ГОДА.

№ 14121

Жика.

Разсказъ пѣшняго французскаго офицера.

Подпоручикъ В. Н. КОХЪ.

Этотъ снимокъ, сдѣланный съ акварели генерала П. Д. Шипова, изображаетъ одинъ изъ моментовъ боя при взятіи высоты въ 1,151 метръ. Въ бою участвовалъ одинъ изъ нашихъ доблестныхъ полковъ, понесшій большія потери, но болѣе всего потерявъ роту, противъ которой приходились австрійскіе пулеметы. Ея двадцатилѣтнему командиру, подпоручику В. Н. Коху, быстро удалось ручными гранатами привести въ полную негодность и молчаніе неприятельскіе пулеметы, благодаря чему высота была взята. Черезъ нѣсколько времени Австрійцы, получивше огромныя подкрепленія и сильно превращая громадной численностью, повели контръ-атаку. Окруженный уже врагомъ со всѣхъ сторонъ, подпоручикъ В. Н. Кохъ, крикнувъ солдатамъ: «Братцы, умереть, но не сдадимся!» бросился въ штыки впередъ своей роты, но тотчасъ же пулей въ голову былъ пораженъ. Съ нимъ полегла вся его рота, за исключеніемъ 6 человекъ, — и то раненыхъ, прилошихъ ночью къ своимъ окопамъ и разсказавшихъ о послѣднихъ минутахъ своей геройской роты и выдающагося по храбрости своего любимаго юнаго командира.

Свиты Его Величества ген.-м. Пав. Дм. ШИПОВЪ, командующій пѣхотною дивизіею.

Награжденъ орденомъ св. Георгія 4 ст. за то, что, будучи назначенъ прикрывать отходъ дивизіи съ позицій подъ гор. Норденбургомъ, образумъ аріергарда дивизіи, онъ, имея подъ своей командой полкъ пѣхоты и дивизионъ артиллеріи, съ доблестью и хладнокровіемъ, искусно совершилъ эту операцію. Не потерявъ ни одного орудія, подъ убійственнымъ огнемъ противника, охватившаго фланги, онъ повелъ аріергардъ черезъ охваченный пожаромъ гор. Норденбургъ и привелъ его на присоединеніе къ главнымъ силамъ.

Веселый, простодушный, необыкновенно жизнерадостный, онъ доставлялъ намъ огромное удовольствіе своими нехитрыми разсказами; особенно же мастерской игрой на скрипкѣ.

Звали его Жанъ Мартэнъ, былъ онъ Эльзасецъ родомъ и очень тосковалъ о своей цвѣтущей родинѣ.

— Вамъ хорошо, господа, вы воспоплатные и имѣете надежду на освобожденіе, а я... Богъ въстѣ, когда увижу мать и родимый домъ!

И поникалъ при этомъ курчавой красивой головой; впрочемъ, не надолго.

Въ нашемъ помѣщеніи для военнопленныхъ, — если можно назвать подобнымъ именемъ большой сарай, смахивающій на грязный коровникъ, среди тоски и лишней Мартэнъ былъ душой общества, свѣтлымъ лучомъ, разгоняющимъ мракъ неволи.

Вечеромъ, послѣ тощей нѣмецкой похлебки, всѣ мы собирались у полуразвалившейся печки и слушали разсказы Жана, какъ и я шу на скрипкѣ. Даже наша стража, по свойственной нѣмецкой нации любви къ музыкѣ, охотно слушала его пѣсни.

Хотя наша квартира и была отдѣльно отъ пѣшныхъ офицеровъ и солдатъ, но находилась въ томъ же корнусѣ огромнаго зануцернаго дома и, благодаря халатности сторожей, подпадавшихъ частенько подъ вліяніе алкоголя, мы свободно посѣщали другъ друга. Особенно часто заходилъ Мартэнъ.

Насъ, съ нашимъ коровникѣ, содержалось шестеро: какой то старый больной докторъ, студентъ-публицистъ, — какъ онъ себя рекомендовалъ, — актеръ-комикъ, ужасно неразговорчивый и мрачный, личность безъ опредѣленныхъ занятій и вѣшь покорившій слуга, человекъ тоже не вполне прочнаго положенія.

Всѣ мы изнывали отъ скуки, плакали, голодали, ожидали и надѣялись. Единствен-

ной радостью были письма изъ Россіи; впрочемъ, не всѣ ихъ получали.

Какъ то, въ одинъ отвратительный вечеръ, наше душевное состояніе дошло до истерической тоски по родинѣ и близкимъ; мы плакали, какъ женщины.

И вотъ тутъ то явился Жанъ Мартэнъ со своей скрипкой, но не сталъ играть, а предварительно разсказалъ исторію, случившуюся съ нимъ за нѣсколько мѣсяцевъ до войны.

Отъ нечего дѣлать я записалъ ее.

Звѣзды.

Изъ посмертныхъ стихотвореній.

Звѣзды—прошедшее, звѣзды—далекое.
Свѣтъ ихъ лишь память сокрывшихся
лѣтъ.

Въ сердце печальное и одинокое
Летитъ таинственно прошлаго слѣдъ.

Видятся призраки въ искрахъ сіянія,
Блѣдые лики, вѣнецъ золотой.
Жизнь прожитая даритъ воспоминанія,
Встало минувшее звѣздной метлой.

Вновь узнаю я двѣ звѣздочки ясныя,
Что мнѣ блеснули когда-то давно.
Тѣ сожалея слезы напрасныя,—
Прошлое умерло, въ сердцѣ темно.

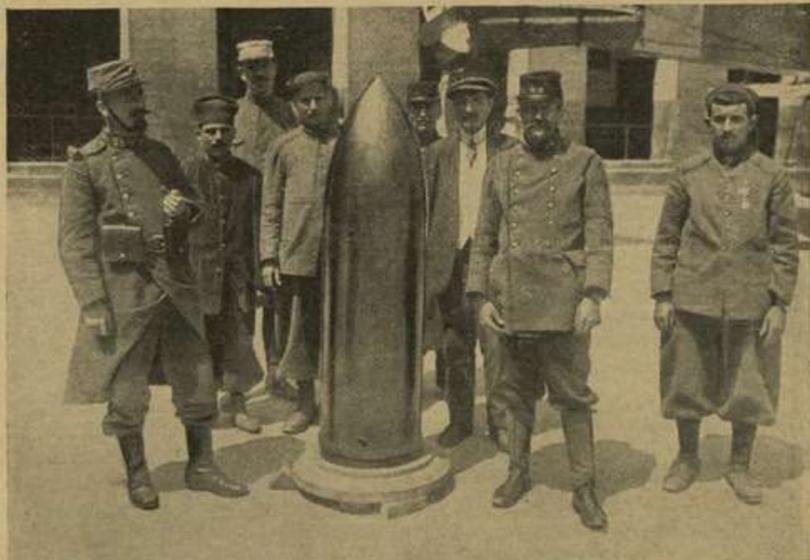
В. А. Шуфъ.

Никол. Семен. КЛЕНОВСКИЙ, известный дирижеръ и композиторъ. Написалъ нѣсколько балетовъ: «Предѣсти гашинша», «Свѣтлана» и др., имѣвшихъ крупный успѣхъ. Затѣмъ известна его музыка къ разнымъ драматическимъ сочиненіямъ — «Мессалина», «Антоній и Клеопатра», «Звѣзда Севиля», «Миражи» и проч.

† 23 іюня въ Петроградѣ. См. № 14113 «Нов. Вр.»

ВО ФРАНЦИИ.

Нѣмецкій 42 см. снарядъ, найденный возлѣ Вердена. — Гылина 4 аршина съ лишнимъ. Вѣсъ около 60 пудовъ.

ГЕРОИ ВЕЛИКОЙ ОСВОБОДИТЕЛЬНОЙ ВОЙНЫ, НАГРАЖДЕННЫЕ
ГЕОРГИЕВСКИМЪ ОРУЖИЕМЪ.

Ген.-м. Н. С. Поляновъ.

Полковн. В. П. Тарановскій.

Полковн. П. И. Изметевъ.

Полковн. В. И. Байдовъ.

Полковн. П. С. Ивановъ.

Полковн. Я. С. Станкевичъ.

Полковн. Збенъ.

Подполк. И. А. Янковлевъ.

Напитанъ М. М. Нионовъ.

Поруч. Б. Евг. Мартыновъ.

II.

Исторія, которую я расскажу вам, случилась со мной въ маленькомъ пограничномъ городишкѣ, гдѣ я служилъ подъ начальствомъ одного достойнаго и храбраго полковника К., человека при этомъ ужасно легкомысленнаго. Узкая какъ то въ отпускъ, начальникъ этотъ оставилъ въ мое вѣдѣніе весьма важные документы и планы, касающіеся военныхъ дѣйствій.

Благодаря этому обстоятельству я, перенеся бумаги на свою квартиру и заперевъ ихъ въ стогу, принужденъ былъ бѣжать послѣднія дрожа надъ земью, какъ мать надъ ребенкомъ.

Такъ я и сидѣлъ безвыходно и скучалъ въ обществѣ моего денщика, главнѣйшаго въ мирѣ солдата, преданнаго мнѣ, какъ собака.

Мнѣ было 26 лѣтъ, и стояла чудная весна. Въ одинъ теплый тихій вечеръ, когда въ сосѣдней церкви звонилъ колоколъ и пахло чѣмъ то сладкимъ, омыающимъ изъ близкаго сада, я не выдержалъ.

Поручивъ охрану стога съ бумагами моему денщику и наказавъ не отлучаться ни на шагъ, я вышелъ изъ дома и пошелъ по дорогѣ, мимо домиковъ, утопающихъ въ зелени. Я словно изъ тюрьмы вырвался.

Дойдя до городского кладбища, я вошелъ въ ограду.

Тишина и покой жилища мертвыхъ навѣвали на меня грусть. Я присѣлъ у какой-то могилы и задумался о тишѣ земного.

Старая липа сладко благоухала надъ мной; птицы однообразно чиркали неприхотливую пѣсенку, какъ вдругъ къ этому чирканью примѣшалась рыданья. Кто-то плакалъ тихо, но горько-горько.

Я оглядѣлся.

Позади меня у креста сидѣла женщина, совсемъ молодая, одѣтая въ простое, но чистое платье; повидимому—дѣвушка.

Я не встрѣчалъ такого лица, милаго, дѣтски-невиннаго. И эта удивительная, нетронутая свѣжесть, особенный отливъ капитановыхъ волосъ...

Я вообще не злой человекъ и не выношу слезъ, но слезы хорошенькой женщины—передъ ними я пасъ!

Разумѣется, я всталъ и, подойдя къ незнакомкѣ, спросилъ деликатно о причинѣ слезъ.

Она вытерла глаза и отвѣтила мнѣ просто и откровенно. Плакивала она не умершую мать, какъ я предполагалъ, а живого, коварнаго человека—женхя, отъ казаннаго отъ нея—«изъ-за недостатка приданаго» и «осрамившаго ее передъ всѣми».

— Такъ стыдно, такъ стыдно передъ сосѣдями!—закончила дѣвушка и слезы полились вновь.

Я, насколько могъ, старался утѣшить ее горе.

Переставъ плакать, она сидѣла молча, задумчиво, не глядя на меня.

Я же испоса оглядывалъ ее.

Отличительной чертой ей была чистота, какая-то нравственная свѣжесть, своеобразная свѣжесть дѣтски невинный обликъ. Успокоившись, она черезъ часъ уже гуляла со мной по запущеннымъ дорожкамъ кладбища. Я узналъ ея имя—Мика.

«Тетя зоветъ меня—Мика». Что она родомъ Нѣмка, живетъ со старухой теткой, мать умерла давно!

Мика сообщила мнѣ также, что тетка содержитъ лавочку стараго платья, что кудрей и вѣской шейкой!..

она, Мика, очень любила одного человека, приказчика изъ модной лавки, но онъ оказался негодяемъ...

— Теперь я одинока... Совѣтъ одинока...

И въ заключеніе опять слезы. Я горячо предложилъ раздѣлить ея одиночество и слова встрѣтиться на завтра въ томъ же мѣстѣ.

Она согласилась и прибавила, улыбаясь робкой, стыдливой улыбкой.

— А потомъ приходите къ намъ: я бо-знакомлю васъ съ тетей.

Мы простившись.

III.

На другой день я, конечно, отправился на свиданье съ Микой, а черезъ три дня она настояла на томъ, чтобы я пришелъ къ нимъ въ гости.

Сказать правду, это совсемъ не улыбалось мнѣ, но я пошелъ, съ условіемъ, что Мика отдастъ мнѣ визитъ,—разумеется, безъ тетеньки.—Она согласилась.

Надѣвъ новый мундиръ, я отправился къ Фрау... Мицца... Питца... Не припомню теперь ея имя.

Грязноватая улица, темноватая лавочка съ различными принадлежностями мужского и дамскаго туалета... Позади лавки чистенькая комнатка; старуха съ вѣзаньемъ въ креслѣ, молитвенникъ на столѣ, свѣлая роза въ старомъ бокалѣ,— однимъ словомъ, прелестьная рамка для такого созданья, какъ Мика.

Меня встрѣтили приветливо, какъ стараго знакомаго. Даже кофе въ пузатомъ кофейникѣ подали и домашнее печенье къ нему.

А тутъ еще Мика, съ ея золотомъ кудрей и вѣской шейкой!..

Подъ конецъ вечера я совѣтъ потерялъ голову. Хоть жениться!

— Приходите завтра ко мнѣ!—шепнула я Микѣ, когда она вышла провожать меня.

— Приду...

И Мика скрылась за дверью.

IV.

Она пришла на другой день, робкая и покорная... сияя своей свѣжей блюкурой красотой...

Мы были одни.

Денщика я отослалъ, наказавъ не приходить—какъ можно дальше.

Я чувствовалъ легкое смущеніе и, чтобы нежно оправиться, заварилъ кофе.

Мика сняла перчатки и начала хозяйничать,—и такъ мило...

— Пейте кофе! Онъ готовъ,—пригласила она меня, въ то время, какъ я доставалъ изъ шкафа ножикъ для фруктовъ.

Я сѣлъ около Мики, поднесъ чашку къ губамъ и, хлебнувъ глотокъ, поставилъ на столѣ...

Алые губки дѣвушки были такъ близко отъ меня, что я забылъ все на свѣтѣ и страстно обнялъ Микку.

Она же протривилась, но лицо ея приняло странное, словно выходящее что-то выраженіе.

— Пейте же...

Повторила она.

Я молча глядѣлъ на нее. Мнѣ вдругъ чего-то стыдно стало. «Этотъ доверчивый ребенокъ достоинъ быть женой—не любовницей, не минутной прихотью»,—думалъ я и сдѣлалъ уже движеніе встать... Но въ ту же минуту какой-то

Павшие смертью храбрыхъ.

Полковн. Н. А. Вицнуда.

Полковн. Г. А. Пирадовъ.

Подполн. А. Я. Шестуновъ.

Капитанъ В. И. Волновъ

Шт.-ротм. Г. З. Колоніусъ.

Подпоруч. В. Л. Никифоровъ.

Подпор. А. А. фонъ-Бурмейстеръ.

Прапорщ. Б. Ф. Слѣвинскій.

Шт.-нап. А. А. Войновичъ.

Подпоруч. Л. А. д'Алстеттенъ.

туманъ заволокъ отъ меня лицо Мики и комната тихо поплыла передо мной. Я потерялъ сознание. Сколько времени продолжалось такое состояние, не знаю. Мики не было около меня. Оглянувшись на столъ, въ которомъ хранились документы, я замель отъ ужаса.

Мика стояла надъ шмъ и въ ея рукахъ этой дѣтской, слабой на видъ рукъ, блестяла отвертка.

«Шпіонка!» мгновенно отнемъ сверкнуло въ мозгу.

Я вскоцилъ и, бросившись къ ней, схватилъ ее за локоть.

Она даже не вскрикнула, но оглянулась, какъ пойманный въ ловушку зверь. Искаженное лицо было теперь не только неприязно, оно было гадко и страшно.

— Пусти!..— прошипѣла она, сдерживая крикъ боли.

И, внезапно наклонившись, впиалась въ мое плечо своими острыми, словно пилы, зубами.

Я вынулъ ея и, съ силой оттолкнувъ меня, Мика выбѣжала въ дверь, отворенную предварительно моимъ ключомъ.

Я кинулся за ней, но темнота мѣшала преслѣдованію; тѣмъ болѣе, что я боялся, особенно теперь, оставлять квартиру.

Вернувшись домой, я осмотрѣлъ столъ: бумаги были цѣлы. Укусъ, сдѣланный зубами невиннаго созданья, болѣлъ очень сильно. Вылизъ въ умывальникъ остатки кофе, я мысленно благодарилъ судьбу, что не выпилъ болѣе глотка.

Очевидно, за мной слѣдили давно, и быть можетъ, вслѣдствіе близости моего солдата въ мелочной лавчонкѣ знали о бумагахъ.

Солдатъ мой вернулся поздно, но я ничего не сказалъ ему о случившемся.

На утро вернулось мое начальство и освободило меня отъ тяжелой ответственности. Но я все-таки на-вѣдывался.

Несмотря на наружное спокойствіе, въ глубинѣ ея глазъ мельгала порой тревожащая огонька.

— Поскучайте со мной. Мужъ уйдетъ въ наймы.

Итакъ— вторично шпіонка ускользнула отъ меня. И представьте— я опять напелъ ея и при такихъ странныхъ обстоятельствахъ, что стоить рассказать, тѣмъ болѣе, что не длинно и заканчиваю отъ мой рассказъ.

Война началась, и я долженъ былъ ѣхать въ дѣйствующую армію къ своему полку.

Взявъ короткій отпускъ, я заѣхалъ въ Парижъ проститься съ матерью и сестрой, жившими около города.

Я прѣхалъ поздно, побѣдовъ уже не было. Отложивъ свиданье до другого дня, я остановился въ гостиницѣ.

Утомленный, я скоро заснулъ, но долго спать мнѣ не пришлось.

Часовъ около 12 я былъ разбуженъ шумомъ и криками.

Предполагая пожаръ, я накинулъ платье, выбѣжалъ въ коридоръ. Все населеніе отеля было на ногахъ: особенно женщины.

И всѣ толпились у дверей, противоположныхъ моимъ.

— Она лежитъ тамъ мертвая!— рассказывалъ въ двадцатый разъ молодой мальчикъ-лакей, первый увидѣвшій въ щельку двери случившееся и поднявшій крикъ.

Воспользовавшись своимъ мундиромъ, (полиція еще не являлась), я вошелъ съ хозяйномъ въ номеръ и остановился пораженный.

Освѣщенная яркимъ свѣтомъ электри-

Что это была она,—я ни минуты не сомнѣвался.

Итакъ— вторично шпіонка ускользнула отъ меня. И представьте— я опять напелъ ея и при такихъ странныхъ обстоятельствахъ, что стоить рассказать, тѣмъ болѣе, что не длинно и заканчиваю отъ мой рассказъ.

Война началась, и я долженъ былъ ѣхать въ дѣйствующую армію къ своему полку.

Взявъ короткій отпускъ, я заѣхалъ въ Парижъ проститься съ матерью и сестрой, жившими около города.

Я прѣхалъ поздно, побѣдовъ уже не было. Отложивъ свиданье до другого дня, я остановился въ гостиницѣ.

Утомленный, я скоро заснулъ, но долго спать мнѣ не пришлось.

Часовъ около 12 я былъ разбуженъ шумомъ и криками.

Предполагая пожаръ, я накинулъ платье, выбѣжалъ въ коридоръ. Все населеніе отеля было на ногахъ: особенно женщины.

И всѣ толпились у дверей, противоположныхъ моимъ.

— Она лежитъ тамъ мертвая!— рассказывалъ въ двадцатый разъ молодой мальчикъ-лакей, первый увидѣвшій въ щельку двери случившееся и поднявшій крикъ.

Воспользовавшись своимъ мундиромъ, (полиція еще не являлась), я вошелъ съ хозяйномъ въ номеръ и остановился пораженный.

Освѣщенная яркимъ свѣтомъ электри-

Видимо, предупрежденный женой, Бирензонъ испугался и пренебрегъ даже выгоднымъ заказомъ.

Домъ, по словамъ швейцара, принадлежалъ какому-то разбогатѣвшему и разорившемуся винооторговцу и отдавался въ наймы.

Итакъ— вторично шпіонка ускользнула отъ меня. И представьте— я опять напелъ ея и при такихъ странныхъ обстоятельствахъ, что стоить рассказать, тѣмъ болѣе, что не длинно и заканчиваю отъ мой рассказъ.

Война началась, и я долженъ былъ ѣхать въ дѣйствующую армію къ своему полку.

Взявъ короткій отпускъ, я заѣхалъ въ Парижъ проститься съ матерью и сестрой, жившими около города.

Я прѣхалъ поздно, побѣдовъ уже не было. Отложивъ свиданье до другого дня, я остановился въ гостиницѣ.

Утомленный, я скоро заснулъ, но долго спать мнѣ не пришлось.

Часовъ около 12 я былъ разбуженъ шумомъ и криками.

Предполагая пожаръ, я накинулъ платье, выбѣжалъ въ коридоръ. Все населеніе отеля было на ногахъ: особенно женщины.

И всѣ толпились у дверей, противоположныхъ моимъ.

— Она лежитъ тамъ мертвая!— рассказывалъ въ двадцатый разъ молодой мальчикъ-лакей, первый увидѣвшій въ щельку двери случившееся и поднявшій крикъ.

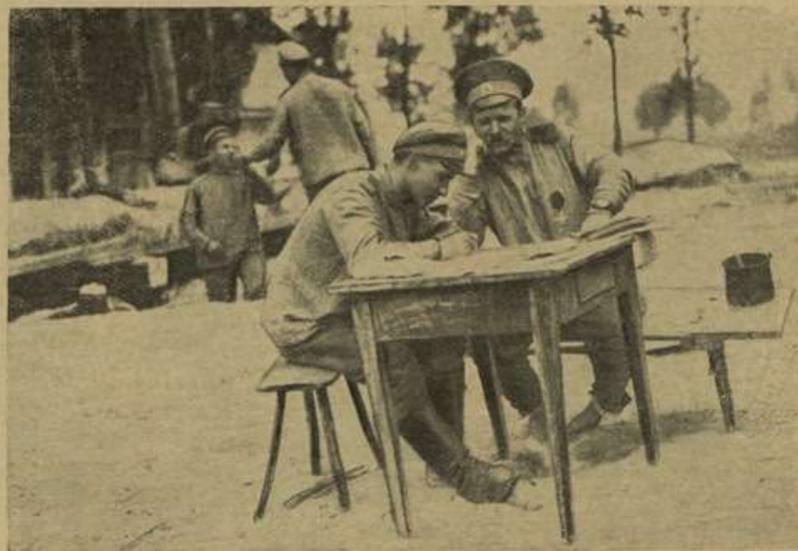
Воспользовавшись своимъ мундиромъ, (полиція еще не являлась), я вошелъ съ хозяйномъ въ номеръ и остановился пораженный.

Освѣщенная яркимъ свѣтомъ электри-

НА ВОЙНѢ ВЪ ЗАТИШЬЕ.

Маленький доброволецъ.

Письмо на родину.

Въ свободные часы.

патриотическаго восторга найти въ своихъ лу подвига, ею стонетъ глѣбомъ, ею средствахъ всю мощь вдохновеннаго озаренія свыше и подняться до красоты и къ славы, къ смерти, величія рѣдкой гармоніи слова и звука, которыя вылились въ бурныхъ аккордахъ Марсельезы.

Вотъ уже гораздо болѣе вѣка, какъ французская національная идея пропитала собою всѣ радостныя и трагическія страницы исторіи Франціи. Подъ ея нагнѣвы полуодѣтая, полувооруженная армія санкюлотовъ отшвырнула отъ французскихъ границъ австро-германскую коалицію во главѣ съ грусокими фронтовиками. Мрачно и злобѣще извѣстивала Марсельеза ужасную работу машины доктора Гильотена, заглушая яростные крики потерявшей разумъ черни парижскихъ предѣлѣтей. Нога въ ногу съ неукротимымъ и рвущимся впередъ мотивомъ обогнали французскіе батальоны всю Европу, вступили въ Африку, заглянули въ Азію и шли во главѣ «двунадесяти языковъ». Въ Марсельезѣ Франція черпаетъ си-

Полковн. Л. Г. фонъ-ТИМРОТЪ. Награжденъ орденомъ св. Георгія 4 ст.

чества, среди банальной обстановки не исчезаетъ—очевидно, сейчасъ же послѣ мера, на кушеткѣ лежала женщина въ совершеннаго преступленія. Позѣ предсмертнаго страданья...

На утро я уѣхалъ въ Парижъ и, про- На бѣлой шеѣ ясно видѣлись слѣды стившись съ родными, отравился въ армію. Въ пылу битвы я скоро забылъ удущенія.

Я взглянулъ. И что же?.. Предо мною Мика, это прелестное и страшное въ аежала Мика, задушенная, мертвая Мика!.. своей преступности существо, испунив- Кто совершилъ надъ ней послѣдній шее свои глѣхи ужасной смертью.

Кто совершилъ надъ ней послѣдній актъ правосудія,—осталось тайной для всѣхъ. Говорили, что жившій въ номерѣ господинъ, котораго посѣщала покойная, имѣлъ какія-то секретныя дѣла и

Такъ закончилъ Мартэнъ свой рассказъ и, желая сгладить непріятное впечатлѣніе, взялъ скрипку и заигралъ что-то нѣжное, навѣвающее тихую грусть и надежду на счастье.

В. Гринена.

Творецъ Марсельезы.

1 (14) іюля, въ день національнаго праздника французскаго народа, одиѣ изъ расчитанныхъ на вѣка оклеповъ парижскаго Пантеона торжественно при- нялъ въ свое каменное лоно давниѣмъ дав- но истлѣвшій прахъ, перенесенный сюда съ идиллическаго кладбища маленькаго уютнаго городка Choisy-le-Roi.

Отнынѣ здѣсь, среди смертныхъ остан- ковъ всего наиболѣе героическаго, наиболѣе талантливаго, порожденнаго Франціей двухъ имперій и трехъ республикъ, ле- жать кости скромнаго инженернаго офи- цера, невиднаго поэта и музыканта, су- мѣвшаго, однако, въ минуту величайшаго

Капит. П. В. ВОРОНОВЪ. Награжденъ орденомъ св. Георгія 4 ст. и Георгиевскимъ оружіемъ.

У ПОГРАНИЧНАГО СТОЛЕА ВЕНГРІИ.

Наши депутаты, уполномоченные городского и земскаго союзомъ на войнѣ. Направо—В. А. МАНЛАНОВЪ.

НА ВОЙНѢ ВЪ ЗАТИШЬЕ.

Ротные весельчакн.

Обѣдъ.

Въ Марсельсѣ французское сердце, какъ подмѣтълъ романтикъ Ламаргинь, «слышитъ и мѣрный шагъ тысячъ людей, идущихъ на защиту границъ своего отечества, и жалобный голосъ женщинъ, и крикъ дѣтей, и ржаніе лошадей, и шипѣніе пламени пожара, пожирающаго дворцы и хижины, глухіе удары мщениа, которое неустанно разитъ враговъ Франціи и порабощителей родной земли. Ея звуки струятся, какъ знамя, омоченное кровью на полѣ битвы, еще теплою кровью. Ея призывы заставляютъ людей трепетать, но лишь трепетомъ неустранимости, который закигаетъ сердца. Они сообщаютъ порывъ, удваиваютъ силы, закрываютъ отъ взоровъ гибель...»

Марсельсеза появилась на сибѣ при исключительныхъ обстоятельствахъ.

Франція переживала знаменитый тысяча семьсотъ девяносто второй годъ—младенчество ея новаго режима, смѣниваго «старый порядокъ». Людовикъ Шестнадцатый, сидѣвшій на престолѣ Генриха Великаго, уступалъ мѣсто многоголовому властителю, вспоенному въкомъ энциклопедистовъ, вскормленному пылкими рѣчами жирондистовъ. Уже гремѣли Якобинцы, красовались фривійскіе колпаки, глухо сотрясался весь организмъ Франціи накануне ужасовъ террора.

Старое распалось, новое еще не налаживалось. А по ту сторону Рейна собиралась гроза. Подъ флагомъ мнимаго сочувствія къ судьбамъ королевскаго дома, съ лозунгомъ—«непоколебимость монархическаго принципа»,—Австрія и Пруссакн готовились разгромить ваволнованную внутренними переворотами страну, выбитую изъ обычнаго строя.

Въ это время въ страсбургскомъ, тогда еще, конечно, французскомъ гарнизонѣ, служилъ молодой инженеръ Руже-де-Лиль, дружески принятый въ домѣ мѣстнаго мэра, благороднаго альзасскаго патріота барона Дитриха. Семья Дитриха любила восторженно настроеннаго офицера, стихами и музыкою улаждавшаго вечерніе досуги маленькаго общества.

Въ Страсбургѣ жилось тяжело. Революція смела повсемѣстно прежнія отношенія, прежнія условія быта, вызвала призракъ голода. На столѣ Дитриха, когда-то перваго богача въ городѣ, все чаще появлялись ломоть солдатскаго хлѣба и копченой ветчины. Отовсюду шли тяжелыя вѣсти; надъ прекрасною Франціей все ниже и ниже свисали утрюмы тучи, изъ-за которыхъ не видѣлось просвѣта.

Вечеромъ 25 апрѣля 1792 года Дитрихъ вернулся домой сильно возбужденный. Семья и Руже-де-Лиль, проводившіи

Всегда весело!

У ДАРДАНЕЛЛЬ.

Последнія минуты англійскаго броненосца «Манестикъ», взорваннаго подводной лодкой.

въ домѣ свободное время, встрѣтили его недоумѣвающими взглядами.

Все быстро разъяснилось при первыхъ же словахъ Дитриха:

— Въ погребѣ осталась послѣдняя бутылка рейнвейна. Пусть ее принесутъ, мы разопьемъ ее за свободу и за отечество. Европа объявила намъ войну!

Взрывъ энтузіазма охватилъ присутствующихъ. Принесли вино, наполнили стаканы и осушили ихъ до дна. Начались долгіе разговоры, никто не думалъ о снѣ.

Съ пониженою головою вышелъ Руже-де-Лиль уже поздно ночью на пустынную улицу. Стояла холодная ночь. Молодой мечтатель не могъ идти домой. Душа гражданина, солдата, поэта, музыканта нервно дрожала всеми своими струнами, вызывая въ творческомъ воображеніи ясные образы, смутныя представленія, едва уловимыя сочетанія. Долго бродилъ Руже-де-Лиль по сонному городу, почти не сознавая, гдѣ онъ, куда ведутъ его колеблющіеся шаги. Но туманъ настроенія уже начиналъ слагаться въ замѣтныя очертанія. Медленно поднялся де-Лиль въ свою маленькую, уединенную комнатку и сѣлъ за клавесинъ. Пальцы потянулись къ клавишамъ и, точно ведомые какимъ-то незримымъ руководителемъ, торопливо забѣгали въ поискахъ нужныхъ созвучій, роившихся въ головѣ де-Лиля. Молодой человекъ то игралъ, то пѣлъ, безсвязно, не отдавая себѣ отчета, не различая словъ отъ музыки, нотъ отъ стиховъ: все зарождалось какъ-то вмѣстѣ и торопилось обогнать другъ друга въ стремленіи къ неясной цѣли. Наконецъ, утомленіе взяло свое, и де-Лиль заснулъ за инструментомъ, склонившись къ нему всѣмъ тѣломъ.

Прснулся онъ, когда солнце уже заливало своими лучами всю комнату и ярко освѣтило въ его воображеніи всю смутную картину ночныхъ грезъ. Быстро схватилъ де-Лиль листъ бумаги и дрожащими отъ нетерпѣнія пальцами сталъ набрасывать легко уже ложившіяся въ стройные ряды ноты. Вотъ записана послѣдняя строфа, и де-Лиль, какъ былъ, не оправивъ туалета, безъ шляпы, со слѣдами тяжелой ночи на лицѣ, побѣжалъ къ Дитриху. Заставъ того въ саду, онъ безъ словъ, молча показалъ ему исписанный листъ и увлекъ въ комнату. Семья еще спала. Дитрихъ разбудилъ ее, созвалъ нѣсколькихъ друзей, всѣ столпились возлѣ рояля. Руже-де-Лиль заигралъ подъ акомпаниментъ дочери хозяина. Уже при первыхъ стихахъ и аккордахъ лица присутствующихъ поблѣднѣли, затѣмъ потекли слезы, а заключеніе прошло при бѣшенно разразившемся восторгѣ. Дитрихъ,

НА ФРАНЦУЗСКОМЪ ФРОНТѢ.

Разрушительное дѣйствіе германскаго снаряда.

жена его, дочери, гости, самъ авторъ, об-
нимали другъ друга, не будучи въ силахъ
справиться съ душившимъ ихъ энтузиаз-
момъ... Гимнъ отечества былъ найденъ!

1 (14) июля на «праздникъ Федера-
ціи», рѣшившій судьбу монархической
Франціи, прибылъ, вызванный руководи-
телями республиканскаго движенія, отрядъ
наиболѣе революціонно настроенныхъ ур-
оженцевъ юга. Первыми явились, распла-
вленные полуденнымъ солнцемъ, воодуше-
вленные краснорѣчіемъ провансальскихъ
клубовъ, марсельцы.

Парижъ кинулся имъ навстрѣчу, кто

ПАВШІЕ ВЪ БОЮ.

Норнетъ Б. А. МИЛОВЗОРОВЪ. Геройски палъ въ бою, представленъ къ ордену св. Георгія 4 ст.

Шт.-ротм. Г. Е. ЗЕЛЕНЦОВЪ.

со страхомъ и негодованіемъ, кто — и та-
кихъ было большинство — съ радостью и
торжествомъ. Марсельцы произвели силь-
ное впечатлѣніе. Покрѣпы сильнымъ за-
гаромъ лица; ярко сверкающіе глаза;
воинственная неряшливость походной
одежды; на головахъ красныя шапки,
странный, не совсемъ понятный языкъ,
рѣзкость движеній — все это дѣйствовало
на подготовленное воображеніе парижанъ.

Но вотъ нестройные, но плотно со-
мкнутые ряды марсельцевъ грянули
пѣсней, и толпы, заполнявшія ули-
цы по пути шествія марсельцевъ, насто-
рожили уши. Что-то и незнакомое, но
вмѣстѣ съ тѣмъ близкое, кровное, родное
каждому.

Пѣснь неслась мощно и грозно, и
звали къ подвигамъ бившія по сердцу
слова:

Aux armes, citoyens! formez vos bataillons!
— Какъ называется эта пѣснь — на-
перевѣвъ тормозили марсельцевъ пари-
жане, подхватывая налету мотивъ.

— La Marseillaise. — самодовольно
отвѣчали гордые своимъ уличнымъ успѣ-
хомъ марсельцы.

— Кто сочинилъ ее? — сыпались ото-
всюду вопросы, но спрашиваемые толь-
ко пожимали плечами.

«Какой это революціонный гимнъ
распѣваетъ орда разбойниковъ-марсель-
цевъ, проходя по всей Франціи? Нѣкото-
рые почему-то соединяютъ съ нимъ и
ваше имя?»

Что могъ отвѣтить де-Лиль на это
письмо своей старой матери, глубоко ре-
лигіозной женщины и ревностной рево-
люционерки? Занесенный въ угрожающіе
смертью списки революціоннаго трибуна-
ла, поставившаго въ вину де-Лилью, какъ
и казенному уже Дитриху, аристократи-
ческое происхожденіе, укрываясь отъ
дневнаго свѣта, какъ загнанный зѣбрь,
по лощинамъ и тропинкамъ горъ проби-
рался онъ въ сосѣднюю Швейцарію, спасая
свою жизнь. Весь походѣвъ, услышавъ
де-Лиль однажды въ пограничной дере-
вушкѣ, какъ компанія молодыхъ парней
напѣвала слишкомъ хорошо знакомыя
ему слова, теперь звучавшія въ его
ушахъ, словно погребальный звонъ.

— Какъ называется эта пѣсня? — съ
затаеннымъ ужасомъ спросилъ онъ у
своего проводника, и получалъ въ отвѣтъ:
— Марсельеза.

Тутъ только впервые авторъ Марсельезы
узналъ названіе своего собственнаго про-
изведенія...

де-Лиль пережилъ всѣ судороги рево-
люціи. Первая Имперія отнеслась къ нему
холодно и не пожелала отмѣтить заслуги
творца національнаго гимна. Реставрація
допустила бывшаго энтузіаста до нищеты
и познакомила его съ прозою долговой
тюремы. Относительное благополучіе,
въ видѣ скромной пенсіи, принесло
де-Лилью правленіе короля Людовика
Филиппа Орлеанскаго, лично знавшаго
когда-то инженернаго офицера во время
его страсбургской службы.

де-Лиль умеръ въ 1831 г. Последнее
время онъ жилъ у своего друга, отстав-
наго генерала Блана, недалеко отъ Па-
рижа.

В. Анд.—ъ.

ПЕРВЫЯ РУССКІЯ СЕСТРЫ МИЛОСЕРДІЯ
ПЕРВОЙ РУССКОЙ ОБЩИНЫ.

Евнт. Алдр. ХИТРОВО, начальница
сердобольныхъ сестеръ въ Одессѣ.
Во время Севастопольской кам-
паніи 1855 г. управляла въ Крыму
Крестовоздвиженскою общиною
сестеръ попеченія о раненыхъ.
Скончалась 2 февраля 1856 г. въ
Симферополѣ.

Пѣсня вышивальщицы.

Изъ Фоганцаро.

Часы бьютъ на башнѣ далеко, далеко...
Свѣча догораетъ, смущая мой взоръ.
Рука, вышивай же, до ночи глубокой
Расцвѣчивай красками блѣдный узоръ.

Пока мое сердце мечты вышиваетъ,
Цвѣты на суровомъ растутъ полотнѣ,—
Печали и радости краски смѣняютъ
Другъ друга на немъ и трепещутъ во мнѣ.

Одна, одинока я въ клеткѣ, какъ птица,
Цвѣтами и пѣснями тѣшу себя;
Я гнѣздышкою сдѣлаю пестрымъ свѣт-
лицу,
Всесильной царицею буду въ немъ я.

Пусть гордой зовусь я, пусть клетки я
дверцы
Навстрѣчу любви не открыла пока...
Слѣши, вышивай, мое робкое сердце,
Слѣши, вышивай неустанно, рука!

О. Г. Каратыгина.

Илла Викент. ГРАБЕРИЧИ, сестра ми-
лосердія Крестовоздвиженской общи-
ны попеченія о раненыхъ.
Участница Севастопольской
кампаніи 1855 г., во время ко-
торой при усиленной бомбар-
дировкѣ Севастополя, близъ
Малахова кургана была кон-
тужена осколкомъ бомбы въ
правую часть груди и плеча.

Правда о гибели „Лузитаніи“.

Когда ночью съ 12 на 13 апрѣля 1912
года громадный «Титаникъ» погрузился
въ волны Атлантическаго океана, унося
съ собою 1,490 человѣческихъ жизней,—
волъ ужаса пронесся по всему міру.
Вильгельмъ II былъ однимъ изъ первыхъ,
отправившихъ сочувственную и весьма
многорѣчивую телеграмму англійскому
королю.

Прошло три года, и 7 мая 1915 года,
мало-по-малу выясняется ужасающая
среди бѣлаго дня, въ 8 миляхъ къ юго-
западу отъ Квинсайля у Ирландскихъ бе-
реговъ германская подводная лодка
«U 39» по личному приказанію Виль-
гельма II пустила ко дну огромный
пароходъ «Лузитанія». Число жертвъ зерь!..
превысило погибшихъ на «Титаникъ»,
дойдя до 1,537 человекъ; среди нихъ
было около 50 малолѣтнихъ дѣтей.

Изъ показаній свидѣтелей катастрофы,
изъ сопоставленія предыдущихъ фактовъ
среди бѣлаго дня, выясняется ужасающая
права, рисуемая въ неприкрашенной
натотѣ всю «культуру» альянта, без-
принципнаго и жестокаго германскаго
народа, яркимъ выразителемъ характера
котораго является самъ кровавый кай-

«Лузитанія», выстроенная и спущен-
ная въ 1907 году англійской компаніей
Кунаръ, давно уже вызвала ненависть
Германцевъ, являясь серьезнымъ соперни-
комъ въ ихъ стремленіи къ владычеству
надъ моремъ.

Спускъ «Лузитанія», стоившей около
10 миліоновъ рублей, обладавшей маши-
нами мощностью до 70,000 лошадиныхъ
силъ и развивавшей скорость свыше 25
узловъ въ часъ (45 километровъ) вызвалъ
тревогу въ Германіи. А когда въ 1908 г.
«Лузитанія» побилла рекордъ скорости, въ
соревнованіи съ германскимъ транс-
атлантическомъ «Deutschland», гамбург-
ской линіи, совершивъ перѣздъ по
океану въ 5 сутокъ 54 минуты, — это
произвело уже панику.

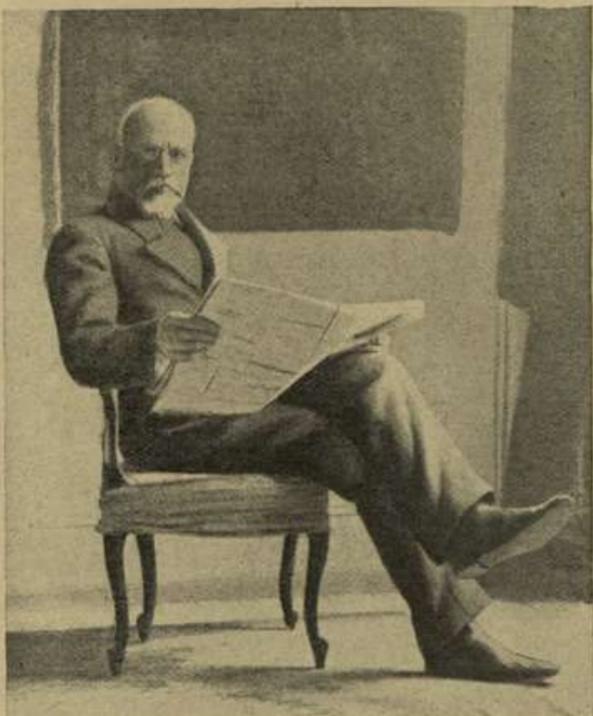
Уязвленная въ своемъ національномъ
самолюбіи, а еще болѣе въ стремленіи
стать во главѣ міровой морской торговли,
Германія рѣшила побить рекордъ и спу-
стила своего колоса морей, «Императора».

Однако это не могло вполнѣ успокоить
Германцевъ, и «Лузитанія» зараше уже

Вольноопр. Георгій КОРОТКОВЪ.
Скиснался отъ ранъ.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ДЯТЕЛИ НА БАЛКАНСКОМЪ ПОЛУОСТРОВЪ.

Елефтерий ВЕНИЗЕЛОСЪ, известный государственный деятель современной Греции, стремящийся къ завершению національнаго объединения Грековъ.

была обречена на гибель въ случаѣ возникновения войны между Германией и Англией. Припомнимъ хотя бы первые дни войны, когда германскій крейсеръ «Дрезденъ», находившійся въ Нью-Йоркской гавани, подстергалъ 4 августа первый выходъ «Лузитаніи» въ море послѣ объявленія войны. Капитанъ, Доу, осведомленный о странномъ поведеніи непріятельскаго крейсера, вышелъ въ море въ полночь, съ соблюденіемъ крайнихъ предосторожностей, потушивъ всѣ огни на пароходѣ. Увидѣвъ свою оплошность, «Дрезденъ» бросился за нимъ въ погоню по низкимъ ходамъ. Тогда капитанъ Доу разослалъ по всѣмъ направлениямъ тревожныя депеши при помощи радиотелеграфа и ускользнулъ отъ погони морского хищника лишь благодаря густому туману, окутавшему всю Атлантику. На третій сутки турбины

Инженеръ путей сообщенія В. А. БАЛИНСКІЙ † 9 июля. (См. № 14121 «Нов. Вр.»).

«Лузитаніи» испортились и капитанъ пережилъ тревожные часы, не рѣшась обратиться къ радиотелеграфу изъ боязни выдать свое мѣстопохожденіе преследующему его хищнику. Случайно встрѣченный англійскій пароходъ вывелъ его изъ затруднительнаго положенія, давъ возможность, съ опозданіемъ на 48 часовъ, добраться до Ливерпуля, гдѣ его ожидала тревожно настроенная толпа родныхъ пассажировъ. Въ началѣ февраля 1915 года «Лузитаніи» вновь пришлось пережить нелегкіе часы: германскія подводныя лодки сторожили ее въ англійскихъ водахъ. Капитанъ напелся и поднялъ американскій флагъ, на что онъ имѣлъ право, въ виду того, что на борту парохода находились почти исключительно Американцы. Растерявшіеся Германцы, не имѣвшие формальныхъ инструкцій на подобный случай, пропустили его безпретентенно. Но германское адмиралтейство не признало себя побежденнымъ, а Вильгельмъ II лично заявилъ, что онъ «считаетъ эту охоту за «Лузитаніей» вопросомъ лично самолюбія, и назначилъ крупную награду изъ своей личной казны тѣмъ германскимъ морякамъ, которые уничтожатъ мозолящій германскій глазъ пароходъ!

По распоряженію кайзера, — посланникъ его въ Вашингтонѣ, графъ Бендорфъ, напечаталъ въ американскихъ газетахъ заявленіе, противорѣчащее всѣмъ дипломатическимъ правиламъ, безъ предварительнаго доклада американскимъ властямъ. Заявленіе это, напечатанное 22 апрѣля (5 мая) гласило: «Мы напоминаемъ путешественникамъ, имѣющимъ намѣреніе совершить переправу черезъ Атлантику, что, по случаю войны между Германией и Великобританіей, военная зона включаетъ также и воды, окружающія Британскіе острова, и что, въ силу формальнаго заявленія германскаго правительства, всѣ суда подъ англійскимъ флагомъ будутъ уничтожены въ означенныхъ водахъ. Вслѣдствіе всего вышесказаннаго, путе-

шественники, берущіе мѣста на англійскихъ или союзныхъ судахъ, дѣлаютъ это на свой рискъ и страхъ. Германское посольство, Вашингтонъ, 22 апрѣля 1915 года».

Это странное по формѣ и существу заявленіе вызвало цѣлую бурю негодованія въ Америкѣ, но никому и въ голову не могло придти, что Германия рѣшится нарушить такимъ дерзкимъ путемъ права гражданъ нейтральной державы.

Въ субботу 1 (14) мая «Лузитанія» разводила пары, готовясь покинуть Нью-Йоркъ. На борту ея находилось 665 членовъ экипажа, 361 пассажиръ I класса, 662—второго и 290—третьяго.

Изъ нихъ—956 Англичанъ и 188 Американцевъ. Среди этихъ послѣднихъ были такія известныя личности какъ Альфредъ Вандербильтъ, импресоріо Чарльзъ Фроманъ и Мистеръ Стоунъ—директоръ нью-йоркскаго «Союза Прессы».

Въ послѣдніе часы предъ отплытіемъ парохода на борту начали доставлять многочисленныя анонимныя телеграммы съ увѣщаніями отказаться отъ побѣдки на «обреченномъ суднѣ».

На долю Альфреда Вандербильта досталось шесть подобныхъ телеграммъ, которыя онъ разорвалъ на глазахъ всѣхъ съ презрѣніемъ. Этотъ необычайный наплывъ доношъ задержалъ отбытіе «Лузитаніи» почти на два часа.

Наконецъ пароходъ отчалилъ, но въ послѣдующіе дни угрозы по адресу его становятся все громче и яростнѣе.

4 (17) мая «Кельнская Газета» опубликовала статью, заканчивающуюся словами: «нейтральныя державы должны будутъ примириться съ тѣмъ, что мы ведемъ эту войну тѣми средствами, которыя намъ удобны, даже если это отъ времени до времени будетъ вредить ихъ интересамъ». А на слѣдующій день директоръ «Norddeutscher Lloyd'a», въ Нью-Йоркѣ, Максъ Мюллеръ, объявляя торжествующе: «На этотъ разъ, «Лузитанія» въ нашей власти, ибо ходъ ея не такъ быстръ, какъ у нѣкоторыхъ изъ нашихъ подводныхъ лодокъ».

Въ тотъ же день, и почти въ тотъ же часъ, нѣсколько германскихъ подводныхъ лодокъ приблизились къ ирландскимъ берегамъ, у входа въ каналъ св. Георгія, гдѣ пароходы ждутъ прибытія лондона и, въ силу этого, замедляютъ свой ходъ, и останавливаются тамъ, скрываясь подъ водой и ожидая прибытія своей жертвы.

Наступилъ роковой день 7 (20) мая. «Лузитанія» спокойно приближалась къ англійскимъ берегамъ послѣ 5-дневнаго перехода. Всѣ пассажиры высипали на палубу, чтобы посмотреть на подходъ судна съ лондономъ; настроеніе у всѣхъ было радужное, раздавались шутки и остроты по поводу недавнихъ анонимныхъ угрозъ. Дети—царьки этой пловучей территоріи, гдѣ для нихъ была устроена зала для игръ и гимнастики, и даже театръ маріонетокъ, высипали шумной толпой,—а ихъ было на суднѣ, по словамъ Теодора Рузвельта, свыше 150,—волгѣ за взрослыми. Легко представить себѣ шумное и радостное оживленіе этой толпы туристовъ, соскучившихся по твердой землѣ за 5 дней плаванія!.. Вдали видны уже очертанія ирландскаго берега: всего 14 километровъ отдѣляетъ судно отъ него. «Лузитанія» замедляетъ ходъ до 17 узловъ, въ ожиданіи лондона. Внезапно одинъ изъ пассажировъ, наклонившійся за бортъ, испускаетъ крикъ ужаса: «мина!» Всѣ лихорадочно бросаются къ бортамъ. Дѣйствительно, на гладкой поверхности воды змѣится бѣлый пѣнистый слѣдъ. Въ то же мгновеніе раздается взрывъ. «Лузитанія» вздрагиваетъ, всѣ вахты всѣмъ корпусомъ... Одинъ изъ пассажировъ, мистеръ Кесслеръ, съ изумительнымъ хладнокровіемъ, отмѣтилъ моментъ взрыва: было ровно 2 часа 15 минутъ.

Сестра милосердія О. А. КАБЕЛИНА, работающая на казакскомъ фронтѣ. Награждена Георгіевскою медалью 4 ст. Участвовала въ русско-японской войнѣ.

Капитанъ кричитъ приказаніе дать полный ходъ на берегъ—это единственный шансъ на спасеніе, но въ это мгновеніе—вторая мина ударила въ центръ корпуса и раздался взрывъ въ машинномъ отдѣленіи.

Черезъ отверстія въ корпусѣ съ шумомъ хлынула вода, на палубахъ торопливо спускаютъ шлюпки, изъ каюты телеграфиста несутся по волнамъ воздуха, по всѣмъ направлениямъ, отчаянныя слова о гибели, безъ возможнаго спасенія, ибо погруженіе судна вопросъ не часовъ, а нѣсколькихъ минутъ. Дѣйствительно, если «Титаникъ» продержался на водѣ 2 часа 40 минутъ, послѣ столкновенія съ айсбергомъ, то «Лузитанія» погрузилась въ водную пучину черезъ 20 минутъ послѣ взрыва первой мины.

За это время не могли спустить и четвертой части всѣхъ шлюпокъ, а суда «Вариоръ», «Сторикуксъ» и «Джуліа», послѣ отправления по первому призыву радиотелеграфа, несомнѣнно, должны были опоздать прибытіемъ на мѣсто катастрофы.

Подобно тому, какъ въ послѣдніе моменты существованія «Титаника», здѣсь также разыгрались сцены стоическаго героизма, еще болѣе трагичныя предъ равнодушной жестокостью низкихъ убійцъ, посланныхъ кровавымъ императоромъ.

Миллиардеръ Вандербильтъ сваялъ съ себя спасательный поясъ и одѣлъ его на растерявшуюся, рыдающую женщину. Это былъ послѣдній жестъ его, отмѣченный пере-

Д. А. ЗУЕВЪ, прослужившій 25 лѣтъ въ петроградскомъ книжномъ магазинѣ Т-ва А. С. Суевскія—«Новое Время». За службу книжному дѣлу онъ получилъ званіе потом. почетн. гражданина.

жившими свидетелями потрясающей катастрофы.

Импресарио Фроманг утешал свою посетительницу, громко говоря ей: «Не надо плакать, и не надо бояться смерти! Ведь это самый прекрасный момент нашей земной жизни!»

Ровно через 20 минут после того, как первая мина ударила о борты «Лузитания», на мосту, где красовался гигант морей, осталась лишь чудовищная воронка, затянутая тонкими канатами о помощи людей. А через полчаса по ровной глади воды носилось 1,537 трупов,—все, что осталось от жизнерадостных людей, любившихся берегами Ирландии.

А на горизонте темнели перекопанные пиратов моря, торопливо удалявшиеся от моста совершенного ими злодеяния, которое не может и не должна забыть История!

Мелочи.

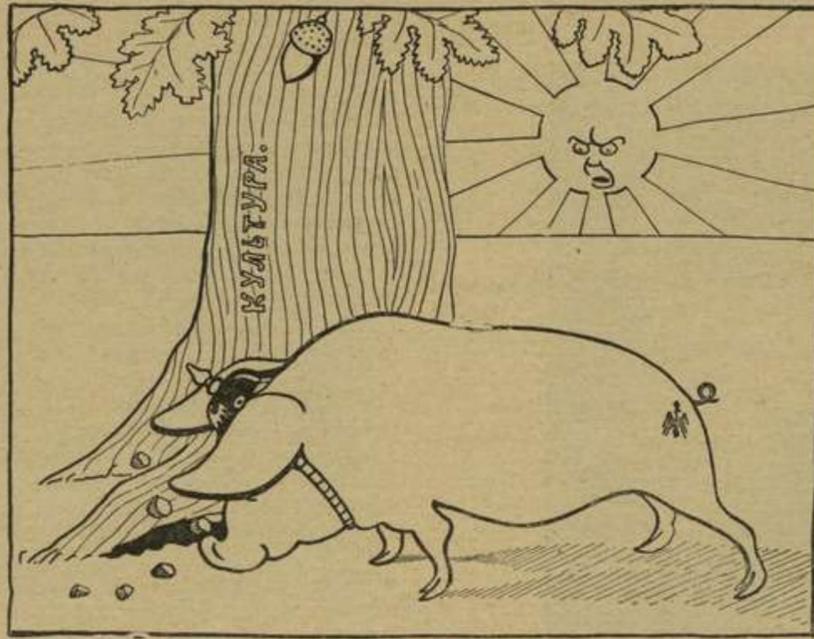
Оборона Нидерландов.

Нейтралитет Голландии висит на волоске с самого начала нынешней великой войны, и вопрос об ее обороне от времени до времени горячо обсуждается и в местной и в иностранной печати. План этой обороны крайне своеобразен, как вся эта удивительная маленькая страна, где больше воды, чем суши. Она примыкает к суше только в нескольких местах, и четыре раза спасает Голландию от разгрома, но окажется ли она действительным при современной технике войны и дальноточных орудиях, можно будет судить лишь на основании опыта. Мифы военных авторитетов тут разделяются.

Как у всех незначительных государств, этот план рассчитан всецело на защиту от вторжения неприятеля. Защищать сами свои границы Голландия по условиям местности и отсутствию больших крепостей не может. Поэтому она заранее мирится с отступлением своей армии вглубь страны, за оборонительную линию фортов, которая замыкает кольцо самую богатую часть Голландии и ее главные города. В защите этих фортов и заключается вся оригинальность обороны Нидерландов.

Как известно, значительная часть Голландии, главным образом на западе, лежит ниже уровня моря и водной поверхности реки. Благодаря очень сложной системе плотин, каналов и плузов, эта низменность в настоящее время не только защищена от наводнения, но осушена, и из непроходимой прежде трясины превращена в тучную пастбища. Только в Голландии можно увидеть любопытную картину: скот мирно пасется внизу, а над головами стада, на высоте двадцати футов и больше, плывут по реке пароходы.

На этой системе каналов основана и

Из новых иллюстраций к басне Крылова «Свинья под дубом». Кар. Энг-Эрл.

оборона Голландии—только в обратном порядке. Вода выпускается из резервуаров и в несколько часов заполняет низменность перед фортами на несколько миль. Уровень воды при этом строго регулируется и не превышает одного фута. Таким образом самым плоскостным судам не перебраться через эту водную полосу, а плывущим и заходящим она также недоступна, так как земля превращается быстро в мшисто тонкую грязь.

Эта водная крепость в футе высотой не опоясывает, однако Голландию непрерывным барьером. Все главные пути сообщения по течению реки, по шоссе, устроенным на высоких плотинах, а также железная дорога остаются открытыми, и на обязанности голландской армии и лежит защита этих уязвимых пунктов. Однако пройти эти так узки, что проскользнуть через них могут лишь небольшие отряды, а для крупной армии они непригодны.

В случае прорыва этой первой водной полосы существует еще вторая, более узкая, вокруг крепости Амстердама. На этом искусственном острове, отрезанном от всего мира, Голландия должна уже или биться до последнего человека или сдаться врагу.

Со стороны моря Голландия нечего бояться нападения. Берега Северного моря так мелки, что большим судам к ним не подойти, а немногочисленные гавани Нидерландов защищены первоклассными крепостями.

Немецкая печать отзывается о голландской армии и обороне с большим презрением, полагая, что с Нидерландами будет еще легче справиться, чем с Бельгией, имевшей в Льежь боль-

шую пограничную крепость. Но весьма возможно, что немцы тут опинутся, как, впрочем, и во многом другом. Бельгия была застигнута врасплох, но мобилизована и могла собрать армию лишь в 120,000 человек. Голландия же вполне готова к войне, и армия ее в пять раз превышает бельгийскую. Да и уроки нынешней войны должны были кое-чему ее научить, хотя она сама и не выступала пока на сцену.

Поживем—увидим.

Что говорят астрологи об Европейской войне.

Захватившая чуть ли не весь мир война обманула все ожидания стратегов, утверждавших, что она при современном развитии военной техники не может затянуться больше, нежели на полгода. Это обстоятельство вызвало усиленный интерес общества к тому, что говорят астрологи и разные предсказатели о времени ее окончания.

В «Phisic Magazine» мы находим любопытную статью по этому поводу. Приводим здесь наиболее характерные выдержки из нее.

Опираясь на гороскопы главных лиц мировой трагедии, астрологи утверждают, что война неминуемо закончится полной победой союзников. Мы не будем останавливаться подробно на гороскопе Вильгельма II, он был уже приведен на этих столбах со слов м-ме де-Табль. Дополним лишь его следующими указаниями:

«Влияние Сатурна скажется в опасных случаях, которым данное лицо будет подвергаться на 56 году своей жизни (в 1915 году); ясно обозначено падение и

унижение после ряда блестящих успехов счастливой жизни; друзья покинут его и все возстанут против этого лица». В данном случае астролог Эли Старь вполне сходится во мнении с г-жей де-Табль.

Предсказание Пуаре.

Это предсказание было сделано 150 лет назад известной в то время Савиллой—Пуаре. Она же предсказала падение Наполеона. О настоящей войне она говорит:

«Решительная битва для Французов произойдет по дороге Мерль, близ Лузебург. Рвы и окопы будут залиты кровью на 3 фута, и Пруссия утонет в ней. Поражение будет столь велико, что император и вся его свита смогут обдаться не тенью, под одной яблоней».

И любопытное совпадение: Германцы укрывались у Мерль, срубив все деревья, за исключением одной яблонь, которую суеверные люксембургцы, знающие об этом предсказании, называют «яблоней кайзера».

Предсказание Августа Вебеля.

Оно интересно тем, что исходит от Германца, и было напечатано в 1900 г. Августом Вебелем в его брошюре: «Постоянная армия и милиция».

Он говорит: «Война между двумя государствами Европы приведет неминуемо к общей европейской войне. Каковы будут результаты этой войны для Австрии и Германии, если Англия примет в ней участие?»

«Германский флот будет уничтожен или обречет на бездействие, и Германия утратит все свои колонии».

«Если и Япония присоединится к союзникам против Германии,—кампания будет безусловно проиграна нами, как бы сверхчеловеческие силы и напряжение мы ни развили».

«Главный же результат этой войны—это то, что вся морская торговля Германии падет безвозвратно и перейдет в руки Англичан».

«Если Германия, в силу своей подготовки, и одержит победы в начале, то это не поможет ей все же добиться конечного успеха: силы будут слишком неравны, и если союзники сумют выдержать бурный натиск Германцев, они победят, даже держась пассивно,—ибо Германия будет взята постепенно измором и общим истощением».

«Помимо этого война остановит все промышленное и экономическое развитие Германии. Исчезнет вывоз из Германии, и это будет сигналом близкого государственного краха. С другой стороны, прекратится и вывоз в Германию, а она не может существовать на свои природная богатства».

«Это мифическое предсказание, что оно выдано немцем, и уже в значительной мере оправдалось».

Редактор Б. А. Суворин.
Издатель Товарищества А. С. Суворина—
«Новое Время».

«Кинговид. Т-во», Пггд. Невский, 158.
Къ 500 лѣтію кончицы Яна Гуса.
В. И. КРЫЖАНОВСКАЯ
«СВѢТОЧИ ЧЕХІИ», и.т. рм. 2 р.
Почти, отавы Академіи Наукъ.
«ПАУТИНА», рм. 2 р. 50 к.
(Нѣмецкое издѣліе)
«БЛАЖЕН. НИЩЕ ДУХОМЪ», 1 р. 80 к.
и др. окулти., истор., бытов., ром. выемл.
нало и.п. платеж., каталоги бесплатно.

САМОКРАСЯЩІЯ ГРЕВЕНКИ.
Электрич., безъ красокъ, 10 р.
САЛАДЪ НОВЫХЪ ИЗОбРѢТЕНІЙ
Петроградъ, Морская, 38.

Вышло въ свѣтъ 4-ое изданіе
книги женщины врача М. М. ВОЛКОВОЙ
«КАКЪ ИЗБАВИТЬСЯ
ОТЪ ПОЛНОТЫ И ОЖИРѢНІЯ»
по способу, испытанному авторомъ на себѣ
и на своихъ больныхъ.
Цѣна 80 коп.
Складъ изданій въ книжн. магазинѣ
«Новое Время».

ХУДОЖНИКЪ А. Н. ЮДИНЪ
ИСКУССТВО ВЪ СЕМЬѢ
ИЗДАНІЕ А. С. СУВОРИНА.
Цѣна 2 руб.

УДОЛЬФСКІЯ ТАЙНЫ
Романъ въ 2-хъ томахъ Анны Радклиффъ.
Переводъ съ англійскаго Л. ГЕЙ. — Изданіе А. С. Суворина. — Цѣна 3 рубля.

ОСВѢЖАЮЩІЙ БЕЗВРЕДНЫЙ ПРИЯТНЫЙ КРЕМЪ
Это прекрасное средство противъ дурного цвѣта лица, обдѣляетъ кожу и придаетъ ей юношескій видъ и бархатистость. Дермозонъ Д-ра Антона Мейеръ продается въ банкахъ по 30 граммъ во всѣхъ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ. Чтобы получить настоящій, слѣдите, чтобы имя Д-ра Антона Мейеръ было напечатано полностью. Рекомендуется перель накладываемымъ Дермозона вымыть лицо и руки нейтральнымъ мыломъ. Лучшее всего взять мыло Дермозонъ Т-ва Стольбергъ и К^о.

дших успѣ-
а покинуть
ь этого ли-
рологъ Эли
ншихъ съ

дѣлаю 150
о время Са-
сказала па-
войнѣ она

Французовъ
рль, иблизи
удуть зали-
сия утонеть
ою, велико,
та смогутъ
дною ябло-

Германцы
и всѣ де-
яблонн, ко-
шны, знаю-
называютъ

еда.
ходить отъ
въ 1900 г.
о брошюрѣ:
.

ударетвами
о къ общей
будутъ ре-
трии и Гер-
ней уча-

унничтоженъ
и Германія

ся къ союз-
ампанія бу-
амнн, какія
напряжение

ой войны—
ала Герма-
ройдетъ въ

зой подго-
началъ, то
обитъ ко-
слишкомъ
мѣютъ вы-
Германцевъ,
расивно,—
постепенно
мъ.

овить все
е развитіе
изъ Герма-
нзкого горо-
гокой сторо-
Германію, а
а свои при-

то оно вы-
значитель-

ннъ.
уворяна—

И манитъ къ себѣ родникъ хрустальный
И тѣпистый кровъ привѣтливыхъ дубравъ.

НОВОЕ ВРЕМЯ

Основатель А. С. Суворинъ.

№ 14128

ПЕТРОГРАДЪ, СУББОТА, 11-го (24-го) ЮЛЯ 1915 ГОДА.

№ 14128

АВГУСТЪШІЯ СЕСТРЫ МИЛОСЕРДІА.

Ея Императорское Высочество Великая Княгиня ТАТІАНА НИКОЛАЕВНА.

Ея Императорское Высочество Великая Княгиня ОЛЬГА НИКОЛАЕВНА.

Съ фотогр. художен. П. П. Волкова.

Лѣто.

Знойной радостью ликующаго лѣта
Дышатъ поле, дугъ, рѣка и лѣсъ.
Травка каждая заботливо согрѣта
Теплой ласкою безоблачныхъ небесъ.
Слышно пѣнье птицъ, кукушки зовъ пе-
чальный,
Шумъ таинственный въ душной кущъ
травъ,
И манитъ къ себѣ родникъ хрустальный
И тѣпистый кровъ привѣтливыхъ дубравъ.

Богуна-травы и сосенъ сладко лется
Запахъ смѣшанный; глядишь съ лѣсныхъ
полянъ
На стволы деревьевъ—словно едетъ
Лиловатый, призрачный туманъ.
Свѣтлы праздники природы вдохновенной,
Духъ земли живящей не ослабъ—
Гордо чувствуетъ, что здѣсь оны царь все-
ленной,
Жизни бѣдный, истомленный рабъ!
Гемма.

Блѣдная женщина.

I.
Какъ она проникла въ садъ, такъ и
осталось загадкой: отъ дороги его от-
дѣляла высокая каменная стѣна, черезъ
дворъ, со стороны дома нельзя было пройти
незамѣтно, такъ какъ и ворота, и калитка
на ночь запирались.
Газеты сообщали приблизительно вотъ
что:
«Утромъ 29 ноября въ саду загороднаго

владѣнія М. Ф. Бушиловой обнаружено
тѣло покойничей самоубійствомъ (по-
средствомъ отравленія) Наталіи Але-
ксандровны Слачевской, 23 лѣтъ. Покой-
ная, по паспорту жена шт.-ротмистра,
въ оставленной запискѣ объявляетъ свою
смерть невозможностью жить «безъ цѣли
и смысла». Цѣль и смыслъ жизни для
г-жи С. исчезли безвозвратно, такъ какъ
недавно убитъ въ бою ея мужъ. Записка
кончается словами: «... а, вѣдь, жить за-
чѣмъ-то такъ глупо и некрасиво!»

ГЕРОИ ВЕЛИКОЙ ОСВОБОДИТЕЛЬНОЙ ВОЙНЫ, НАГРАЖДЕННЫЕ ЗА БОЕВЫЕ ПОДВИГИ ОРДЕНОМЪ СВ. ГЕОРГІЯ 4-Я СТЕПЕНИ.

Прив.- В. А. Литвиновъ.

Ген.-м. В. Е. Марковъ.

Команд. батарея кн. А. П. Фальцевъ.

Кал. А. А. Поповъ.

Полков. А. Б. Перхайло.

Юрь слышал, что он русский консул, и не слышал прежде... Но все-таки не слышал, вместе с вице-королем Индии, везящего в Калькуту... Впереди идут брахманы в высоких белых чалмах, в белых, пестрых и полосатых халатах, туземцы-музыканты бьют в какие-то оравной формы барабаны, приплясывают, забавно гримасничая, и громко орут все одно и то же:

«Бари! Бари! Бари!»

Он расхохотался, хотел спросить вице-короля, что значит это слово и прослушал.

Кто-то колотил кулаками в дверь спальни, крича:

— Баринь, Баринь!

— Это вы, Фетись? Что такое? Пожар?

Юра, вскопчив, отпер дверь. Перед ним стоял Фетись, но не обычно напыщенный, важный, а какой-то жалкий, растерянный, в калошах на босу ногу, в пальто, из-под которого торчал ворот голубой ситцевой рубахи.

— Несчастье, баринь!

— Какое несчастье? Говорите толком... Патушка?

— Никак неть-сь!.. А... а... происшествие-сь!

— Э, чорт... «происшествие-сь!» Ничего не понимаю! Ну?

— Несчастье-сь! Труть дамы или как бы дьвицы-сь... Григорий, извольте ли видеть... шель вь оранжерею и аругь это самое-сь! На сиреневой площадке... Лежать и быдто сонны-сь!.. Он думал: так, мол, шутить кто из баб, аиь вонь оно что-сь!.. Царица Небесная, Заступница... За полицией Андрейку посылать-сь!

Юра дрожа и оть волнения, и оть холода, быстро накинув платье и шубу, без шапки выбежал в сад. Там на «сиреневой» площадке толпились прислуга и какия-то полуодетые бабы; многия из них были и причитали, а людская кухарка Анисья, сложив руки над животом, говорила авторитетным тоном, повидному, на кь кому в частности не обращаясь:

— Безпрямьно, гарю, это се печистый приволокь.

При появлении Бушилова все разступилось. Он увидьль возль шедстала статуи Дианы распротертое на земь тьло высокой, изящной женщины... На ней был сьрый дорожный костюм, мьховое боа, через плечо желтая кожаная сумочка, на головь маленькая черная шляпа, сь которой спадала на лицо густая черная вуаль... Копець этой вуали развивался по ветру...

Юра как-то машинально наклонился и откинул вуаль.

«Кажется, нельзя этого»... — промелькнуло в сознании, но тут же он отступил, пораженный...

Лицо было действительно необычайно красивое: прозрачно белое, точно вышеченное из слоеновой кости... пушистые вьющиеся волосы... тонкия изогнутыя брови надь закрытыми глазами, сь синеватой тьной рьсениц подь ними... строгая, грустная складка губ...

— Сонны-сь!.. — вспомнил Юра слова Фетиса.

— Да может быть и вь самомь дьль жить?

Он взял сь руку вь строй замшевой перчаткь. Рука была холодная, каменно негнушалась, как рука статуи. Он вздрогнул, отдернул свою, — даже по чаму-то вытерь о полу шубы.

— А может быть, я слыю... может быть, это она — сонь?

Юра ущипнул себя за ладонь. Больно! Потом, внимательно посмотрьль на окружающих, спросил:

— Что-жь, за полицией послала?

— Такь точно, баринь... сполниась, какь Андрейка побьгь... Теперь, должно, скоро придуть...

— Неть, значить, не сплю: онь оказаль «сполниась и «побьгь», этихь словь

понимаю... Как-то странно, право! Как могла она попасть вь сад?

— Как же попала эта барыня вь сад? Кто дустиль и зачьль?

— Да, вот то-то и оно, Юрий Сергьевич, — заговорило сразу ньсколько человек, — кажись, и ворота затворены и все прочее сполнено.

— И собаки примьрно сказать...

— Вешто через заборь?

— «Через заборь!» Да рази «онь» могуть?!

— Безпрямьно, говорю, нечистый приволокь!

— Ну, шу, бреши, шкура!

— А самь-то кто... обормоть!

— Да ты не выражайся туть!

— Вонь баринь-то, онь те...

Юра, не слушая перебранки извольнованных «происшествиемь» слугь, снова всматривался вь это прекрасное лицо, точно не воль оторваться, точно помоги воли что-то влекло кь нему и приковывало...

II.

Юра прилежь на дивань вь любимой угловой гостиной и задумался.

— Спачевская. Фамилия некрасивая, а имя мьбь ужасно прайвится...

«Наталья Александровна. Наташа...

«Чудная, необыкновенная... Почему я не

зналь тебя раньше, когда ты была жива,

не могь слышать твоего голоса... И какь

все это странно... какь сонь... какь

сказка. Красиво и безконечно грустно...

Уснувший на зиму садь... эта статуя, и у

педестала мертвая прекрасная женщина.

Точно фея-владительница этого сада,

связанная сь нимь неразрывными узами

любви, не пережила, не могла пережить

его осенней смерти... Она умерла, но

воскреснеть весной, когда зацвьтеть

сирень на площадке. Этот давешний

приставь сказал: «Очень просто — разо-

чарование вь жизни и утрата любимого

существа... весьма много самоубийствь

теперь вь этой почвь!» Какь просто вь са-

момь дьль!.. «А вьдь, жить зачьль-то —

такь глупо и некрасиво!» Воть это тоже

просто, а я почему-то никогда не думаль

обь этомь... и я живу «зачьль-то»...

— Юрий Сергьевич! Кь телефону

просьть! — снова важный и спокойный, до-

ложил Фетись.

— Кто тамь «просьть»? Скажите,

что ухьлал... ить дома...

— Ея превосходительство!

— Мама?

— Такь точно-сь!

Юра нехотя всталь и пошель кь теле-

фону.

— Доброго утра, мама!

Изь трубки неприятно рьзко звучаль

старчески низкий голось Марья Филип-

повны.

— ...Какь вы себя чувствуете, мой

милий?

— ...Да, да, я слышала... мьбь сейчас

сказали. Ахь, какой ужась!.. Что?! Жена

офицера, говоришь? Бьдныя родители!..

Сию минуту прьзжай, я умираю оть

безпокойства... Молодая? Красивая? Бь-

дныя, бьдныя родители, каково имь... Что?! Бьд-

ныя, бьдныя родители, каково имь... Что?! Бьд-

питателью ничего «не говорившими серд- какь сегодня суббота... Фетись вообще

цу» вещами... Все старое, все знакомое, очень набоженъ.

Юра, который теперь часто не слыть до утра, слышьль всякий разь вь

седьмочь часу, какь старикь, убираль

развьшалъ по своему вкусу картины, и

комнатч, приятнль и негромкимь бас-

комь иоеть...

— Святыи Божь... Святыи крьбкий..

Святыи безсмертный, по...о..м..милуй

и...на..ась!

Юрь дьлаеться какь-го необыкновенно

уютно, спокойно, и онь, улыбаясь, за-

сыпаеть...

Старинные швейцарские часы вь сто-

ловой пьвуче-медленно пробали три

четверть...

Было почти темно...

Комната освьщалась только вь углу

красноватымь свьтломь лампы. Ярко вы-

шеченныя ризы дьдовского склада свер-

ками на свьтль выпуклостяхь, и блестя

масляная краска томныхь ликовь... Два

узкихь высокихь окна выступали сквозь

кружево занавьсокь призрачно-песными

пятнами.

Юра смотрьль на образь, чувствуй у

же непонятную тоску, тяжко давившую

грудь, а кь горлу подступали безпрямь-

ные слезы...

Онь увидьль передь клавиатуромь высо-

кую, изящную женщину... Она стояла какь

бы вь раздумьи, потомь взяла чуть слыш-

ный стройный акордь и, повернувь кь

нему прекрасное, бльдное лицо, загозо-

рилась...

Ея голось, сливаясь сь тихо трепетав-

шими вь воздухь нотами, звучаль такь

необыкновенно пьжно, такь мелодично и

грустно.

— Я была сь тобой во всеь красивыи

мгновенья твоей жизни... Еще тамь да-

во... вь Бушиловкь, когда ты, убитая оть

нижн, пряталась за пнемь старой ветлы у

пруда, любовалась на красный закать...

— А ты поминишь ночь?

Лицо ея вспыхнуло свьтлой, радостной

улыбкой. Вспыхнувь, мгновенно померкло,

какь мраморь статуи оть яркой зарницы...

— Поминишь, посль грозы ты открыль

окно и садь дохнуль на тебя свьжымь бла-

гоуханьемь. Сь деревьвь, шелесть, осы-

пались дождевыя капли, и соловей, зачаро-

ванный прелестью ночи, боясь нарушить

ея спокойствие, робко началь свою пьс-

ню, а лунный свьтль едва проникаль сквозь

густо сплетенныя ветви и лины... Ты то-

гда уопуль вь кресль передь окномь, а по-

дошла и поцьловала тебя... А поминишь,

какь недавно ты стояль вь церкви... Мер-

цаль лампадами и свьчами высокой ико-

стась, тихо, стройно пьль хорь, а тебе

было безотчетно грустно... Милый, я бы-

ла рядомь, я смотрьла на тебя, и...

Юра, шатаясь, едьлазь шагь кь ней...

Она грустно опустила голову и шепнула,

исчезая: «приду снова»... Онь, какь подко-

пленный, рухнуль на коверь, что-то упало,

разбилось, а струны клавишна жалобно

вскрикнули...

Очулся Юра ненадолго уже вь по-

стели, раздвьтый... Ему давали нюхать на-

шатырный спирт. Около суетился Фетись

и какой-то господинь, вь темномь костю-

мь, по всей вьроятности, докторь.

— И часто это сь нимь бываеть? —

спрашивал докторь Фетиса.

— Вь первый разь... — отвьталь Юра,

удивляясь своему глухому, слабому голосу.

Докторь спросил еще что-то, уже обра-

щавьсь кь Юрь, но онь не повиньль... Онь

точно сразу провалился куда-то, точно сь

огромной высоты спрыгнуль вь глубокое

озеро... Только мгновеньями видьль, какь

кь постели подходили люди, говорили, по

голосомь не было слышно, поднимали его,

куда-то несли, а вь ушахь все время зву-

чало что-то протяжное, назойливое: не то

шпилье часового механизма, не-то жуужа-

ние большой мухи, бьющейся о стекло...

Кто-то все время лиль воду вь гулкий со-

судь... Юра проснль, умоляль, чтобы не

лили воду, плакаль, кричаль, хотьль бь-

жать, но его крьбно держали, а на грудь

искакиваль и садился верхомь безобразный,

Фетись вездь зажечь лампады, такь

Павшие смертью храбрых.

Полк. Ц. Ф. Маньковский.

Прап. бар. А. Э. Шиллинг. Награжден орденом св. Георгия 4 ст.

Полк. Холавинъ, скончался отъ ранъ. Награжденъ орденомъ св. Георгия 4 ст.

Воен. летчикъ пор. Д. Н. Знаменский. Погибъ 8 апр. 1915 г.

Кап. Л. А. Троицкий. Сконч. отъ ранъ.

Кап. Н. И. Ильшенко. Награжденъ орденомъ св. Георгия 4 ст.

Шт. кап. А. И. Ивановъ.

Шт. кап. В. И. Довгелевичъ.

Пор. Е. Д. Матвеевъ.

Ротм. Э. П. Гейзельеръ. Скончался отъ ранъ.

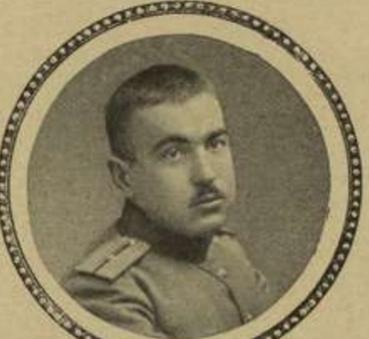
Кап. О. А. Весолого.

Кап. П. Д. Ипинацера.

Поруч. Ф. Ф. Котвасовский.

Прап. Н. В. Лалковъ.

Вольноопр. Н. Н. Тихоновъ, сконч. отъ ранъ.

Пор. Б. В. Свинарский.

Норн. Д. А. Байдакъ.

Военный летчикъ, поруч. С. Н. Ефимовъ. Разбился на войнѣ во время полета.

Подпор. Н. Я. Круза.

Прап. С. М. Анубовский.

желтоватый карлик, похожий на старую, хитрую бабу... наклонился, силно хохотал и душил за горло холодными скользкими, как у жабы, лапами...

IV.

Юра возвращался привычно в усадьбу. Он только что имел неприятный разговор с матерью, желавшей во что бы то ни стало увезти его «куда-нибудь поправиться» после нервной горячки.

Разговоры эти, обычно кончавшиеся упреками, жалобами, даже истериками и обмороками, повторялись теперь постоянно, вызывая в Юре озлобление и только сильнее укрывали его решимости никуда не ехать из города, т. е. из охотничьего дома.

И вот сегодня Юра решил, в очень резкой форме отказаться от разговоров о поездке, затеяв ушел, несмотря на то, что всаждение его слов Мария Филипповна (притворно или действительно) изменилась чувствительно...

Юра медленно шагая по узкой асфальтовой дорожке тротуара, мрачно сматривал себя под ноги и думал:

— Как жаль, что люди, живущие *зачем-то*, не могут отдать своей жизни взамен жизни тех, кто ее любит и понимает, кто имеет ясное представление о задачах своего существования и стремится выделиться что-то сознательно намеченное... А сколько теперь умирает таких людей, как тяжело должны быть для них последние минуты. Грустно, что умирают и такие люди, а вот я, скажем, и многие, мне подобные, *зачем-то* живущие, умрут нескоро, несмотря на то, что в жизни своей не намереваются одумать и не делают ничего...

Можно зашуршало платье, и Юру окутала ароматная волна духов.

Вперед быстро удалилась высокая, стройная дама в сиромом костюме и маленькой черной шляпке... На углу ближайшего переулка дама остановилась и, быстро повернувшись, посмотрела на Юру...

Это была она, его близкая, прекрасная Наташа!

... То же строгое, безукоризненно правильное лицо... даже глаза такие, какие должны быть у нея—стро-голубые,

Король Бельгийцев АЛЬБЕРТЪ I.
Последний по трети короля-героя, сданный английским художником Г. Спидомъ (Speed) на поле битвы.

грустно-задумчивые... Словом сомнений терь свистелъ въ ухахъ, да рѣдкіе прохажіе робко сторонились, съ удивленіемъ тун Дианы-охотницы, потомъ рѣшитель-

Чтобы не упасть, онъ прислонился къ стѣнѣ, судорожно вздохнулъ и, завопивъ: — Наташа! Наташа!—рикнулъ въ переулокъ.

Бѣжалъ, какъ безумный, только въ- Переулокъ былъ не длиненъ,—выходилъ на большую людную улицу... Юра такъ разбѣжался, что сблизъ съ

ногъ мальчишку-газетчика и едва не попалъ подъ вагонъ трамвая.

Блвой дамы нигдѣ не было... да и немилосиво было найти ее въ сплошномъ непрерывномъ потоки пешеходовъ, гдѣ то и дѣло мелькали сѣрые костюмы и черныя шляпы.

Онъ остановился среди улицы, потомъ медленно вернулся на тротуаръ, сопровождаемый любопытными и насмѣшливо-подозрительными взглядами. Подоиди къ важному, осанистому городовому, спросилъ, задыхался:

— Вы... вы... не видѣли... здѣсь... сейчасъ... пришла дама... изъ переулка?...

Тотъ, оглядѣвъ его съ высоты величія, снисходительно, какъ слонъ букашку, процѣдилъ:

— Мало ли тутъ дамъ ходить... И, отвернувшись, сейчасъ же рванулся со всѣмъ легкимъ на домового извозчика:

— К... куда прешь, ч...чортова хара!?

Юра прошелъ весь переулокъ два раза, заглядывая во дворы, окна, двери, но дамы въ сиромом костюме нигдѣ не было...

Вернулся онъ къ себѣ усталый, разстроенный, не раздѣваясь прошелъ черезъ терасу въ садъ и на площадкѣ, теперь густо заросшей благоуханной сиренью, опустился на скамью...

Надъ нимъ, въ потемнѣвшемъ небѣ, уже загорѣлись кое-гдѣ звѣзды... Садъ сонно еле внятно шелестѣлъ, изрѣдка роняя внизъ сухую вѣтку, а съ пруда вѣстѣ съ сыростью вѣло одуряющимъ запахомъ цвѣтущихъ купавокъ и еще какихъ-то цвѣтковъ...

Какъ контрастъ къ дремотной тиши цвѣт сада, прудъ таинственно ожилъ: тамъ что-то булькало, камыши шевелились, точно кто-то старался раздвинуть ихъ, чтобы выглянуть изъ-за крутого берега... жалобно плакалъ трютовъ...

Юра, прислонясь спиной къ стволу высохшей березы, пристально всматривался въ которое время въ смутные контуры высоко поднимающейся передъ нимъ стажокъ поднимавшейся передъ нимъ стажокъ Дианы-охотницы, потомъ рѣшительно всталъ и вернулся въ комнаты.

V.

Фетякъ ушелъ ко всенощной, и снова вездѣ горѣла лампадка...

Юра раздѣлся, накинулъ халатъ... От-

НА КАВКАЗСКОМЪ ФРОНТѢ.

Эпизодъ изъ боя подъ Эмиръ-Абодомъ, гдѣ полковникъ Потто лично велъ головную сотню.—Адъютантъ полка настигаетъ Нурдовъ подъ Эмиръ-Абодомъ.
Рисунъ А. Пржевальскаго (участника войны).

да не по-
да и не-
илошномъ
овъ, гдѣ
стома и
ы, потомъ
ь, сопро-
васмѣшли-
Подойди
ому, спро-
сьсь... сей-
уака?...
ы величія,
шшу, про-
тть...
ривкнула
эчика:
ова хара!?
два раза,
двери, по
не было...
разстро-
ь черезъ
теперь
сиреню,
небѣ, уже
адъ сонно
ка роина
вместѣ съ
зпахомъ
какихъ-то
ой тиши-
аль: тамъ
евелись,
нута ихъ,
о берега...

На позиціяхъ.—Вокругъ «поставщика».

Бѣженцы.
Съ фот. З. И. Шубской-Корсаковой, изъ Москвы.

Ген.-лейт. М. С. ТЮЛИНЪ.
Нагр. Георг. оружіемъ.

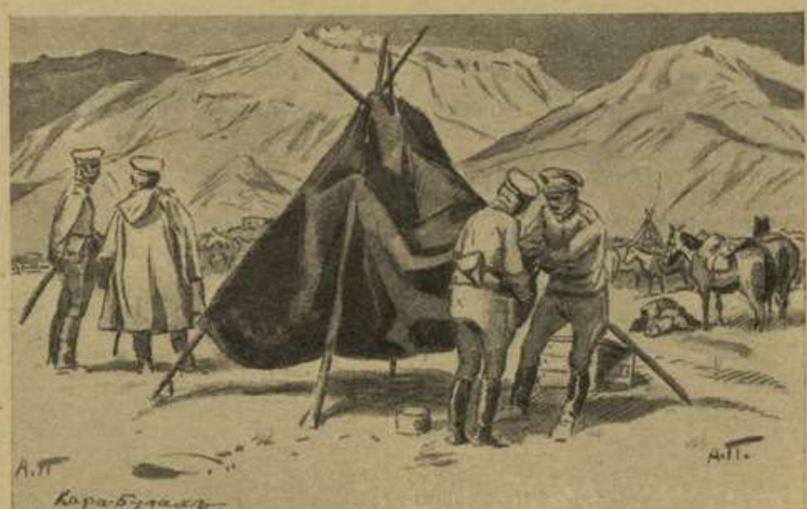
Свиты Его Величества
ген.-м. Петръ Ив. АРАПОВЪ.
Награжденъ георгіевскимъ оружіемъ
за то, что съ 21-го по 29 ноября 1914 г.
въ боюхъ у д. Гомоланъ, будучи на-
чальникомъ боевого участка и нахо-
дясь въ боевой линіи, упорно оборонялъ
вѣренный ему участокъ сначала съ
10-ю эскадронами и одной конной ба-
тареей, а потомъ съ присоединеннымъ
однимъ батальономъ Н. пѣхотнаго пол-
ка. Онъ отбилъ всѣ настойчивыя по-
вторныя атаки значительно превосхо-
дящихъ силъ противника и не усту-
пилъ своей позиціи до смѣны.

кровь настекъ всѣ двери, сталъ ходить
взадъ и впередъ черезъ анфиладу комнатъ:
отъ прихожей до угловой гостиной и об-
ратно...
Всѣ размышленія послѣднихъ дней
сводились въ его сознаніи къ одному:
— Сдѣлаю, какъ она... Нельзя жить
зачѣмъ-то...
Въ спальнѣ онъ досталъ изъ столика у кро-
вати небольшой отцовскій револьверъ съ
короткимъ дуломъ и перламутровой руко-
яткой... Въ немъ было только четыре за-
ряда...
Осенью, «Дункавъ», любимый пойнтерь
Юры, попалъ подъ проезжавшую телегу...
Пришлось застрѣлить несчастную собаку,
такъ какъ у нея была сломана позвоноч-
никъ...
— Да, это тотъ самый револьверъ!.. Изъ
него убита собака!
Юра улыбнулся:
— Можетъ быть, обо мнѣ скажутъ:
«Собака—собачья смерть!».. Ну, что-жъ,
пусть...
Онъ бросилъ халатъ на кресло, осмо-
трѣлъ револьверъ, передвинувъ барабанъ
на заряды и, нагнувшись, потъ сорочкой
питое ребро слѣва, приложилъ дуло къ
груди вшитую... Зажмурился... Рука
сильно вздрагивала и холодная сталь ше-
котала тѣло сквозь сорочку... Придержалъ
дуло лѣвой рукой.
...По комнатѣ медленно плыла тѣмнѣй
сизый дымъ, свиваясь и расходясь причуд-
ливо-неправильными параллельными по-
луспиралями... Гудѣли отъ выстрѣла чут-
кія струны клавирина, а близко около го-
ловы отчетливо вырисовывался голубой
пѣтлѣтокъ обивки кресла... Отъ паркета
пахло пылью и мастикой...
... Съ дивана поднялась блѣдная пре-
красная женщина... быстро приближи-
лась, шепеля платьемъ... Стала на ко-
лѣни... Ея рука приводила голову
Юры...
... Сверкнувъ, померкли въ быстро сгу-
шавшемся мракѣ сѣро-голубые глаза и
холодныя губы жадно прильнули къ его
губамъ...
— Милая... жить... такъ... глупо:
такъ... не... не... красиво!..
Василій Аванасьевъ.

весьма распространенномъ въ царствова-
ніе Луи-Филиппа.
Прежде чѣмъ описывать этотъ эпи-
зодъ, ярко характеризующій послѣд-
ственное суевѣріе въ роду Гогенцоллер-
новъ, необходимо нѣсколько очертить по-
ложеніе вещей той эпохи.
Королевская семья Франціи находилась

въ заточеніи въ Тамплѣ, всл. Франціи
была охвачена междоусобными распри-
ми, а прусская армія подъ предводитель-
ствомъ короля Фридриха-Вильгельма
племянника Фридриха Великаго, скон-
чавшагося за шесть лѣтъ до него, при-
ближалась къ Парижу.
Гоялисты восторженно встрѣчали

НА КАВКАЗСКОМЪ ФРОНТѢ

Бивуакъ въ Кара-Булакѣ.

НА ИТАЛЬЯНСКОМЪ ФРОНТѢ.

Отдыхъ итальянскихъ солдатъ во временныхъ траншеяхъ въ окрестностяхъ Изонцо.

Тѣнь Фридриха Великаго.

(Изъ семейной хроники Гогенцоллер-
новъ).
Настоящій эпизодъ изъ семейной хро-
ники Гогенцоллерновъ относится къ
1792 году и появился въ печати въ 1833
году въ «Журналѣ Городовъ и Сель»,

Пруссаков, как освободителей династии, хотя Германцами уже в то время руководило не человеколюбие, а желание «растоптать длань Францию», что и стояло девизом иллюминатов: L. D. P. («Lilia destrue pedibus»).

Иллюминаты, вышедшие в конце XVIII вѣка во Францію таких застрѣльщиков, как Калостро, Сент-Жерменъ, Месмеръ и Клотцъ, похвалялись недаромъ тѣмъ, что они сдѣлали для французской революціи больше, нежели самые ярые революционеры страны.

Король Фридрихъ-Вильгельмъ принадлежалъ также къ одной изъ ложъ иллюминатовъ, а именно ложѣ «Розоваго Креста». Онъ не пытался разобраться въ дѣлахъ и направленіи этого общества, будучи прельщенъ исключительно фантастической театральностью, характеризовавшей ложу. Суевѣрный, какъ древній Римлянинъ, онъ вѣрилъ слѣпо въ существованіе призраковъ и не предпринималъ ничего безъ предварительнаго совѣщанія съ гадалками.

Прусская армія дошла уже въ своемъ побѣдоносномъ шествіи до Вердена, и не французскіе санюлоты, дезорганизованныя и малочисленный сбродъ, могли удержать ее отъ движенія на Парижъ.

Въ то время, какъ роялисты въ Верденѣ приветствовали шумными торжествами вступленіе «освободителей короля», республиканцы во главѣ съ Дантономъ приходили въ отчаяніе предъ безвыходностью своего положенія.

Какъ вдругъ... Германцы неожиданно отступили къ своей границѣ, оставивъ всюкую мысль о дальнѣйшемъ завоеваніи Франціи.

Это извѣстіе казалось столь неправдоподобнымъ, что Парижане долгое время не могли повѣрить ему. Послѣдствіемъ начались великія объясненія этого страннаго факта, оказавшаго огромное вліяніе на дальнѣйшія судьбы Европы.

Говорили тогда о томъ, что прусскій король и герцогъ Брауншвейгскій были подкуплены коронными драгоцѣнностями Франціи и дали согласіе на отступленіе, но послѣдовавшій вѣкоръ процессъ грабителей, похитившихъ коронныя драгоцѣнности, разбилъ эту басню. Въ теченіе почти полувѣка необъяснимое отступленіе Пруссаковъ оставалось загадкой для историковъ, пока разоблаченіе «Journal des villes et des campagnes» не пролило, наконецъ, нѣкоторый свѣтъ на этотъ любопытный фактъ и не дали въ качествѣ разгадки изумительное суевѣріе Фридриха-Вильгельма.

Перейдемъ къ изложенію этого эпизода. 3 сентября 1792 года городъ Верденъ давалъ торжественный балъ въ честь короля Фридриха-Вильгельма. Весь цѣлый эмигрантъ присутствовалъ на этомъ балу. Въ самомъ разгарѣ его къ королю подошелъ какой-то господинъ и шепнулъ ему на ухо два слова. Король вздрогнулъ: то былъ пароль ложы «Розоваго Креста». Повинуясь знаку незнакомаго, онъ послѣдовалъ за нимъ по коридорамъ и лѣстницамъ въ какое-то подземелье, отдѣланное съ претенціозной театральностью, присущей иллюминатамъ. Стѣны были обтянуты чернымъ сукномъ, по угламъ на треножникахъ пылали красноватымъ пламенемъ какой-то порошокъ.

Встревоженный король собрался обратиться за разъясненіями къ своему спутнику, но тотъ исчезъ. Фридрихъ-Вильгельмъ хотѣлъ удалиться въ свою очередь, подумавъ о возможности ловушки, когда загробный глухой голосъ удержалъ его:

— Остановись! Не уходи отсюда, не выслушавъ меня!

Занавѣсь въ глубинѣ раздвинулась и за ней показалась фигура... Фридриха Великаго! Король сразу призналъ своего паретвеннаго предшественника: его блѣдное, худое лицо, носъ, потемнѣвшій отъ нюхательнаго табака, согнутыя плечи, живой взглядъ и небрежно выбритое лицо. Мало того, призракъ былъ одѣтъ въ обычный костюмъ короля-философа въ домашней обстановкѣ: въ его легендарный синезскій сюртукъ. Король держалъ старую засаленную трость въ рукѣ.

— Узнаешь ли ты меня?—спросилъ призракъ послѣ нѣкоторой паузы.

Король молчалъ, дрожа, какъ въ лихорадкѣ, а призракъ продолжалъ увѣренно:

— Да, ты узналъ меня, и я скажу тебѣ слова, услышанныя Карломъ VI въ Манскомъ лѣсу: ни шага впередъ, тебя подстерегаетъ измѣна.

Бесѣда короля съ призракомъ продолжалась около часа, по крайней мѣрѣ, лица, присутствовавшія на балу, утверждаютъ, что съ того момента, какъ король послѣдовалъ за незнакомцемъ, и до

Пленные Курды, захваченные нашими разъѣздами во время перестрѣлокъ въ горахъ.

появленія его въ балномъ залѣ съ растеряннымъ и блуждающимъ взглядомъ, прошло не менѣе часа.

Фридрихъ-Вильгельмъ вызвалъ немедленно своего министра Бисшофсведера, удалился съ бада и бесѣдовалъ съ нимъ конфиденціально до утра. А на слѣдующее утро по Вердену распространилась изумительная вѣсть: король отказался отъ похода на Парижъ и войскамъ отдалъ приказъ готовиться къ возвращенію на границу Германіи.

Эта новость произвела тѣмъ большее впечатлѣніе, что еще наканунѣ герцогъ Брауншвейгскій распространилъ въ германскихъ войскахъ многорѣчины прокламаціи на тему, что слѣдующій привалъ доблестныхъ солдатъ будетъ въ Парижѣ.

Не прошло и недѣли, какъ при прусскомъ дворѣ таинственно шептались о вѣдѣніи короля и радовались тому, что внимательство Фридриха Великаго изъ потусторонняго міра спасло Пруссію отъ невѣдомыхъ бѣдъ.

Когда этотъ эпизодъ былъ напечатанъ въ 1839 году, аббатъ Сабатье, близко знавшій многихъ видныхъ дѣятелей революціи, внесъ нѣкоторыя разъясненія въ это таинственное происшествіе. Онъ сообщилъ, что 2 сентября 1792 года къ нему пришелъ Бомарше, авторъ извѣстной «Свадьбы Фигаро», и выразилъ свое изумленіе по поводу неожиданнаго отъѣзда извѣстнаго драматическаго артиста Флери въ Верденъ.

— Что ему тамъ дѣлать?—изумлялся

онъ,—вѣдь Флери ярый республиканецъ и другъ Дантона, и вдругъ отправляется въ осное гнѣздо, гдѣ царятъ роялисты и эта выскочка Гогенцоллерны!

Недоумѣніе это еще больше усилилось, когда по возвращеніи Флери категорически отрицалъ свою поѣздку въ Верденъ, утверждая, что все это напугала его прислуга.

Только значительно позже Флери сознался, что дѣйствительно былъ въ Верденѣ 2, 3 и 4 сентября, но упорно отказывался сообщить цѣль своей поѣздки, говоря, что здѣсь таится секретъ государственной важности.

Аббатъ Сабатье говоритъ далѣе, что Флери изумительно правдиво игралъ на сценѣ роль Фридриха Великаго и усвоилъ въ мелочахъ не только его гримъ, но и его походку, манеру говорить и покашливать. Самые близкіе къ королю люди изумлялись поразительному искусству Флери.

Другъ Дантона и его секретаря, драматическаго писателя Фабръ д'Эглантина, Флери взялъ на себя отвѣтственную и весьма опасную роль призрака Фридриха Великаго.

И въ этотъ день онъ превзошелъ себя, если родной племянникъ короля не увидѣлъ подлога и смѣло повѣрилъ появленію тѣни изъ загробнаго міра.

Такъ объясняются иногда случайно загадки исторіи. Во всякомъ случаѣ при берлинскомъ дворѣ не любили говорить о пресловутомъ появленіи тѣни Фридриха Великаго въ Верденѣ, и если разгадка эта не получила широкаго распро-

страненія, то все же Гогенцоллерны неохотно вспоминаютъ о бесѣдѣ своего предка съ призракомъ.

Вильгельмъ II, тоже весьма суевѣрный по натурѣ, высказался однажды, что причиной этой оплошности правды явилась его крайне экзальтированная и мистически настроенная натура, и что отступленіе Германцевъ изъ Вердена въ 1792 году было для Германіи и для Пруссіи въ частности катастрофой государственнаго характера.

Этотъ малозвѣстный историческій курьезъ ярко характеризуетъ основное суевѣріе дома Гогенцоллерновъ. И любопытно отмѣтить, что только германская и австрійская династии имѣютъ своихъ «придворныхъ призраковъ», причемъ рекорды популярности несомнѣнно побилъ «Бѣлая Дамы» Гогенцоллерновъ.

Даже мрачные дворцы Испаніи освободились уже въ XX вѣкѣ отъ этого на слѣдствіи темнаго ересьничества, а Берлинъ по прежнему свято блюдетъ традиціи узкаго суевѣрія.

На разсвѣтѣ.

Огонь звѣзды чуть брезжившій потухъ,
Рѣдла мгла на побережьи дикомъ,
И первый пробудившійся лѣтухъ
Привѣтствовалъ зарю протяжнымъ крикомъ.

Рѣдла мгла... оранжевый востокъ
Свой скрытый свѣтъ струилъ по темнымъ
Соснамъ,
И пробѣгалъ разсвѣтныи холодокъ.
Кропя траву благословеннень роснымъ.

Вилась направо въ ближніе лѣски
Пушистыхъ тучъ затѣйливая пражка,
И рисовались камни и пески
Все арче освѣщавшагося пляжа.

Рождалась жизнь въ призывномъ свистѣ
птицъ,
Въ кустарникѣ проснулся ранній шорохъ,
И лучъ скользнулъ по тѣнямъ нашихъ
лицъ
И загорѣлся въ утомленныхъ взорахъ.

О, солнце, встань... и радостно отбѣй
Пустынный берегъ праздничнымъ покровомъ,
Пусть смѣнитъ яркій, лучезарный день
Ночную мглу на сѣверѣ суровомъ!..

В. Опочининъ.

Литературныя замѣтки.

Романъ свѣтскаго человѣка.

Въ романѣ г. В. М. Трилицкаго «Человѣкъ общества» выведено въ качествѣ героя опредѣленное лицо, Жоржъ Старосельскій, но въ намѣреніи автора, очевидно не входило разсказать намъ исторію единичнаго неудачнаго брака. На каждомъ шагу мы видимъ желаніе обобщить изображаемыя явленія, такъ что Жоржъ вытесняется авторомъ столько своими индивидуальными чертами, какъ тѣмъ, что онъ является выразителемъ взглядовъ, привычекъ и предрассудковъ извѣстной среды, и исторія его брака должна представлять собою исторію брака «человѣка общества» вообще. «Какъ человѣкъ общества,—говорить о себѣ герой,—я всегда на первое мѣсто въ жизни ставилъ выполненіе укоренившихся взглядовъ, такъ называемыхъ свѣтскихъ законовъ, и одна мысль о возможности нарушить ихъ приводила меня въ сораганіе». Вступая въ бракъ, Старосельскій предвѣщалъ своей будущей женѣ требованія, какія обыкновенно предъявляются въ такихъ случаяхъ людьми его круга. Дѣли принадлежала къ приличной

* В. М. Трилицкій. *Человѣкъ общества*. Романъ. Петроградъ. 1915 г. Стр. 261. Ц. 2 руб.

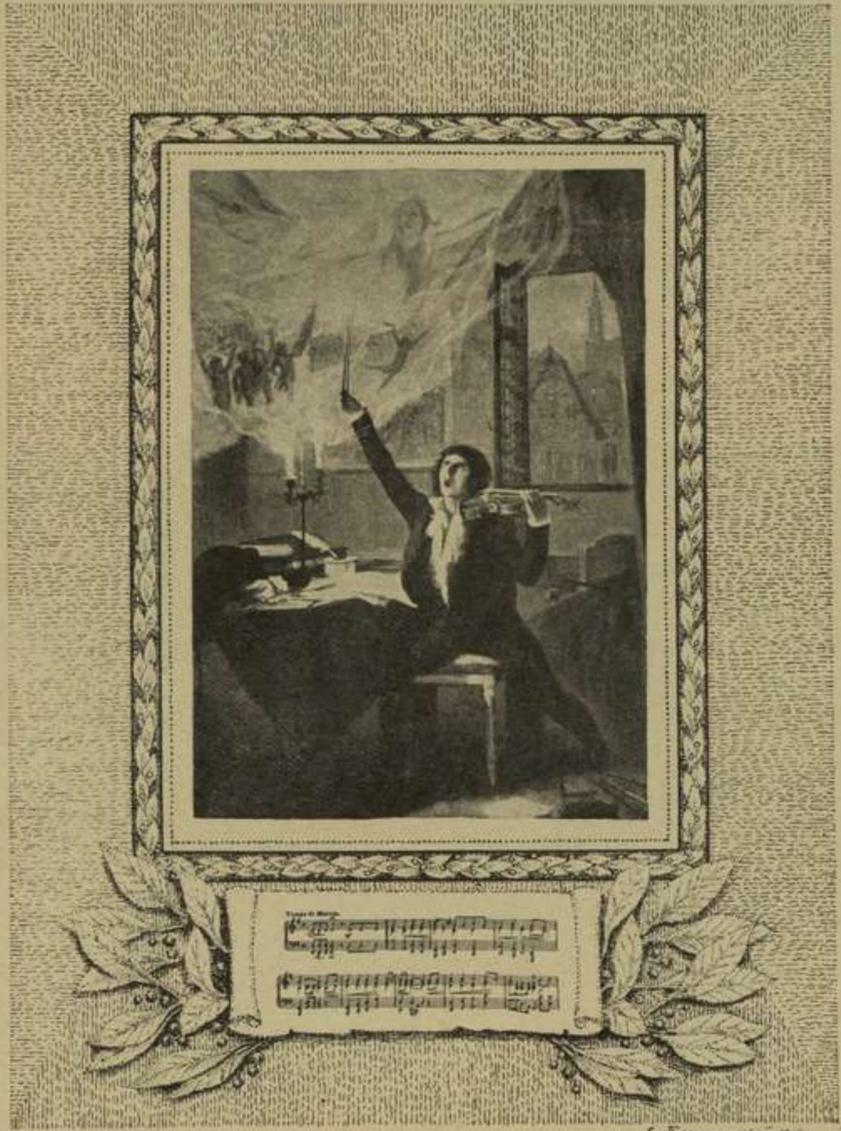
въ ПѢКИНѢ.

Патриотическая манифестация у памятника Руно-де-Лилля, творца французскаго народнаго гимна—Марсельезы. Въ день національнаго праздника французскаго народа состоялось торжественное перенесеніе праха автора Марсельезы съ кладбища Шуази-ле-Руа во дворецъ Инвалидовъ. Въ торжествѣ, послушившемъ поводомъ грандіозной манифестации, приняли участіе президентъ республики Пуанкаре, члены парламента и тысяча разныхъ делегаций.

(См. № 14120 «Нов. Вр.»).

семья, она была гибка, грациозна, у нее были «большие голубые глаза наивной куколочки», а вдобавок еще ушки — «маленький, нервный, с резко очерченной впадиной, закругляющийся кверху красноватый изгиб». Казалось бы, что при таких условиях могла бы в течение больше или меньше продолжительного времени сохраняться хотя бы видимость удачного брака. Но автор ведет дело к развязке быстрым темпом, и его «человечку общества» в первые же дни супружества приходится убедиться, что его очаровательная Лили совсем не то, чем она представлялась ей себе до свадьбы. Ст довольно откровенным цинизмом она признается ему, что для нее брак представляет привлекательность лишь настолько, насколько он может дать ей возможность платить бешенные деньги за туалеты и бриллианты, и что те, сравнительно скромные средства, которые может ей предоставить для этой цели ее муж, ее вовсе не удовлетворяют. Здесь опять мы встречаемся с обобщением: не одна Лили такова, а все ее подружки по институту мечтали «о роскошных особинах, нарядах, бриллиантах, о блеске и толпе поклонников, о веселой беззаботной жизни». Кроме Лили, автор знакомит нас еще с одной из таких «мечтательниц», вышедшей замуж за миллионера-кушача и сумевшей так его одурочить, что он считает ее чуть не святой женщиной, в то время, как она не только имеет любовника, но даже желает план, завладев состоянием мужа, как-нибудь от него отделиться, хотя бы путем преступления. Если верить автору, то мы имеем здесь дело не с какими-нибудь выродками из среды молодых женщин, выходящих из-под иды наших институтов, а с типичными представительницами этой среды, и, таким образом, если бы Жюль Старосельский, пожелав устроиться в тихой семейной пристани, соединив свою судьбу не с Лили, то все равно в том же кругу, где ему предстояло делать выбор, он не нашел бы ничего лучшего. Уже прозрев относительно своей жены, он все же приходит к выводу, что его брак «не худший из современных. Осложнение в романе Старосельского вносить его встречу с балериной Апелман, в которой он похвалит и душевную красоту, и доброту, и другие высокие качества, отсутствующие у его жены. Выдерживая до конца стиль «человечка общества», Старосельский не рвется открыто разойтись с женой и устроить себе новый семейный очаг, а идет с женою на компромисс: он будет смотреть сквозь пальцы на то, что у нее есть любовник, а она не будет его стеснять в его сердечных увлечениях, — лишь бы в глазах света они были по-прежнему благопристойной супружеской парой. Некоторое счастье дается, таким образом герою, но счастье половинчатое, которое приходится красть урывками. Как и все почти беллетристические произведения, написанные для доказательства извѣстнаго тезиса, роман г. Трилицкаго грешит искусственностью, и многие положения в нем являются натянутыми. Плохо впрямь как в такое изобилие порочных наклонностей у дам большого общества, какое рисует нам автор, так и в избыток добродетелей у выведенной им видь противопоставления им балерины. У последней автора не смущают даже ее богатые «покровители», дающие ей возможность вести и довольно широкое существование. Для полной реабилитации балерины оказывается, напр., совершенно достаточным афоризма, сказанного по поводу ее отношений к какому-то высокопоставленному лицу одним из действующих лиц: «Он покровитель был, это вѣрно, но не каждый покровитель любовник».

Автор Марсельезы РУЖЕ-ДЕ-ЛИЛЛЬ.

Рис. С. О. Пломинский.

Студенческая литература.

«Студенческому сборнику»*, изданному редакцией студенческого же журнала «Вешняя вода», предпосланы многообещающие предисловия: одно от редакции, — из которого видно, что сборник должен доказать неосновательность распространя-

емого в обществе мнѣнія «о безликости современного студенчества, о падении всего, чем оно жила и крѣпло». «В переживаемую годину тяжелых испытаний, — говорит редакция, — есть еще в студенчестве силы, устремляющіяся къ подлинно прекрасному, къ подлинно праведному». Другое предисловіе принадлежит В. В. Розанову. Исходя из той мысли, что в юности наиболее цѣнными качествами являются «свѣжесть, непосредственность и правда», и что эти же свѣжесть, непосредственность и правда легче всего ей и даются, г. Розановъ обращается къ юным

* Студенческий сборник. Издание студенческого журнала «Вешняя вода». Петроград. 1915 г. Стр. 206. Ц. 2 р. Весь чистый доход поступает в комитет по оказанию помощи больным и раненым воинам.

ВОЕННО-ПРОМЫШЛЕННАЯ МОБИЛИЗАЦИЯ ВЪ АНГЛИИ.

Женщины на работѣ въ мастерской, гдѣ выдѣлываются снаряды.

участникамъ сборника съ призывомъ: «Гайда, юность! Будь тыль, что есть... Пой каждую пѣсню, какая поется, сказывай всякую сказочку, какая тебѣ мерещется!» В сборник помѣщены, кроме того, двѣ статьи г. Розанова: «Въ интеллигентномъ утарѣ» и «Что и за что дерется въ те-перешней войнѣ». Въ первой изъ нихъ авторъ, со своими обычными пафосомъ и своеобразіемъ мысли, подходит къ вопросу, затронутому въ свое время сборникомъ «Вѣхи» и не утратившему до сихъ поръ своего ягучаго интереса: «идти ли русскому человѣку за универсализмомъ всей русской литературы, какъ она выразилась отъ Жуковского до Толстого, или ему, свернувъ съ этой дороги широкаго пониманія и широкаго сочувствія, перейти на «железнодорожные рельсы», отъ Маркса до Михайловскаго, попросту, погрузиться въ социаль-демократическій интересъ, въ социаль-демократическія надежды, въ социаль-демократическія законы и всю психологию». Въ другой статьѣ г. Розановъ убедительно и горячо доказываетъ узость пониманія смысла и значенія нынѣшней войны, высказанную радикальными публицистами, отъ вниманія которыхъ все ее національное значеніе совершенно ускользнуло, и которые видятъ въ ней только одну цѣль — сокращеніе прусскаго юнкерства, прусскихъ аграріевъ и империализма Вильгельма II.

Переходя отъ «гастролеровъ» сборника къ участвующимъ въ немъ «молодымъ силамъ», мы найдемъ въ помѣщенныхъ въ немъ разсказахъ и стихахъ, кроме нѣкотораго количества неизбежныхъ во всякихъ такого рода изданияхъ слабыхъ вещей, нѣсколько произведеній, обнаруживающихъ въ авторахъ литературное дарованіе. Въ разсказѣ г-жи Н. О. Нефедьевой «Моя первая любовь» правдиво изображены любовныя переживанія пятнадцатилѣтняго подростка, героя романа котораго на семь лѣтъ старше его. Съ интересомъ читается очеркъ г-жи Марины Несватовой «Его любовь». Здѣсь разсказана исторія «роковой ошибки» героя, который, будучи вполне увѣренъ, что дѣвушка, любимая имъ сильно и глубоко, умерла, женится на другой, простой и безхитростной Танюшѣ, надѣясь найти съ нею если не полное счастье, то хоть нѣкоторое его подобіе. Неожиданная встрѣча съ тою «единственною», которую онъ никогда не переставалъ любить, разрушаетъ все призрачное благополучіе какъ самого героя, такъ и двухъ ставшихъ ему близкими женщинъ. Въ обоихъ указанныхъ произведеніяхъ мы напрасно стали бы искать, однако «свѣжести и непосредственности», — ни въ самихъ затронутыхъ мотивахъ, ни въ отношеніи къ нимъ авторъ мы не находимъ ничего такого, чего мы не встрѣчали бы уже не разъ и въ литературѣ «не юношеской». Авторъ разсказа «Напрасныя грезы», г. Юрій Чуткій, даже слишкомъ явно въ манерѣ своего письма идетъ по стопамъ модернистовъ: «нѣжать темные глаза, растворяя меня въ искрищихся волнахъ теплаго, свѣтлаго окрыленія», «пустота наемѣшавшо сѣрла оттуда» (изъ почтоваго ящика) и т. п. Некоторую попытку сказать «свою сказочку» мы находимъ въ повѣсти г. И. Мартынова «Случайная встрѣча». Но какова будетъ развязка начавшагося было сблженія двухъ лицъ, изъ которыхъ «одна ищетъ любви платонической, основанной на уваженіи, на дружбѣ, а другая ищетъ любви реальной, могущей дать ей радости счастливой семейной жизни», — авторъ не договариваетъ. Въ результатѣ повѣсть заинтересовываетъ скорѣе какъ рядъ живыхъ жанровыхъ картинъ изъ студенческой жизни, чѣмъ какъ попытка открыть какую-то «новую правду» въ области отношеній между мужчиной и женщиной. Во всякомъ случаѣ, какъ попытка студенчества сдѣлать смотръ своимъ литературнымъ силамъ, сборникъ заслуживаетъ вниманія.

в. ю. в.

ллеры не-
дѣ своего
суевѣрный
нажды, что
адѣда яви-
шая и ми-
и что от-
бердена въ
и для Прус-
ей государ-
сторическій
основное
въ. И ло-
грманская
отъ своихъ
ничемъ ре-
но побила
въ.
тани осво-
этого на
я, а Бер-
одеть тра-
потухъ,
комъ,
ль
нымъ кри-
комъ.
окъ
но темнымъ
соснамъ,
окъ,
роснымъ.
ски
прижа,
омъ свѣтъ
птицъ,
и шорохъ,
нашихъ
лицъ
взорахъ.
однь
мъ покро-
вомъ,—
ный день
омъ!..
очивая.
ТКИ.
на.
го «Чело-
чествъ ге-
къ Старо-
очевидно
торію еди-
каждому
тъ изобра-
тъ интере-
и нидиль-
е, что онъ
съ, привы-
й среды, и
едствалтъ
общества»
ва,—гово-
первое мѣ-
ніе укоре-
ываемыхъ
ль о воз-
дила меня
съ, Старо-
щей женѣ
редѣляя
и его кру-
приличной
общества.
Стр. 261.

Особенная Россия *

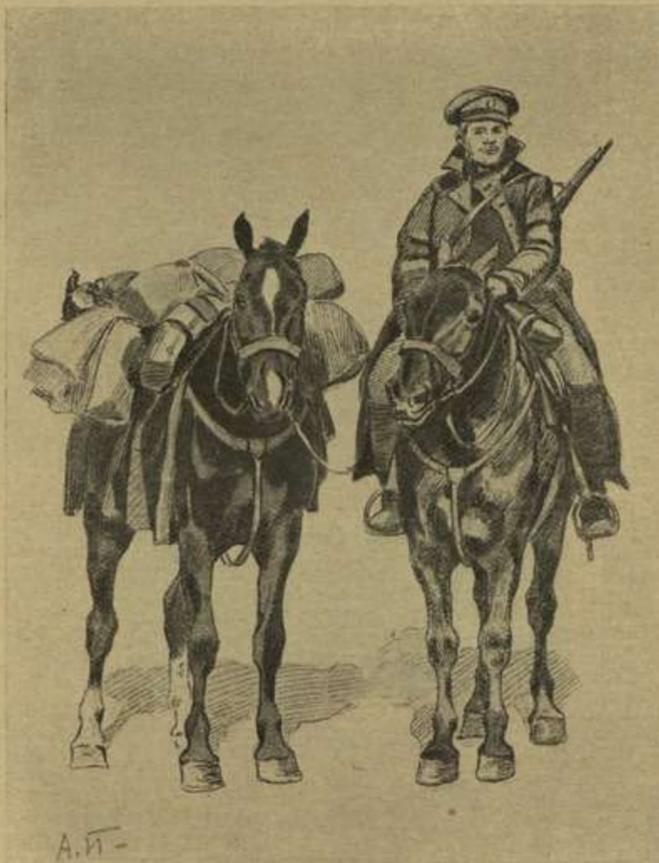
Пора, совсем пора нам, Русским, узнавать нашу, невдомую нам, Россию. И для этого нет необходимости даже переживать те исключительные времена, которые переживаем мы сейчас, — просто эта задача интересна и важна сама по себе и для всякого момента. В сущности мы уже потому не знаем теперешней России, что это новая, лишь на памяти наших отцов и много — дедов сложившаяся Россия. Только теперь становится ясным, как сильно изменили географический, этнографический и всякий иной состав России «тихий», незамысловатый какой-то завоевания и всяческие «присоединения» эпохи Александра II. Можно сказать, что если завоевания Петра и Екатерины определили историческую и культурную границу той России XVIII—XIX веков, которую все и везде больше или меньше знают (хотя бы по изображениям наших «классиков»), то царствование Царя-Освободителя наметило другие пределы для новой России XX, XXI и последующих веков. И к этой «большой» России даже мы сами просто еще не привыкли и не очень отчетливо представляем себе ее конкретные слагаемые и общий облик.

Вот почему так ценны и так интересны все сведения, могущие дать хоть некоторую ориентировку. Брошюра г. Волошинова, например, есть лишь краткое описание ученической экскурсии с гимназистами Киевского учебного округа летом прошлого года в наши средне-азиатские владения и в Бухару. Но даже это описание, несмотря на свой несколько школьный характер, читается с огромным интересом и, я думаю, мало останется читателей, которых самих не потянуло бы при чтении в эту непривычную, необычайную, африканскую какую-то Россию...

В самом деле, неужели это Россия? Положим, экскурсия проходила в июле. Но все-таки экскурсантов ласкала температура в 62—68 град. С. (50—55 град. Р.) на солнце! А между тем, ведь и она — русская: Ташкент и Мерв — это тоже «мы», такая же наравне с нами Россия, как Пеков и Кашгара. Правда, эти города лежат на сколько-то южнее Мадрида и Неаполя...

* Г. Волошинов. «Экскурсия в среднюю Азию летом 1914 года». Киев, 1915. Стр. 64. Ц. 50 коп.

НА ВОЙНѢ.

Денщикъ съ вещами своего офицера.

Россия — южнее Мадрида?.. Что такое? Но чего-чего не пережила эта южная страна, пока великая северная империя не распростерла над ней незыблемую все это «пахнуть» Японией, Америкой... И все это — Россия! И насколько это стало Россией, лучше всего видно из такой ужасной во-истину картинной современной таблички роста хлопковых посевов (заведенных впервые после русского завоевания): в 1884 г. было засеяно всего лишь 300 десятин хлопков, а в 1910 г. — уже 379,213 десятин! Весь край переродился за эту четверть века — началась новая история многогранной и томительной, как долго бы он ни писался, будет, надо думать, и ключевым.

Но что-чего не пережила эта южная страна, пока великая северная империя не распростерла над ней незыблемую все это «пахнуть» Японией, Америкой... И все это — Россия! И насколько это стало Россией, лучше всего видно из такой ужасной во-истину картинной современной таблички роста хлопковых посевов (заведенных впервые после русского завоевания): в 1884 г. было засеяно всего лишь 300 десятин хлопков, а в 1910 г. — уже 379,213 десятин! Весь край переродился за эту четверть века — началась новая история многогранной и томительной, как долго бы он ни писался, будет, надо думать, и ключевым.

родомъ то, что Вильгельмъ II хотѣлъ бы сдѣлать съ Лондономъ: изъ всего населенія города осталось только 400 человекъ ремесленниковъ, уведенныхъ для службы истребителю... Развалины, занимающія около 1000 квадр. верствъ, — вотъ что досталось Россіи, какъ памятникъ послѣдствительныхъ катастрофъ и возрожденій.

Въ другомъ центрѣ края, Самаркандѣ, помпидомъ Александра Великаго, еще дѣла гробница другого великаго бича народовъ — Тамерлана, накрытая единственнымъ въ мирѣ монолитомъ темно-зеленаго нефрита. Любопытная надпись на камнѣ передаетъ въ наивной формѣ о зачатіи великаго ханчика его матерью «отъ волка», который явился къ ней въ отверстіе комнаты и принялъ образъ человека. «Это показаніе, данное ею, — добавляетъ надпись, — принято за истину. Достохвальныя потомки ея будутъ владѣть міромъ вѣками».

Но волчья хитрость и волчья алчность не принесли долговѣчныхъ плодовъ. Уже раскололся на-двое темно-зеленый нефритъ надъ могилой «железнаго Хромца» и опустошена могила. Разорены старыя памятники Самарканда и полуразрушенной стоятъ знаменитая мечеть Ширдаръ (т. е. «украшенная львами»), о которой было сказано: «Когда архитекторъ изобразилъ сводъ этой арки, то небо отъ удивленія прикусило новую луну, какъ палецъ».

Всего заманчивѣе вышла въ книжкѣ Старая Бухара, сохранившая еще въ своей иллюзорной независимости весь цвѣтущій «восточный колоритъ». Путешественниковъ поразили контрасты мертвенно-однообразныхъ глиняныхъ стѣнъ безконечнаго города, этой «вертикальной пустыни», — съ неожиданной роскошью, комфортомъ и нѣгой, скрытыми внутри, за надежной оградой. Таковъ Востокъ — «женскій» Востокъ, столь переходящій на «общественный» по-мужски Западъ. Но вотъ оба «начала», оба великія вѣтви встрѣтились и сплетаются на одномъ общемъ стволѣ — на двойственномъ древѣ нашей Россіи.

И. Перцовъ.

Редакторъ Б. А. Суворинъ.
Изданіе Товарищества А. С. Суворина —
«Новое Время».

СТРАДАЮЩИМ
запорамъ, геморроемъ
рекомендуется Стомоксигенъ Д-ра Антона Мейеръ. Стомоксигенъ освобождаетъ желудокъ легко, нормально и приятно и дѣйствуетъ всегда одинаково. Это средство надежное, совершенно безвредное и отпускается изъ всѣхъ аптекъ по рецептамъ врачей. Остерегайтесь поддѣлокъ. На оригинальной коробкѣ имя Д-ра Антона Мейеръ и адресъ Екатеринбургъ, кан. 29, выписано полностью. Лабораторія: Лондонъ, Парижъ, Нью-Йоркъ.

ЖЕЛУДКОМ

40 р. **ГЛУХИМЪ** 40 р.
Новый карманный слуховой аппаратъ всемирной фирмы ЭРИКСОНЪ
и слышно все, даже тиканіе карм. часовъ.
СКЛАДЪ НОВЫХЪ ИЗобрѢТЕНІЙ.
Петроградъ, Морская, 31.
—> с Высылается немедленно. <—

Въ книжныхъ магазинахъ Т-ва А. С. Суворина — «Новое Время»
Петроградъ, Невскій 40, Москва, Харьковъ, Одесса, Ростовъ (и/Д.)
и Саратовъ

ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ НОВАЯ КНИГА
ИЗАБЕЛЛЫ ГРИНЕВСКОЙ

ИЗЪ КНИГИ ЖИЗНИ

Разказы. Цѣна 1 руб.

Въ книжныхъ магазинахъ «Новаго Времени»
А. К. ГРИНЪ

ПОКИНУТАЯ ГОСТИНИЦА

Романъ. Цѣна 75 коп.

Въ книжномъ магазинѣ «НОВАГО ВРЕМЕНИ»
ПРОДАЕТСЯ НОВАЯ КНИГА

ТРИ ЖЕНСКІЯ ДОЛИ

Соч. Цуриковой
Цѣна 1 руб.

ВСЕМИРНОИЗВѢСТНЫЙ
КРЕМЪ КАЗИМИ
МЕТАМОРФОЗА

ЕДИНСТВЕННО ПРИЗНАННЫЙ ЖЕНЩИНАМИ ВСЕГО МИРА
БЕСПОРОННО РАДИКАЛЬНО ДѢЛАЕТЪ ВЕСУШКА УГРЯ ПЛТНА, ЗАГАРЪ, МОЩНЫМИ РАДІОАКТИВНЫМИ

Созданъ

хотѣть бы
всего населе-
00 человекъ
для службы
занимающія
что до-
къ последо-
рожденій.

Самаркан-
Великаго,
блнкого бича
ытая един-
ть темно-зе-
надинь на
формъ о за-
го матерью
ся къ ней
принялъ об-
не, дзнное
рзнато за
ви ея бу-

ья ачность
одовъ. Уже
еный неф-
го Хромца»
ны старые
уразрушен-
уть Ширь-
ми»), о ко-
архитекторъ
го небо отъ
туну, какъ

въ книжкѣ
я еще въ
и весь цѣл-
е. путеше-
расть мер-
хъ стѣнъ
ртикальной
роскошью,
ни внутри,
ковъ Вос-
оль перохо-
ужски За-
объ великія
утся на од-
бственномъ

И. Перцовъ.

НИТЬ.
УВОРИНА—

НОВОЕ ВРЕМЯ

Основатель А. С. Суворинъ.

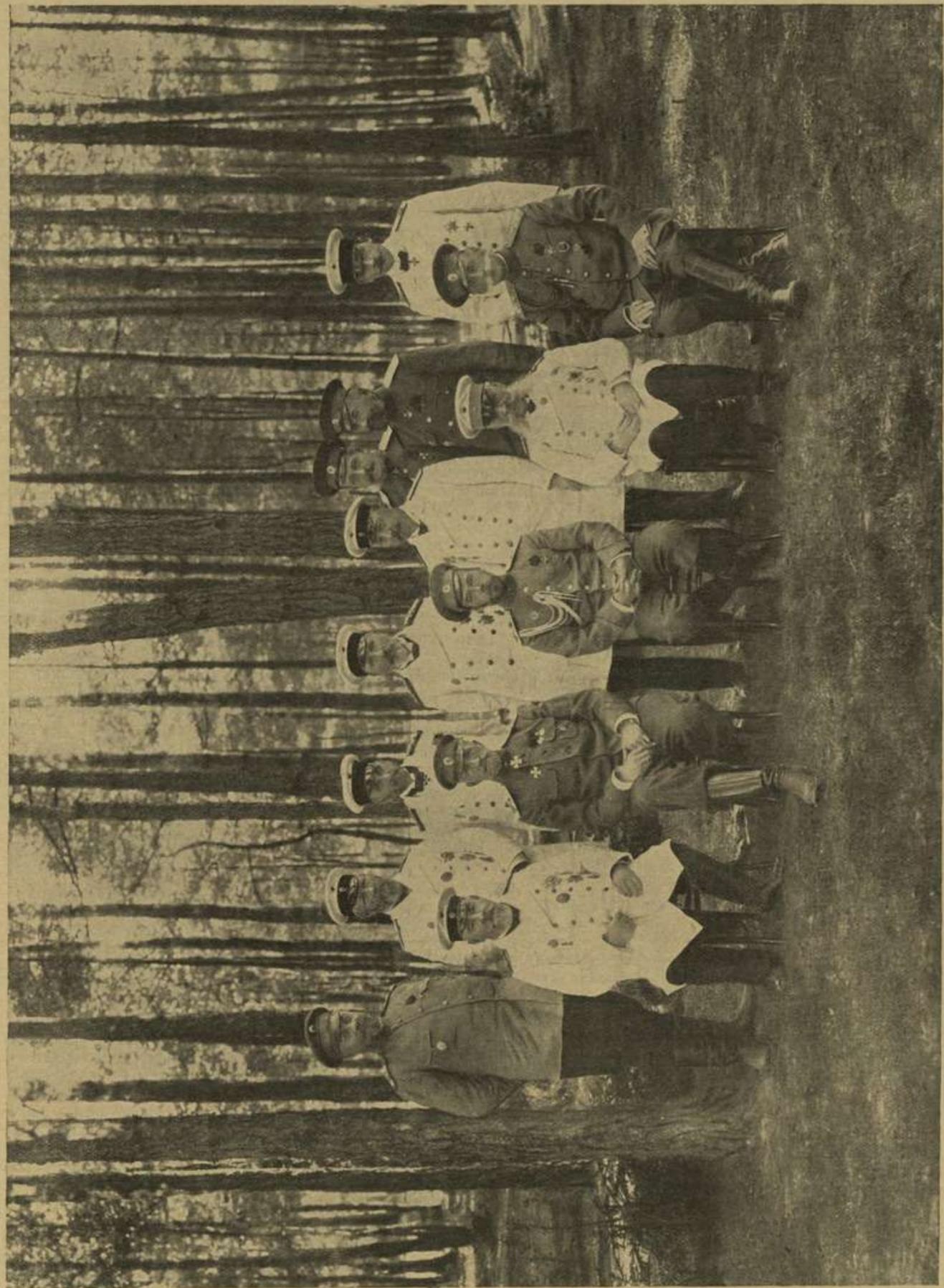
28

№ 14135

ПЕТРОГРАДЪ, СУББОТА, 18-го (31-го) ЮЛЯ 1915 ГОДА.

№ 14135

ЦАРСКАЯ СТАВКА. 14-го ЮНЯ 1915 Г. ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗАСѢДАНІЕ СОВѢТА МИНИСТРОВЪ ПОДЪ ЛИЧНЫМЪ ПРЕДСѢДТЕЛЬСТВОМЪ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА.

По правую руку ГОСУДАРЯ — Верховный Главнокомандующій Его Императорское Высочество Великий Князь НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧЪ, по лѣвую — председатель Совета Министровъ И. Л. ГОРЕМЬКИНЪ и министр Императорскаго Двора ген.-адъютантъ гр. В. Б. ФРЕДЕРИКСЪ. Направо, около Великаго Князя — государственный контролеръ П. А. ХАРЬТОНОВЪ. Во второмъ ряду, между Его Императорскимъ Величествомъ и Великимъ Княземъ — Главноуправляющій земледѣлемъ и землеустройствомъ А. В. КРИВОШЕИНЪ. Направо отъ него министр финансовъ П. Л. БАРЪ, управляющій военнымъ министерствомъ ген.-отъ-инфантъ А. А. ПОЛИВАНОВЪ и министр торговли и промышленности ин. В. Н. ШАХОВСКОЙ. Направо отъ А. В. Кривошеина — министр иностранныхъ дѣлъ С. Д. САЗОНОВЪ, министр путей сообщенія С. В. РУХЛОВЪ и управляющій министерствомъ внутреннихъ дѣлъ ин. Н. Б. ЩЕРЕБатовъ. Позади ген. А. А. ПОЛИВАНОВА — начальникъ штаба Верховнаго Главнокомандующаго ген.-отъ-инфантъ Н. Н. ЯНУШКЕВИЧЪ. Фотографія снята придворнымъ фотографомъ Гинзла (А. К. Яковлевъ).

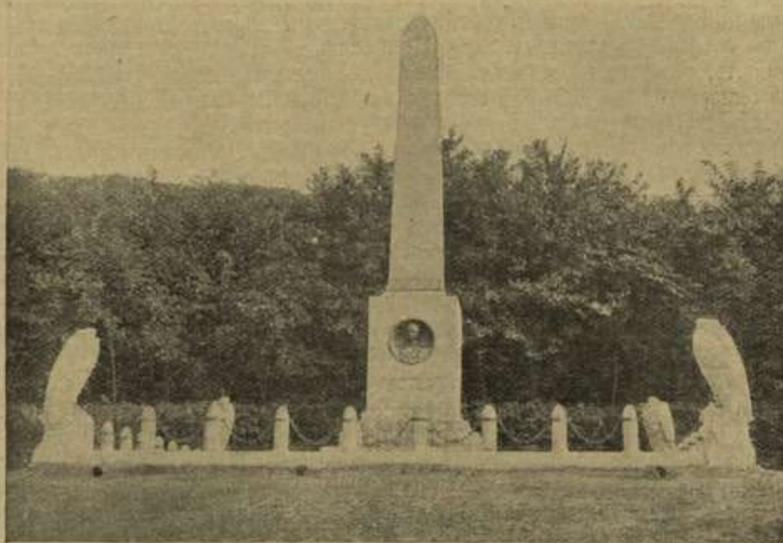

вить изст-
Александр
чи, а когда
вторично
бы фигура
астических
А как-ни-
сь таким
жикль.
ль и, вы-
одошелъ къ
...
епа пть пе-
ца; на пло-
вая молодая
жемчуга на
ий юноша.
днить проти-
граната, а
...
мса пламени
черты лица
...
образовано
о. Не хотъ-
олодого кра-
этой жен-
... Пу и хо-
...
по повернул-
завъ за него
...
дверь,
шума Джу-
тину! Хоро-
! Ложитесь,
...
дръ Ивано-
тался плот-
ть. Онъ ско-
произведен-
ло ему сра-
расокъ, на-
аль онъ.—
юта, чтобы
олько могла
го на шеѣ
атство? Да!
ия страны,
продажалъ
го золота въ
жили во всю
что-нибудь
у нихъ мо-
зми вкусовъ
прекраснаго,
ихъ людей?
краски. По-
рвать, благо-
онъ? Свету
быть, мы не
разнообразіа
всѣхъ пере-
... Не видимъ
ль. Большіе
хорошъ за-
насъ пере-
лица нтъ,
низано жем-
ко облачко,
шепе отсаб-
далъ у насъ
рудно быть
перехватъ
даже и пти-
лучше. Имъ
ать. Подня-
у,—чело-
ль и на эту
денъги? Пре-
е такое не-
е знаю лю-
развѣ от-
серваніе и
два не про-
... да и
я, худож-
опечко, про-
относится
дь. Искать,
... А тамъ

будеть и все, что нужно, будетъ, пожалуй, желѣзная дверь. Это ставня; вѣрно за-
и золото на черный день.
На этомъ мечты художника прервались, — Не можетъ быть, рядомъ домъ.
ему послышалось пѣніе. Вѣтеръ доносилъ — Вы правы. Не потайной-ли это
откуда-то издали звуки грустной мело- шкафъ? Въ старину ихъ дѣлали много.
ди. Было бы недурно найти въ шкафу деньги. — Спать, говорите вы, сеньоръ. Я на
Александръ Ивановичъ началъ прислу- Надо его открыть. Я сейчасъ спущусь
шиваться. — Кому это вздумалось пѣть ночью, да чай! Забудьте, сеньоръ, свѣчи, чтобы было
еще такую тоскливую пѣсню? Совершенно свѣтлѣе, а то мы, точно ночные воры, ра- непонятно. Не то поютъ, не то плачутъ? ботаемъ въ темнотѣ.
Странный запахъ, весь изъ хроматиче- — Пожалуй, что и такъ; шкафъ-то не
скихъ гаммъ. Точно у насъ гдѣ-нибудь въ нашъ, да и домъ чужой.
деревнѣ, вѣтеръ въ трубѣ воетъ. Но здѣсь, — Вотъ еще! Шкафъ нашли мы! Вы
кажется, каминъ нтъ, вѣрно-тъ сосѣдней думаете, что про него кто-нибудь знаетъ?
комнатъ; придется встать и заткнуть тру- Наверное никто! Дѣлъ будетъ радъ, если
бу, иначе не заснешь. намъ попадется въ немъ золото. Ему очень
Александръ Ивановичъ зажегъ свѣчку, нужны деньги. Я сейчасъ вернусь.
всталъ и пошелъ на слухъ къ тому мѣсту, — Постойте, по моему это вовсе не
откуда, по его мнѣнію, неслись звуки. Онъ шкафъ. Не можетъ же вѣтеръ дуть изъ у
оказался передъ картиной, которую не- шкафа. Да и пѣніе. Не поютъ-же въ
давно разсматривалъ. Пѣніе шло изъ-за шкафу? — Этого я не сообразилъ, сеньоръ. Но, мѣсто, дѣлъ, пожалуй, утромъ зайдетъ
картины. — Что за притча, подумалъ Але- если это не шкафъ и не окно, что-жъ это
ксандръ Ивановичъ, осматривая полотно и такое?
заглядывая за раму. Онъ вѣлъ на стулъ. — Не знаю, Джузеппе, и даже не до-
засунулъ руку за картину и ощущалъ гадьявую. — Во всякомъ случаѣ надо открыть
стѣну. Шелковая матерія, которой стѣна желѣзную дверь. Это дастъ самый вѣрный
была обита, вздулась отъ вѣтра. — Удивительно! Не можетъ же вѣтеръ отвѣтъ на мои вопросы. Я иду за инстру-
продувать каменную стѣну; вѣдь это край- ментами.
няя комната; стѣна подходитъ къ смеж- Джузеппе исчезъ. Александръ Ивано-
ному дому... Непонятно!.. — Онъ слѣлъ со стула и задумался. вичъ зажегъ свѣчи и, въ ожиданіи итальян-
Онъ слѣлъ со стула и задумался. ца, завался разсматриваніемъ двери. Она
Пѣніе продолжалось попрежнему, и Але- была самая обыкновенная, какія дѣлали
ксандру Ивановичу показалось даже, что въ старину: толстаго листового желѣза,
оно стало еще жалобнѣе, тѣмъ равнѣе. — Я ихъ давно замѣтилъ. Берите
— Надо разбудить Джузеппе. Заснуть крестовиной посрединѣ. Сбоку была за-
не удастся, пока это выть не кон- картина и вѣшайте; я вамъ помогу.
чится. — Блики-то на глаза я поставилъ.
Онъ отворилъ дверь, и кликнулъ спав- Неудурно?—сирисилъ, улыбаясь Ита-
шаго итальянца. — Посмотрите, сеньоръ, на этого че-
Джузеппе быстро очнулся и вскочилъ ловѣка. Вотъ такъ рожа! А глаза-то
къ дивану, на которомъ онъ устроился на какъ блестятъ! Видите?
ночь. — Я ихъ давно замѣтилъ. Берите
— Вамъ что-нибудь нужно, сеньоръ? картину и вѣшайте; я вамъ помогу.
— Зайдите на минутку ко мнѣ, Джу- — Блики-то на глаза я поставилъ.
зеппе, и прислушайтесь. Неудурно?—сирисилъ, улыбаясь Ита-
— Сейчасъ, сеньоръ, только одѣнусь. — Посмотрите, сеньоръ, на этого че-
Черезъ минуту онъ былъ въ спальнѣ ловѣка. Вотъ такъ рожа! А глаза-то
Александра Ивановича и подошелъ съ какъ блестятъ! Видите?
нимъ къ картинѣ. — Я ихъ давно замѣтилъ. Берите
— Гдѣ-то поютъ, сеньоръ, а сюда вѣ- картину и вѣшайте; я вамъ помогу.
ромъ доноситъ. — Блики-то на глаза я поставилъ.
— Вѣтеръ-то, кажется, пересталъ. По- Неудурно?—сирисилъ, улыбаясь Ита-
смотримъ въ окно. — Посмотрите, сеньоръ, на этого че-
— Нтъ, дуетъ еще. Но кто это мо- ловѣка. Вотъ такъ рожа! А глаза-то
жетъ пѣть ночью, да еще такъ жалобно? какъ блестятъ! Видите?
— Я думаю, вы знаете. — Я ихъ давно замѣтилъ. Берите
— Это поютъ не люди, сеньоръ; не картину и вѣшайте; я вамъ помогу.
перейти ли вамъ спать въ мою комнату, — Блики-то на глаза я поставилъ.
— возлюбленнымъ голосомъ сказалъ Джу- Неудурно?—сирисилъ, улыбаясь Ита-
зеппе, прислушиваясь къ пѣнію. — Посмотрите, сеньоръ, на этого че-
— Что за глушости. Ну, кто можетъ ловѣка. Вотъ такъ рожа! А глаза-то
пѣть, кромѣ людей? какъ блестятъ! Видите?
— Сеньоръ, вся Венеція знаетъ, что — Я ихъ давно замѣтилъ. Берите
въ нашемъ домѣ происходятъ иногда не картину и вѣшайте; я вамъ помогу.
понятныя вещи. А что теперь не люди — Блики-то на глаза я поставилъ.
поютъ, я вамъ ручаюсь. Завтра надо Неудурно?—сирисилъ, улыбаясь Ита-
будетъ отслужить мессу. Идемте отсюда, ловѣка. Вотъ такъ рожа! А глаза-то
прошу васъ. какъ блестятъ! Видите?
— По моему, это поютъ въ одной изъ — Я ихъ давно замѣтилъ. Берите
дальнихъ комнатъ сосѣдняго дома, иди картину и вѣшайте; я вамъ помогу.
просто озерничаетъ вѣтеръ. Посмотрите-ка — Блики-то на глаза я поставилъ.
за картину; тамъ вѣтрѣмъ даже шелкъ Неудурно?—сирисилъ, улыбаясь Ита-
приподняло. Вѣжайте на стулъ. ловѣка. Вотъ такъ рожа! А глаза-то
— Я и отсюда вижу, сеньоръ, во вѣ- какъ блестятъ! Видите?
теръ выть такъ не можетъ. А почему — Я ихъ давно замѣтилъ. Берите
шелкъ приподнять—надо посмотреть. По- Неудурно?—сирисилъ, улыбаясь Ита-
пробуемъ снять картину. И, не ожидая ловѣка. Вотъ такъ рожа! А глаза-то
отвѣта, Джузеппе вѣлъ на стулъ и, снявъ какъ блестятъ! Видите?
съ ключка картину, передалъ ее худож- — Я ихъ давно замѣтилъ. Берите
нику. — Я ихъ давно замѣтилъ. Берите картину и вѣшайте; я вамъ помогу.
— Шелкъ вадуть, какъ пузырь, и откро- — Блики-то на глаза я поставилъ.
емъ дверь. Я его придаваю, а онъ опять на- Неудурно?—сирисилъ, улыбаясь Ита-
дувается. Подождите, я возьму ножъ и ловѣка. Вотъ такъ рожа! А глаза-то
приподниму карнизъ, надо узнать, откуда какъ блестятъ! Видите?
открылась легко. Передъ глазами Але- — Я ихъ давно замѣтилъ. Берите
ксандра Ивановича и Джузеппе оказалась картину и вѣшайте; я вамъ помогу.
картина, которую тотъ придержи- — Блики-то на глаза я поставилъ.
валъ. Неудурно?—сирисилъ, улыбаясь Ита-
— Смотрите, сеньоръ, подъ шелкомъ ловѣка. Вотъ такъ рожа! А глаза-то
Александра Ивановича. какъ блестятъ! Видите?

— Это, давно заложенный тайный Александръ Ивановичъ воодушевился.
ходъ въ сосѣдній домъ. Другого объясненія — Снимайте картину, Джузеппе, и,
быть не можетъ. Закроемъ дверь, приве- если ужъ работать, то давайте скорѣе.
демъ все въ порядок и ляжемъ спать; къ Все-таки не мѣшало бы мнѣ хоть немного
тому же и пѣніе прекратилось. послать.
— Спать, говорите вы, сеньоръ. Я на — Днемъ выснитесь, сеньоръ, теперь
это не согласенъ. Надо разобрать стѣну и, вставайте. Не каждый день нападешь на
если, какъ вы думаете, что это ходъ въ такое открытіе.
домъ рядомъ, надо войти туда и посмо- Александръ Ивановичъ быстро одѣлся,
треть, для чего ходъ сдѣланъ. Рядомъ ни- подошелъ къ стѣнѣ и приподнял шелкъ.
кто не живетъ, кромѣ сторожа. Тайный Открывъ желѣзную дверь, онъ остановил-
ходъ... кровяной отпечатокъ руки на стѣ- ся, не зная, какъ взяться за разборку
нѣ. Это не каждый день попадается, а вы стѣны.
хотите спать. Нтъ, я сейчасъ начну — Дайте-ка я, сеньоръ; жалко, что на-
разбирать стѣну, если же вамъ не ните- до быть осторожнымъ и нельзя стучать, а
ресно, сеньоръ, ложитесь. то дѣло было бы окончено скоро. Придется
— Смотрите, испорчено сосѣду стѣну вынимать каждый камень отдѣльно. Хоро-
и васъ привлекутъ къ отвѣтственности. шо, что стѣна сложена неважно.
— Что вѣрно, то вѣрно, сеньоръ. Судь Джузеппе вѣлъ на стулъ и энергично
Александръ Ивановичъ поставилъ кан- принялся за работу. Онъ передавалъ вы-
дѣльеръ со свѣчами на столикъ у кроват- ломанные кирпичи Александру Ивановичу,
ти, закрылъ желѣзную дверь и опустил который складывалъ ихъ въ кучу. Скоро
Джузеппе подошелъ къ картинѣ и хо- въ стѣнѣ было пробито довольно большое
тѣлъ ее взять, чтобы повѣсить на мѣсто, отверстие и въ комнату пахнуло холод-
но, взглянувъ на нее, устѣхнулся. нымъ воздухомъ.
— Что это вы, Джузеппе? — Не ошиблись-ли вы, все-таки, Джу-
— Посмотрите, сеньоръ, на этого че- зеппе, не заложено-ли это окно, выходя-
ловека. Вотъ такъ рожа! А глаза-то щее во дворъ?
какъ блестятъ! Видите? — Итальянецъ ничего не отвѣтилъ и
— Я ихъ давно замѣтилъ. Берите только быстрѣе сталъ разбирать остатки
картину и вѣшайте; я вамъ помогу. стѣны. Онъ очень волновался и, забывъ
— Блики-то на глаза я поставилъ. передавать камни Александру Ивановичу,
Неудурно?—сирисилъ, улыбаясь Ита- сталъ бросать ихъ прямо на полъ.
— Посмотрите, сеньоръ, на этого че- — Потихоньку, Джузеппе, вы такъ шуми-
ловека. Вотъ такъ рожа! А глаза-то те, что весь домъ перебудите.
какъ блестятъ! Видите? — Сейчасъ все будетъ кончено, сеньоръ.
— Я ихъ давно замѣтилъ. Берите Дѣйствительно черезъ минуту вся стѣ-
картину и вѣшайте; я вамъ помогу. на была разобрана, и Итальянецъ слѣлъ
— Блики-то на глаза я поставилъ. со стула.
Неудурно?—сирисилъ, улыбаясь Ита- Александръ Ивановичъ завалъ его
— Посмотрите, сеньоръ, на этого че- мѣсто.
ловека. Вотъ такъ рожа! А глаза-то — Дайте-ка мнѣ кусокъ кирпича, я
какъ блестятъ! Видите? брошу въ отверстие; боюсь, какъ бы это
— Я ихъ давно замѣтилъ. Берите окно не выходило просто во дворъ.
картину и вѣшайте; я вамъ помогу. Вмѣсто камня Итальянецъ подаль Але-
— Блики-то на глаза я поставилъ. ксандру Ивановичу свѣчку.
Неудурно?—сирисилъ, улыбаясь Ита- — Попробуйте освѣтить сосѣднюю ком-
— Посмотрите, сеньоръ, на этого че- нату, сеньоръ. Когда я работалъ, то
ловека. Вотъ такъ рожа! А глаза-то слышалъ, какъ куски известки и камни
какъ блестятъ! Видите? падали на полъ.
— Я ихъ давно замѣтилъ. Берите — Такъ ничего не увидишь и не освѣ-
картину и вѣшайте; я вамъ помогу. тить. Надо перебраться на ту сторону.
— Блики-то на глаза я поставилъ. Давайте стулъ, я его спущу въ сосѣдную
Неудурно?—сирисилъ, улыбаясь Ита- комнату.
— Посмотрите, сеньоръ, на этого че- Александръ Ивановичъ вѣлъ въ отвер-
ловека. Вотъ такъ рожа! А глаза-то стіе и, взявъ поданный стулъ, осторожно
какъ блестятъ! Видите? поставилъ его на полъ. Онъ хотѣлъ было
— Я ихъ давно замѣтилъ. Берите послѣдовать за нимъ, но его остановилъ
картину и вѣшайте; я вамъ помогу. голосъ Джузеппе.
— Блики-то на глаза я поставилъ. — Сеньоръ Турмако, я первымъ. Вы
Неудурно?—сирисилъ, улыбаясь Ита- мой гость; я отвѣчаю за васъ передъ
— Посмотрите, сеньоръ, на этого че- принципемъ.
ловека. Вотъ такъ рожа! А глаза-то Джузеппе сказалъ это такимъ тономъ,
какъ блестятъ! Видите? что Александръ Ивановичъ немедленно
— Я ихъ давно замѣтилъ. Берите уступилъ ему мѣсто. Итальянецъ пры-
картину и вѣшайте; я вамъ помогу. нулъ въ отверстие, какъ кошка, и тотчасъ
— Блики-то на глаза я поставилъ. же ноги его ударились объ полъ сосѣдней
Неудурно?—сирисилъ, улыбаясь Ита- комнаты.
— Посмотрите, сеньоръ, на этого че- Александръ Ивановичъ передалъ ему
ловека. Вотъ такъ рожа! А глаза-то свѣчку и, нащупавъ ногами стулъ, тоже
какъ блестятъ! Видите? перебрался черезъ стѣну.
— Я ихъ давно замѣтилъ. Берите Она очутилась въ большомъ помѣщеніи
картину и вѣшайте; я вамъ помогу. безъ оконъ. Несмотря на слабый свѣтъ,
— Блики-то на глаза я поставилъ. въ углу была видна маленькая дверь. Она
Неудурно?—сирисилъ, улыбаясь Ита- была полуоткрыта.
— Посмотрите, сеньоръ, на этого че- — Мы попали въ чью-нибудь спальню,
ловека. Вотъ такъ рожа! А глаза-то Джузеппе, прошептавъ художникъ.—Ви-
какъ блестятъ! Видите? дите кровать?
— Я ихъ давно замѣтилъ. Берите — Да, это кровать, и очень хорошая,—
картину и вѣшайте; я вамъ помогу. спокойно отвѣтилъ Итальянецъ.
— Блики-то на глаза я поставилъ. Кровать, дѣйствительно, была рос-
Неудурно?—сирисилъ, улыбаясь Ита- кошная, вся рѣзная и мѣстами позолочен-
— Посмотрите, сеньоръ, на этого че- ная. Она была закрыта краснымъ шелко-
ловека. Вотъ такъ рожа! А глаза-то выымъ покрываломъ; такого же цвѣта
какъ блестятъ! Видите? былъ и пологъ, который тяжелыми склад-
— Я ихъ давно замѣтилъ. Берите камн спускался къ ней съ потолка; у кро-
картину и вѣшайте; я вамъ помогу. вати стоялъ столикъ; на столикѣ—боль-
— Блики-то на глаза я поставилъ. шой крестъ чернаго дерева, рядомъ съ
Неудурно?—сирисилъ, улыбаясь Ита- нимъ—зарикаженный книжаль.
— Посмотрите, сеньоръ, на этого че- Взглянувъ на столикъ, Джузеппе
ловека. Вотъ такъ рожа! А глаза-то дра Ивановича. Прямо противъ кровати,
какъ блестятъ! Видите? на стѣнѣ висѣло большое полотно съ изо-
— Я ихъ давно замѣтилъ. Берите браженіемъ Мадонны. Подъ нимъ былъ
картину и вѣшайте; я вамъ помогу. ваты?

НА МЕСТЬ СМЕРТИ М. Ю. ЛЕРМОНТОВА.

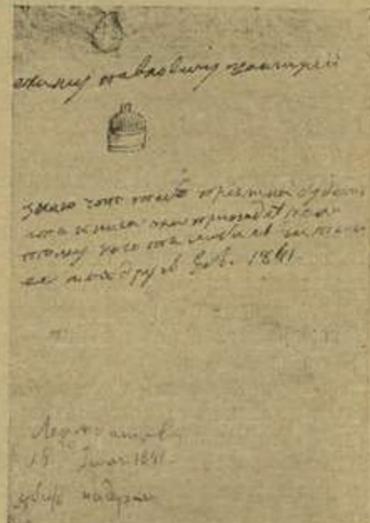

Новый памятник на месте дуэли М. Ю. Лермонтова в Пятигорск, у подножия горы Машук, открытый 15 июля, в день смерти поэта. Памятник сооружен из кисловодского камня, по проекту скульптора Миквшин. В нише обелиска находится бюст поэта, отлитый из темной бронзы.

ЛЕРМОНТОВСКИЕ РЕЛИКВИИ.

Псалтирь, принадлежавший поэту. Заглавная страница книги.

Внутренняя сторона обложки псалтиря с собственноручной надписью бабушки поэта, Е. А. Арсеньевой: «Знаю, что тебе приятно будет эта книга. Она принадлежала тому, кого ты любила. Читай ее, мой друг. Е. А. 1841». Внизу добавлено: «Лермонтовъ. 15 июля 1841 убить на дуэли».

Обратная сторона первой страницы псалтиря с автографами М. Ю. Лермонтова, когда поэту было 10 летъ.

церковный престолъ, на которомъ между подсвѣчниками съ восковыми свѣчами, стояло золотое распятіе. Къ рамы, по обѣ стороны Мадонны, были прикрѣплены нѣтъ чуждыхъ жемчужовъ, которыя, пересѣвая полотно, сплетались на груди изображенія св. Дѣвы. У ногъ распятія лежала женская коса, перевязанная на концахъ черными лентами. Джузеппе наболно прочелъ вполголоса молитву, а Александръ Ивановичъ перекрестился и, задумавшись, опустилъ голову. Когда Итальянецъ потянулъ его за руку, онъ очнулся и, не поднимая головы, пошелъ къ маленькой двери.

Открывъ ее, они вошли во вторую узенькую комнату съ большими окнами. Въ одномъ изъ нихъ стекла были разбиты. — Сеньоръ, идите назадъ, а то еще простудитесь, да и смотрите тутъ нечего. — Что въ этихъ ящикахъ? Поднимите-ка крышки. Одинъ ящикъ, стоявшій у стѣны, былъ полонъ женской одеждою, а на дѣлѣ друго-го Александръ Ивановичъ увидѣлъ два золотыхъ кольца, браслетъ и нѣсколько старинныхъ женскихъ украшеній.

Джузеппе нагнулся, чтобы взять лежавшія въ ящикѣ вещи, но въ это время порывъ вѣтра, ворвавшись въ разбитое окно, погасилъ свѣчу. Итальянецъ быстро закрылъ крышку ящика и бросился къ двери.

— Идите скорѣе обратно, сеньоръ; здѣсь зажечь свѣчу не удастся.

Александръ Ивановичъ последовалъ за Джузеппе. Войдя въ первую комнату, онъ остановился. Комната была освѣщена; у престола на козлахъ стоялъ дѣлъ гондольера. Свѣчи въ подсвѣчникахъ ярко горѣли и свѣтъ ихъ, падая на изображеніе Матери Божьей, придавалъ лицу ея особое выраженіе. Она, казалось, ласково смотрѣла на козлапреклоненнаго старика, озаряя его лучезарнымъ сіяніемъ. Взглядъ молящагося встрѣтился со взоромъ Матери Божественнаго Младенца; старикъ преобразился: морщины на лицѣ его не было, потухшіе глаза горѣли.

Только что старикъ кончилъ молиться, какъ въ противоположномъ концѣ комнаты раздался плачущій женскій голосъ.

— Благодарю Тебя, о Святая Мадонна! Ты помогла моему причину.

Александръ Ивановичъ повернулъ голову и увидѣлъ въ пробитомъ въ стѣнѣ отверстіи залитое слезами лицо женщины, прислуживавшей за ужиномъ.

Джузеппе смущенно закашлялся и вытеръ рукою глаза. Старикъ посмотрѣлъ въ его сторону и, замѣтивъ, что рядомъ

съ нимъ стоитъ художникъ, подошелъ къ нему и взялъ его за руку. — Идите, сеньоръ Турмако, здѣсь не хотѣлось бы мнѣ разговаривать, а побесѣдовать съ вами надо.

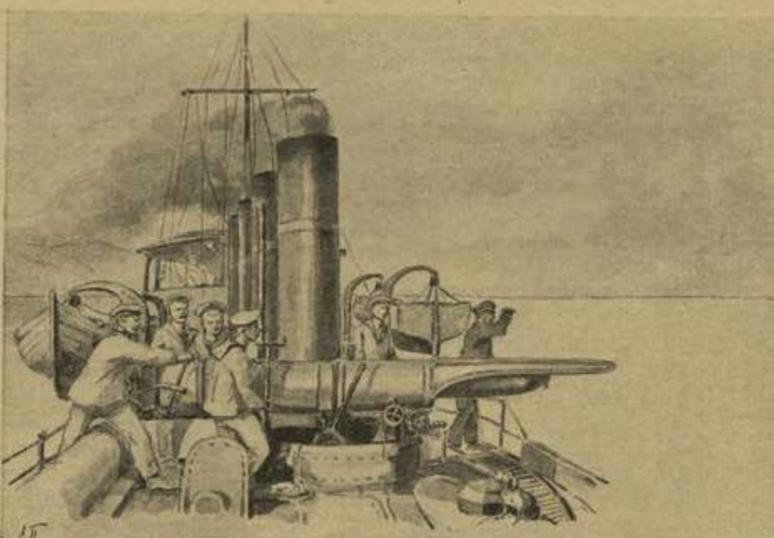
Всѣ молча перебрались въ помѣщеніе, гдѣ расположился на почѣ Александръ Ивановичъ. — Джузеппе, повѣсь картину на мѣсто, пусть она попрежнему охраняетъ

СПАСИШЬСЯ ОТЪ НѢМЕЦКАГО ПРОФЕССОРА.

Американскій милліардеръ Пирронъ МОРГАНЪ, раненый «Франкомъ Хольтомъ», окзавшимся нѣмецкимъ профессоромъ Эрикомъ Мунтеромъ. Морганъ подвергся нападенію «Хольта» за то, что способствовалъ посылкѣ необходимыхъ для «согласія» боевыхъ припасовъ изъ Америки. Совершившій покушеніе на жизнь Моргана нѣмецкій профессоръ кончилъ жизнь самоубійствомъ.

НА РУССКОМЪ МИНОНОСЦѢ.

У миннаго аппарата.

Рис. П-46.

НА КАВКАЗНОМЪ ФРОНТѢ.

Еивуанъ, гдѣ въ началѣ весны былъ бой съ нурдзми, пробиравшимися на Днульфу.

НА НАШЕМЪ ФРОНТѢ.

Командиръ батареи отдаёт распоряженія.

Приваль.
Съ фот. З. I. Шубской-Корсаковой, въ Москвѣ.

Прапорщ. М. А. ПАНЧЕНКО.
Предст. св. Георг. кр. 1 ст.

Капит. Л. А. САХНОВСКИЙ.
Награжденъ орд. св. Георг. 4 ст.

ходить въ эту комнату. Агнесса, иди ви́нъ и достань бутылку вина; кажется, одна еще осталась.

III.

— Вотъ сюда, снѣдь; садитесь на прежнее мѣсто. Дайте вашъ стаканъ, я его наполню. Это послѣдняя бутылка изъ нашихъ старыхъ погребовъ, и если бы вы случайно не нашли входа въ потайную комнату, она, вѣроятно, меня бы пережила.

— Я очень обязанъ вамъ, снѣдь Турмаю. За ваше здоровье! Вино, надѣюсь, не плохое, а пожеланіе вамъ здоровья идетъ отъ чистаго сердца старика, который вамъ несказанно благодаренъ. Пейте, снѣдь; бутылка еще не опорожнена. Дайте стаканъ, я вамъ долью. Вотъ такъ. Ну, теперь хорошо. Въ помѣщеніи которое вы открыли, хранятся золото и драгоценныя вещи. Деньги и драгоценности меня не интересуютъ, пусть ими пользуются другіе. Я уже старъ и немного мнѣ нужно, чтобы дотануть до могилы, но картина... Мадонна, у явѣ которой я молился... Вѣдь это Мадонна Беллини, снѣдь. Вы правы, конечно, XVI вѣкъ. Я слышалъ, что у насъ въ семьѣ была эта Мадонна, но не зналъ, гдѣ она находится. Да, у насъ въ семьѣ, снѣдь. Я говорилъ вамъ, что я молочный братъ

отца владѣльца этого дома. Я сказалъ за меня солгать вамъ. Эта же гордость вамъ неправду. Владѣлецъ дома, князь и уваженіе къ предкамъ мѣшали мнѣ Понкѣлли,—это я. Мнѣ было стыдно продать дворецъ и заключающіеся въ моей бѣдности, и гордость имѣли застави- нель предметы, хотя я очень и очень

БОЙНА НА ЗАПАДѢ.

Въ Аргонскомъ лѣсу.—Бесѣда французскаго генерала съ солдатомъ послѣ произведеннаго имъ осмотра траншеи.

ВЪ ДАРДАНЕЛЛАХЪ.

Начальствующій французскими военными силами генералъ БАЙУ (Bailloud), смѣнившій раненаго ген. Гуро, за завтракомъ съ своимъ штабомъ.

МОЛОДОМУ СОЛДАТУ БЕЛЬГИЙСКОЙ АРМИИ.

Молодому бельгийскому и слѣдному принцу показываютъ, какъ надо составлять ружья въ козла.

нуждался. Прощу васъ мнѣ въ этомъ вѣрить, сеньоръ! Вы понимаете меня, вѣдь вы художникъ.

— Я былъ уверенъ, что никто изъ моихъ предковъ картину не продалъ. Картинами гордились, да и денегъ было достаточно до несчастнаго случая, послужившаго основаніемъ къ упадку дома и непонятному для окружающихъ обидѣнью.

— Комната, которую вы открыли, была спальней княгини, моей прабабки. Жизнь ея, какъ я знаю, была печальна. Отданная, по соображеніямъ родителей, замужъ пятнадцати лѣтъ за некрасиваго, но съ большими связями человека, она была несчастна.

Князь на минуту задумался, а потомъ продолжалъ взволнованнымъ голосомъ.

— Въ бракѣ, сеньоръ, есть много стора, на который даже теперь не обращаютъ вниманія. А прежде еще того меньше! Воля родителей, ихъ расчеты устраивали судьбу, а чувства дѣвушекъ совсѣмъ не принимались въ соображеніе. Скажите, любили вы когда-нибудь? Конечно, да. Любовь,—какая это сила! Она совершенно мѣняетъ людей; согласны? А съ этимъ чувствомъ никто не считался. Вы скажете, были другіе нравы, другія требованія и этика семейной жизни была иная. Но вѣдь любовь всегда была одна и та же. Тотъ, кто любилъ и былъ любимъ, всегда былъ счастливъ. Княгиня же, моя прабабка, не любила мужа... Родились дѣти,—жизнь потекла полнѣе, но... Но надо пережить любовь. Не правда ли, сеньоръ? И вотъ однажды кто-то изъ знакомыхъ представилъ княгинѣ молодого человека, своего пріятеля. Онъ ей понравился. Вы говорили, что любили? Скажите, сеньоръ, что—

это чувство васъ захватило сразу? Нѣтъ? Но вы сдѣржились. У васъ на Югѣ любовь часто рождается мгновенно. Такъ было и съ моей прабабкой. Она влюбилась сразу въ юношу, и это чувство такъ ею завладело, что она переродилась. Почти весь день княгиня проводила съ милымъ. Они катались по каналамъ; гуляли; въ мнѣ васъ разсказомъ, сеньоръ? Нѣтъ, просто болтали. Праздъ не видѣлъ ничего обиднаго въ этомъ сближеніи. Онъ обожалъ жену, вѣрилъ ей и былъ совершенно спокоенъ. Да княгиня никогда не рѣшилась бы ему измѣнить. Она была очень религіозна. А вы знаете, сеньоръ, какъ сильна была въ тѣ времена религія? Такъ прошло нѣкоторое время, и княгиня стала привыкать къ охватившему ее чувству. Она успокоилась, и все кончилось бы хорошо. Но какъ-то надъ ней и молодымъ человекомъ посмѣялся одинъ изъ друзей праздника. Это задѣло князя, и онъ вспылалъ. На другой день вся Венеція заговорила о любви княгини и о мужѣ, который смотрѣлъ на предѣлахъ жены сквозь пальцы. Оскорбительныя пересуды дошли, конечно, до праздника. Этого было достаточно,—онъ былъ венеціанецъ. Вскорѣ, во время обычной прогулки на площади Св. Марка къ княгинѣ подошелъ мой праздникъ и подаль ей, недавно распустившейся цвѣтокъ граната. Она смутилась, а бывший съ княземъ другъ его сказалъ какую-то двусмысленную вольность. Праздъ нахмурился, взялъ подъ руку жену, отвелъ ее домой, а вечеромъ говорилъ съ оя поклонникомъ. И юношу нашли смертельно раненымъ въ одномъ изъ переулковъ недалеко отъ этого дома. Кинжалъ,—орудіе мести, валялся рядомъ. Вы знаете, сеньоръ, Венецію прежнихъ лѣтъ? Натянуть кого-нибудь, чтобы отдѣлаться отъ друга дома или соперника въ любви не стоило труда. Нужно было имѣть только деньги, а ихъ у праздника было много. Узнавъ о смерти юноши, княгиня заболѣла. Когда она поправилась, она перенесла къ себѣ Мадонну и днми молилась передъ ней, почти отказываясь отъ пищи. Вдругъ она исчезла... Куда?... Объ этомъ и отецъ мой, и я боялись даже думать.

молодой бельгійскій солдатъ.

Наслѣдный принцъ Бельгійскій ЛЕОПОЛЬДЪ, герцогъ Брабантскій. Ему теперь 13 съ половиной лѣтъ.

Черезъ мѣсяць мой праздникъ, приказавъ проявленій жизни въ обитателяхъ этого города.

Яркое солнце, блескъ, вѣчная весна, рядомъ—спокойное течение въ каналахъ, тишина, вѣчная вода и вода, вода смерти или забвенія. Эти контрасты должны были волновать венеціанцевъ и, конечно, вліять на ихъ характеръ и отношенія. Страсти ихъ горѣли и требовали пылкой любви и кровавой мести безъ размысленія и сожалѣнія, или порождали тихую и преданную до гроба любовь. Средины въ Венеции не было. Сверкающей на солнцѣ камень, или медленно текущая—то нѣжно-зеленая, то темная, но всегда таинственная, въ своемъ движеніи вода.

Отчего же вы не открыли этой комнаты, причине? Вѣдь вы, навѣрное, знали, гдѣ она находится?—спросилъ удивленнымъ голосомъ Александръ Ивановичъ. Старикъ горько улыбнулся и, взглянувъ на художника, прошепталъ: — Вамъ... молодымъ... не понять этого.

Да! Много страннаго въ бытѣ Венеціи и сколько непонятныхъ для насъ какъ писали итальянскіе мастера.

ФИНАНСОВАЯ МОБИЛИЗАЦІЯ ВО ФРАНЦІИ.

Добровольный обменъ публичною золотомъ на бумажныя деньги въ пассажахъ французскаго банка. Золото необходимо для закупки оружія за границую.

Венеція—городъ захватывающе интересней, и прошлое его полно событіями подчеркнутыхъ исторіей. Но не въ исторіи—прелесть города. Мало кто чувствуетъ эту прелесть. И чувствуетъ ее, конечно, не эта толпа путешественниковъ, которая бродитъ изъ угла въ уголъ по площади св. Марка, точно черви на трущѣ фазана. Нѣсколько рѣзкое сравненіе, но вѣрное. Венеція—трупъ. Она умерла, давно умерла. Она вся въ прошломъ, и прелесть ея въ прошломъ. Тамъ ее нужно искать и найти.

Развѣ это та Венеція, дѣльная, торговая, сильная, талантливая, которой всѣ поклонились и въ которой государственная власть заставляла даже женское тѣло служить отечеству?

Развѣ это Венеція—этотъ шумъ, этотъ хохотъ жизни, эта безмысленная и лѣнивая трата времени на площади Св. Марка и на набережной?

Конечно, нѣтъ.

Венеція тѣлесно умерла, духъ же ея еще не угасъ. Онъ не на площади, гдѣ все блещетъ красками, гдѣ летаютъ стаи голубей, гдѣ толкуются иностранцы, пріѣжающіе въ большинствѣ случаевъ посмотреть и полюбоваться перьями фазана, забывая, что перья его нужны были лишь для красоты жизни, которая въ свою очередь, нужна была лишь для прославленія всеобъемлющей и почти невѣроятной силы обаянія Венеции. Все служило этой силѣ: правленіе, люди, красота женщинъ и искусства. Въ настоящее время эта сила обаянія частично еще существуетъ, но служить не одной Венеции только, а всему міру. Я говорю про часть силы,—про живопись. Возьмите Тициана, Веронеза—вотъ часть духа Венеции, блестящей, золотистой и пирующей. Возьмите Джованни Беллини, этого художника—творца мадоннъ серьезныхъ, погруженныхъ въ важную задумчивость—вотъ часть духа Венеции, духа, соединяющаго помыслы и размысленія къ самозабвенному служенію или созерцанію, безстрастному и, можетъ быть, безцѣльному.

Площадь Св. Марка—это перья, а отойдите въ глубь переулковъ, вы увидите часть тѣла, а можетъ быть почувствуете присутствіе стараго духа Венеции.

Нѣмое выраженіе мадоннъ, умолкнувшіе звуки жизни, легкій плескъ въ каналѣ воды, поглотившей весь шумъ, поразитъ васъ и вы, уходя взоромъ въ темное ложе, колеблющихся тѣней и отраженій, начнете понемногу понимать другую Венецію, сосредоточенную и такъ же прекрасную, какъ прекрасны мадонны Беллини.

Владиміръ Келеръ.

Пѣсня.

Звонкая пѣсня изъ лѣса несется,
Вольное дѣтище русской души.
То, какъ береза, кудряво завьется,
То закурчитъ, какъ источникъ въ тиши.

Чуется сила въ протяжномъ запѣвѣ,
Сила, впоенная грудью земли.
Дни, проведенные въ скорби и гнѣвѣ,
Стоны унынья въ него запели...
Дѣвушки ходятъ въ лѣсу за грибами
И коротаютъ за пѣсню часы.
Утромъ душистымъ въ лѣсу, словно въ храмѣ,

Тишь, благодать, похъ уборомъ росы.
Можетъ быть, грустью измяно сладкой
Дѣвичье сердце? И въ пѣсню вложивъ
Дѣвушка душу, заплачетъ украдкой
О ненаглядномъ—здоровъ ли и живъ.

Гемма.

Небесные знаменія и война.

Вопрос о том, имѣют ли планеты и звѣзды влияние на дѣла человѣческія, остается до сихъ поръ далеко не рѣшеннымъ для многихъ, даже въ интеллигентныхъ кругахъ. Переживая катастрофы и бѣдствія, люди инстинктивно ищутъ соотвѣствующихъ знаменій на небѣ. И въ этомъ отношеніи нынѣшняя небывалая война могла бы вполне подтвердить ихъ суевѣріе.

Перелестывая пожелтѣвшія страницы старинныхъ астрономическихъ сочиненій,—пишетъ Фламмаріонъ въ журналѣ «Astronomie»,—мы видимъ, что астрологи бывшихъ дней связывали войны со слѣдующими небесными и стихійными явленіями: съ затмѣніями Солнца, съ появленіемъ кометы и метеоровъ, съ землетрясеніями, ливнями и бурями. Имъ казалось, что это знамѣ божественнаго гнѣва за нарушенный покой на землѣ и предупрежденіе о томъ, какія могутъ быть непослушны на человѣчество испытанія, если оно остановится на пути зла. И любопытно: всѣ эти знаменія повторялись и теперь, въ нашъ скептический вѣкъ.

8 августа, въ началѣ войны, произошло полное солнечное затмѣніе, видимое и въ Европѣ и въ Азіи.

Весь годъ на небѣ стояла комета, извѣстная подъ названіемъ «кометы войны». Она не сойдетъ съ нашего небеснаго горизонта въ продолженіе еще пяти лѣтъ, и въ старину въ этомъ навѣрное усмотрѣли бы пророчество о томъ, что война затянется до 1920 года.

Къ этимъ двумъ небеснымъ знаменіямъ прибавилось еще третье,—прохождение Меркурія передъ Солнцемъ 23 октября минувшаго года.

Замѣчалось ли паденіе аэролитовъ? Да. Вся програма небеснаго гнѣва выполнена полностью. Кромѣ обычныхъ большихъ падающихъ звѣздъ, представляющихъ собою заурядное явленіе, въ Англіи 13 октября 1914 года упалъ своеобразный метеоръ въ видѣ усѣченной пирамиды, вѣсомъ въ 18 килограммовъ и въ 27 сантиметровъ въ длину; онъ состоялъ главнымъ образомъ изъ кремнезема, желѣза, магнія и никеля.

Далѣе идутъ «трусъ, потопъ и огонь». Въ началѣ января въ Италіи, въ окрестностяхъ Рима, было страшное землетрясеніе, унесшее не меньше жертвъ, чѣмъ самый кровопролитный бой; значительное колебаніе почвы замѣчалось и въ Германіи, близъ Дрездена.

Ливни въ нынѣшнемъ году были безконечны. Весною большая часть рѣкъ во Франціи, Англіи, Германіи, а также у насъ, въ Россіи, вышли изъ береговъ и вызвали сильныя наводненія.

Нынѣшнимъ лѣтомъ въ Германіи полная засуха и, если вѣрить телеграммамъ, пожары тамъ не прекращаются.

Легко представить себѣ, какую богатую книгу дали бы всѣ эти знаменія астрологамъ древности и средневѣковья. Мы же, зная, что «равнодушная природа» имѣтъ никакого дѣла до нашихъ человѣческихъ распри, можемъ только удивляться странному совпаденію всѣхъ этихъ явленій въ теченіе нѣсколькихъ, столь знаменательныхъ для насъ въ цвомъ смыслѣ, мѣсяцевъ.

Организація германскаго шпіонажа въ мирное время.

Мы не удосужились еще собрать всѣ документы, касающіеся германскаго шпіонажа, а Франція уже выступила съ подробнымъ и до мелочей разработаннымъ dossier по этому вопросу.

Впрочемъ нечего удивляться этому: скорѣе можно съ недоумѣніемъ спросить себя, какъ это наши союзники отнеслись такъ довѣрчиво къ возку въ озерной шкурѣ, послѣ горькаго опыта 1870—71 годовъ и всѣхъ сенсаціонныхъ разоблаченій «короля шпіоновъ» Штибера въ его мемуарахъ. На эту печальную безпечность слѣдуетъ Э. Додэ въ своей книгѣ «Германскій шпіонажъ».

Еще Фридрихъ Великій писалъ въ своихъ мемуарахъ: «за маршаломъ Субісъ слѣдуютъ сто поваровъ, а мнѣ предшествуютъ сто шпіоновъ». А за два вѣка, прошедшихъ съ тѣхъ поръ, предусмотрительность Германцевъ достигла своего апогея, и они не удовлетворяются уже

ЖЕРТВЫ БОИНЫ.

На пути въ новыя мѣста.—Жители Холмской губ., выселяющіеся изъ района военныхъ дѣйствій.

интelligenzному отряду шпіоновъ, служившихъ Фридриху Великому. Въ шпіонажѣ, какъ и во всемъ прочемъ, они преслѣдуютъ ту же идею «Kolossal». А моральные вопросы не очень-то озабочиваютъ ихъ: еще тотъ же Фридрихъ Великій въ 1741 году, предавая своихъ союзниковъ Баварцевъ и Французовъ, писалъ прусскому министру иностранныхъ дѣлъ графу Подевильсъ: «Когда намъ выйдутъ честиныя—будемъ мнѣ!.. Но, когда обогатятся требуютъ хитрости, то можно быть и негодями!»

Свой шпіонажъ мирнаго времени Германцы подраздѣлили на двѣ категоріи: шпіонажъ экономическій и часто военный.

Первый, помимо исключительнаго меркантильныхъ цѣлей, имѣлъ въ виду отнять у Французовъ ихъ клиентуру, украсть ихъ промышленныя секреты и забить своей конкуренціей мировую торговлю Франціи. Впрочемъ, были у нихъ и другія задачи. Такъ, Германцы доставляли французскому правительству водородъ для дирижаблей и сырье для пороха. Съ тѣхъ поръ судебныя сдѣлкія по поводу катастрофы съ аэростатами и воздушными судами ясно доказали, что причины катастрофы были установлены на бетонныхъ площадкахъ искать въ дурномъ качествѣ, щадкахъ завода и громили крѣпость! Че-

доставленныхъ Германіей матеріаловъ. Даже разбрасывая по всему сѣверо-востоку Франціи свои заводы и фабрики, Германцы готовили снабженіе своихъ армій на мѣстѣ всѣмъ необходимымъ, не говоря уже о томъ, что территория этихъ заводовъ была оборудована заранее въ военныхъ цѣляхъ, доказательствомъ чего служатъ хотя бы Лессиньи—центръ шампуньнаго производства, гдѣ вырыты на много километровъ подземные ходы и галереи для «культуры шампуньнаго», а потомъ все это прекрасно пригодилося для войны.

А всѣ бетонныя площадки для установки тяжелыхъ орудій,—какой безобидный видъ онѣ имѣли въ мирное время? То какъ площадка для тенниса въ санаторіи, то какъ фундамент парадной шиллы или площадки для установки мирныхъ заводскихъ машинъ.

Припомнимъ хотя бы исторію сдачи Мобежа. Въ 1912 году въ окрестностяхъ крѣпости была куплена германскимъ обществомъ зеркальная фабрика и оборудована подъ металлургическій заводъ. При объявленіи войны Германцы скрылись, заводъ умолкъ. Но въ одинъ прекрасный день Мобежъ проснулся отъ грохота яростной канонады: тяжелыя орудія были установлены на бетонныхъ площадкахъ завода и громили крѣпость! Че-

ВЪ ДЕРЕВНѢ.

Игры сельскихъ школьничковъ. По примѣру отцовъ!

Съ фот. Нат. Семпликовичъ.

резъ нѣсколько дней, потерявъ около 1/2 своихъ запчастниковъ, Мобежъ принужденъ былъ капитулировать.

Экономическій шпіонажъ имѣлъ въ виду также составить самыя точныя списки всѣхъ видныхъ промышленниковъ и землевладѣльцевъ страны, что дало возможность фонъ-Клуку обложить занятые города контрибуціями съ полнымъ знаніемъ дѣла и распределить своевременно количество повозовъ фуража и продовольствія для войскъ на каждомъ привалѣ.

Какъ же Германцы добились этихъ результатовъ? Самы французы неосторожно дали имъ всѣ козыри въ руки. Въ 1898 году въ Парижѣ открылось отдѣленіе берлинской конторы «для частнаго сьска и справокъ». За скромный гонораръ въ 1 франкъ 25 сантим. контора обязывалась доставлять банкирамъ и промышленникамъ всѣ справки и свѣдѣнія о кредитоспособности ихъ кліентовъ. Но опросные листы были составлены такъ хитро, что лица, обращающіяся въ это агентство, незамѣтно для себя выкладывали все о себѣ и о своихъ конкурентахъ: о количествѣ рабочихъ, о заработной платѣ, о размѣрахъ производства и т. д. Такимъ путемъ агентство за долгіе годы своего существованія накопило весьма цѣнный матеріалъ, и когда въ 1914 году контора была опечатана, всѣ эти документы были найдены въ ея помѣщеніи, но... было указано, что дубликаты отправлены въ Берлинъ въ центральное бюро.

Нужно ли удивляться послѣ этого, что Германцы въ своемъ продвиженіи по Франціи захватывали заложниковъ съ большимъ выборомъ и, являясь къ заводчикамъ, требовали определенное количество продуктовъ съ точной оцѣнкой въ рукахъ...

Подобно тому, какъ германскія колоніи распределены у насъ въ Россіи съ изумительной планомѣрностью въ военныхъ цѣляхъ,—и во Франціи пріобрѣтеніе земельныхъ участковъ носило тотъ же характеръ системы и предусмотрительности. Участки выбирались въ районахъ крѣпостей, arsenаловъ, авіаціонныхъ парковъ и т. д.

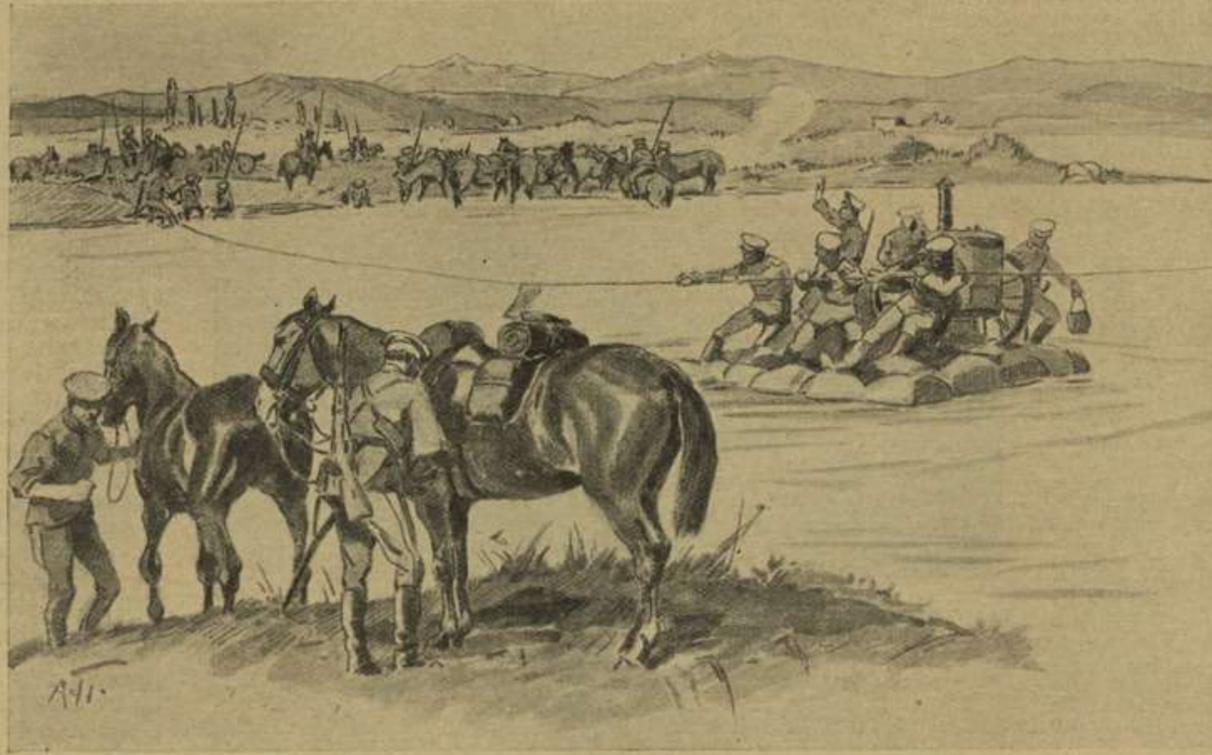
Наряду со всѣмъ этимъ экономическимъ шпіонажемъ процвѣтало въ широкихъ размѣрахъ и настоящій военный шпіонажъ.

Германія наводнила Францію своими шпіонами въ качествѣ рабочихъ на заводахъ, проникавшихъ въ тайны военной техники, работниковъ на фермахъ, туристовъ, фотографовъ и художниковъ, терпѣливо производившихъ съемки мѣстностей, служъ въ отеляхъ, тайкомъ шарившихъ въ чемоданахъ видныхъ путешественниковъ, гувернантокъ въ семьяхъ, проникавшихъ во всѣ семейныя тайны, сохраняя невозмутимый видъ плохо говорящей по-французски иностранки...

Леонъ Бурже—сенаторъ Марны—приводитъ эпизодъ изъ настоящей войны, ярко характеризующій пользу подобныхъ свѣдѣній.

Во время Марской битвы Французы искуснымъ маневромъ заманили германскія войска въ болота и топи Сенъ-Гонъ. Нѣмцы должны были попасть въ ловушку или погибнуть въ трясинахъ, и однако благополучно выбрались отсюда. Изумленные Французы прошаля по пятамъ врага и увидели вдоль всей узкой твердой полосы земли, ведущей изъ трясинъ, разбросанные среди травы осколки асбидныхъ досокъ, намазанныхъ фосфоромъ и ярко свѣтившихся ночью. Нѣсомнѣнно, это было дѣломъ рукъ одного изъ шпіоновъ, основательно изучившаго топографію мѣстности во время работъ гдѣ-либо на окрестныхъ фермахъ.

Немалую роль играютъ также шпіоны въ моментъ объявленія войны, когда достаточно одного человѣка, чтобы нару-

На Джегад-Чат — Широкая быстрая рѣка на границѣ Персидскаго Курдистана. Съ переходомъ ея началъ съ военныя дѣйствія съ Курдаки.

Рисун. А. Пржевальскаго (участника войны).

шить весь планъ мобилизации цѣлаго округа. Цѣлый рядъ подобныхъ злоумышленій былъ открытъ.—къ счастью, своевременно для предотвращения катастрофы, въ Бельгii и во Францii.

Мостъ Висла на рѣкѣ Маасъ чуть было не былъ взорванъ. Вблизи Шербургскаго арсенала заводъ Дюлетта устроилъ складъ динамита (около 200,000 килогр.) подъ охраной отставнаго прусскаго унтеръ-офицера Р. Его успѣли своевременно арестовать.

Общество «Oesterreichische Petroleum» установило въ Деллѣ, недалеко отъ железнодорожной станцii Бельфоръ, имѣющей огромное стратегическое значенiе, три огромныхъ бака съ нефтью на холмѣ. Достаточно было одной спички, чтобы потону горящей жидкости залили всю станцiю и разрушили железнодорожный путь.

Германцы поставили шпионажъ краеугольнымъ камнемъ своихъ военныхъ дѣйствiй, слѣдуя въ этомъ заветамъ своего кумира—Фридриха Великаго, произнесшаго однажды мечтательно слѣдующiя характерныя слова: «Какъ хорошо было бы знать заранее все планы и намѣренiя непрiятеля! Тогда съ ничтожной армiей можно побѣдить самую сильную войска...»

А современная Германiя воплотила опредѣленно высказавшаяся на Гаагской конференцii, возставъ энергично — одна изъ своихъ нацiй—противъ § 44, гласящаго: «воспрещено сылю и угрозами добиваться свидѣнiй о расположенiи непрiятеля у населенiя оккупированной страны».

Германцы утверждаютъ цинично, что шпионажъ существовалъ испоконъ вѣковъ, и говорить: «Даже въ Библии есть указанiе на это... Развѣ Иосифъ въ Египтѣ не сдѣлалъ видъ, что онъ принялъ братьевъ своихъ за поджельниковъ къ нему шпионовъ?..»

Но въ презнiе вѣка шпионажъ выступалъ только съ момента объявленiя войны, а въ XX вѣкѣ Германцы включили шпионовъ въ свою армiю въ качестве вспомогательнаго рода оружiя, и въ теченiе 44 лѣтъ вели неутомимыя подпольныя работы во всехъ сосѣднихъ странахъ.

Литературныя ракушки.

Много разъ, отъ Пушкина до Валерiя Брюсова, былъ воспѣтъ Мѣдный Всадникъ, но, кажется, никто еще не подходилъ къ нему съ такой проникновенностью, какъ г. Александръ Толмачевъ («Очарованный странникъ», алмазахъ весеннiй):

А у Сената Всадникъ мѣдный
Хотѣлъ разрушить пьедесталъ
И ускользнуть въ туманъ побѣдннй,
Разбивъ недопитый бокалъ.

Бокалъ остался недопитымъ, вѣроятно, по случаю наступленiя на Русь трезвости. Хотя за полтора столѣтiя, казалось бы, было время выпить... Но вотъ что удивительно: сколько лѣтъ смотрѣли люди на монументъ Фальконета, и никто-то до г. Толмачева не замѣчалъ, что статуя Преобразователя держитъ въ рукѣ бокалъ, да еще недопитый! Въ слѣдующее же воскресенье пойду посмотрѣть какъ слѣдуетъ на Петра Перваго.

Вообще эти «очарованные» поэты указано буйные. Нѣкій г. М. Струве (и фамилiя-то какая серьезная!) мечтаетъ, напримеръ:

Постройки угля ненужныхъ облаковъ,
И если мѣтокъ я, въ подобiе каретъ,
Обколки облаковъ упавшiе сплести...
Дай Богъ, чтобы пропахнула!...

Вы думаете, какая разница между женщиной на Западѣ и у насъ? Это разъясняетъ г. Пасынковъ (тургеневскiй?) въ «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ»:

«Тамъ (въ Европѣ) женщина опиралась на вѣковую элeгiю мужчинъ, какъ башня на стѣну, просверленную десятками зорнкихъ амбразуръ и бойницъ».

А у насъ никакихъ такихъ амбразуръ не было, и наша отечественная Марea Пасадница по-просту себѣ:

«Не глядѣлась на лона (въ лона?) политики внѣшней и внутренней, на отношенiя къ южной Россii и туманной Литвѣ сквозь очки мужчинъ-совѣтниковъ».

Вотъ она какая была—новгородская «женщина». Но, позвольте, въ XV столѣтiи Вѣдомости, онъ сказалъ бы ихъ «послѣ-

и очковъ-то, пожалуй, еще не носили? Какъ же было тогда «глядѣться на лона»?

Зато, оказывается, что этой самой своей природой своей, перекрывала Европу». Что такое значить «космически пере-крывать»? Непонятно, но лестно. «Разумѣйте, языцы!..»

Въ наследствe послѣ Марeы Посадницeй намъ осталась «старый, хлѣбный, обросшiй водорослями мостъ Великаго Новгорода». Мостъ этотъ не простой, а почти такой же чудесный, какъ тотъ, о которомъ разсказывалъ некогда дѣдушка Крыловъ:

«Если его несли (?) или снесутъ, онъ все же будетъ вязать два берега до тѣхъ поръ, пока ихъ не свяжетъ чистота въ отношенiяхъ между женщиной, какъ представительницей общества, и мужчиной, какъ таковымъ».

А пока, пусть этотъ «мужчина, какъ таковой», не слишкомъ о себѣ воображаетъ:

«Разыгрывать роль назореевъ инициативы, отваги, труда, мужнннъ въ Россiiи менѣе всего пристало».

Хотѣлось бы повидать мужчину въ Россiiи, который разыгрываетъ роль назореевъ. Очень утомительная, должно быть, роль...

Курьезно, что хотя авторъ весьма строго къ «женофобамъ» (онъ увѣряетъ, что отъ нихъ «припахиваетъ карасемъ»), но самъ онъ говоритъ о прекрасномъ полѣ Богъ знаетъ что... У него вдругъ какъ-то выходитъ, будто «дама жметъ въ своихъ эластическихъ кольцахъ женщину!..» Картина, надъ которой лучше не размышлять.

Правда, тутъ же поясняется: «Рабъ быта ущемляетъ холопа,—простите за дерзкiй, но, увы! необходимый оборотъ рѣчи!»

Простить «по человечеству» можно, но точно ли такiе «обороты» необходимы? «Оборотистость» вообще губитъ г. Пасынкова. Послушать его—такъ хоть о чемъ мы все обязаны хлопотать:

«Чтобы дама, наконецъ, не крипудривала затхлой пудрой окровавленный и страшный ликъ женщины-страдалницы...»

Если бы другой тургеневскiй герой, реалистическiй Базаровъ, читалъ «Биржевыя листическiй Вѣдомости», читалъ «Биржевыя листическiй Вѣдомости», онъ сказалъ бы ихъ «послѣ-

нему романтику», какъ некогда Аркадiю Кирсанову: «другъ мой, не выражайся такъ красиво!»

Исатель жемчуга.

Мелочи.

Падеревскiй о влiянii войны на музыку буду-щаго.

Открывъ вмѣстѣ съ Генрихомъ Сонкевичемъ въ Лозаннѣ и въ Парижѣ комитеты для сбора помощи жертвамъ войны разоренной Польши, Падеревскiй, какъ пишутъ газеты, выѣхалъ теперь въ Америку, чтобы организовать и въ Соединенныхъ Штатахъ помощь Полкамъ.

Знаменитый пианистъ не выступаетъ на эстрадѣ съ самаго начала войны, такъ какъ «сердце и умъ его слишкомъ полны печали, чтобы думать о концертахъ». Но на досугѣ онъ много размышлялъ о томъ, какъ отразится война на музыкѣ и не отказался подѣлиться своими мыслями съ сотрудникомъ «Musical America».

Это влiянiе, по его мнѣнiю, будетъ благотвeльно. Послѣ пережитыхъ человѣчествомъ трагедiй лирическая музыка вернется къ той простотѣ и чистотѣ формъ, отъ которыхъ она уже давно отказалась. За послѣднiе годы въ области музыки искренней идеализмъ приносился въ жертву грубому и шумному материализму. Большинство композиторовъ писало исключительно для оркестра, а между тѣмъ война вызоветь во всехъ странахъ неизбежный экономическiй кризисъ, и содержанiе современныхъ гигантскихъ оркестровъ станетъ затруднительнымъ. Да и у людей появится потребность въ мелодическихъ, тихихъ звукахъ послѣ грохота и ужаса нынѣшнихъ сраженiй.

Съ другой стороны исторiя учитъ насъ, что войны и крупныя потрясенiя всегда вызывали по своему окончанiю расцвѣтъ человеческого генiя во всехъ областяхъ искусства. Бетховенъ явился послѣ французской революцii; Шопенъ, Шумлять, не говоря о болѣе мелкихъ талантахъ,— послѣ наполеоновскихъ войнъ. Такъ и настоящая упорная война породитъ, надо надѣяться, гениальныхъ композиторовъ.

Редакторъ Б. А. Суворинъ.
Издание Товарищества А. С. Суворина—
«Новое Время».

НОВОЕ ВРЕМЯ

Основатель А. С. Суворинъ.

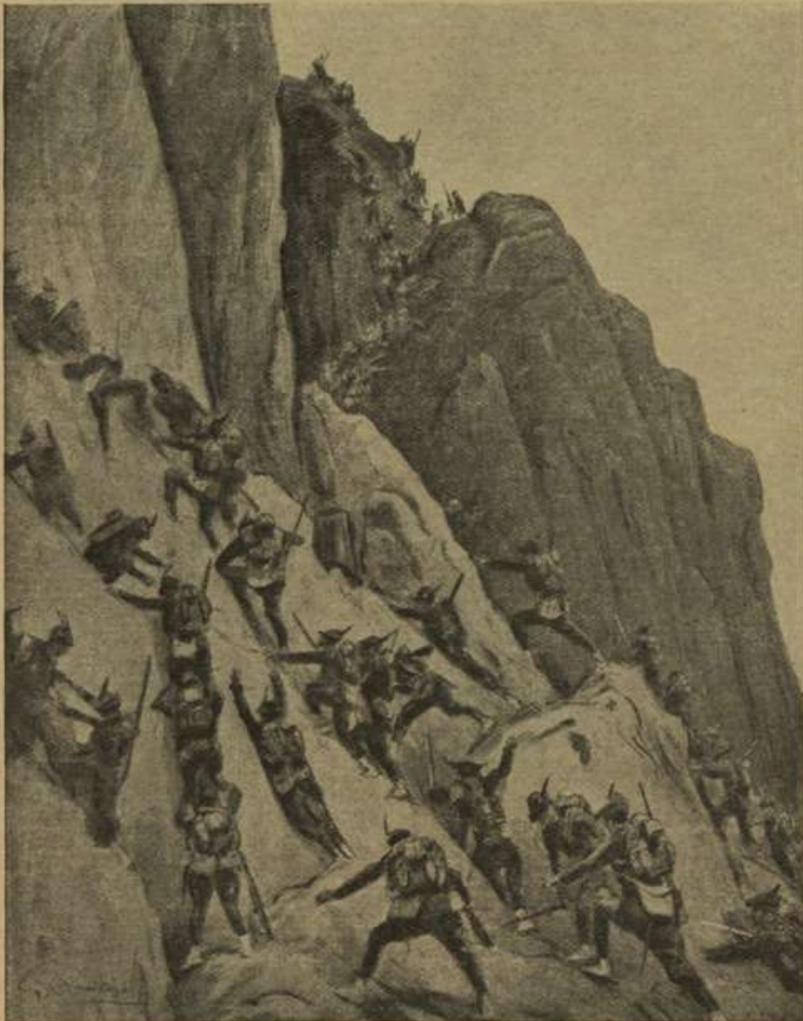
29

№ 14142

ПЕТРОГРАДЪ, СУББОТА, 25-го ПОЛЯ (7-го АВГУСТА) 1915 ГОДА.

№ 14142

НА ИТАЛЬЯНСКОМЪ ФРОНТѢ.

Горы итальянскихъ альпійскихъ стрѣльнъ на сѣверномъ склонѣ горы Монте-Неро, во время которой итальянцы разбили Австрійцевъ и взяли въ плѣнъ болѣе 600 нижн. чиновъ и 30 офицеровъ, не считая убитыхъ и раненыхъ, много оружія и патроновъ. Въ рунцахъ Ит. альпійцевъ оказались всѣ высоты и ущелья Монте-Неро. Во время атаки итальянцамъ пришлось преодолѣть огромныя затрудненія. По официальному сообщенію итальянской главной квартиры, приходилось наступать ночью безъ малѣйшаго шума, взбираться по почти отвѣснымъ скаламъ и напасть врасплохъ на непріятеля, атаковавъ его одновременно съ двухъ сторонъ. Альпійскіе стрѣлки были вооружены ружьями со штыками и ручными бомбами и должны были броситься на непріятеля по возможности безъ выстрѣла, чтобы не всполошить врага. Нѣкоторыя части даже снѣли сапоги и, обвязавъ ноги траурными, въ темнотѣ наработались, гонимы невѣроятнымъ образомъ, на вершины скалъ.

Рисов. В. Амато.

С. № 14095 «Нов. Вр.».

Генералъ ГАМИЛЬТОНЪ (Jan Hamilton), командующій британскими сухопутными войсками въ Дарданеллахъ. Съ портрета работы Серджиетти.

Сѣверное солнце въ стѣнахъ раскаленныхъ —
 Развѣ это солнце свѣтитъ на Волынѣ
 Надъ зеленой стѣнью въ травахъ полусоп-
 ныхъ,
 Гдѣ подъ вечеръ дали такъ прозрачно-сныи?
 Этому навстрѣчу сердце не смѣется,
 У него не проситъ жаркой ласки тѣло,
 Подъ его сіяньемъ птицамъ не поется,
 Не шумится травамъ весело и смѣло.
 Сѣверному солнцу въ стѣнахъ раскален-
 ныхъ
 Не пойдешь молиться на закатѣ лангомъ
 Межъ хлѣбовъ зеленыхъ, ливнемъ окро-
 пленныхъ,
 Подъ вечернимъ небомъ, чистымъ и пре-
 краснымъ.

Вѣра Рудичъ.

Къ жизни.

Разсказъ.

I.

Запахъ свѣжихъ пиджачковъ еще наполнялъ комнату, залитую лучами майскаго солнца. Среди бѣлой полированной, наивно-веселой, со своей свѣтлой обивкой, мебели, большой портретъ умершаго ребенка улыбался счастливой, беззаботной улыбкой.

Упавъ на кресло у кровати, Анна, только что вернувшаяся съ похоронъ дочери, скорбными материнскими глазами глядѣла на ушедшее счастье.

Мужъ убитъ (его тѣло не найдено) гдѣ-то въ чужой далекой землѣ.

Теперь эта новая утрата.

Анна задохнулась отъ слезъ.

Въ передней затрещалъ звонокъ.

Вернулись съ похоронъ, забывавшія въ магазинѣ съ кладбища, мать и сестра.

Въ столовой звякала посуда; накрылся столъ для обѣда. Надо говорить, отвѣчать на вопросы, слушать банальныя утѣшенія...

И это самое ужасное. Анна поднялась, вытерла глаза и, пошатываясь, пошла навстрѣчу къ матери.

У нея, замужней, самостоятельно-богатой женщины, оставался къ властной старухѣ родъ почтительнаго страха.

Въ гостиной, съ завѣшанными картинами, находилась сестра Анны, Нетти, хорошеющая, безличная, какъ модная картина.

Траурная шляпка — «стюартъ» — съ

Ген.-лейт. Н. П. РЪЩИКОВЪ. Награжденъ орденомъ св. Георгія 4 ст. Бѣлаго Орла съ мечами и св. Владиміра 2 ст. съ мечами.

Кап. А. Н. ОССОВСКІЙ. Награжденъ орденомъ св. Георгія 4 ст.

ВЪ ОНОПАХЪ, ПЕРЕДЪ ПРИБЛИЖЕНІЕМЪ УДУШАЮЩИХЪ ГАЗОВЪ.

Французскіе солдаты въ маскахъ-респираторахъ, защищающихъ отъ газовъ, готовы къ атакѣ непріятеля.

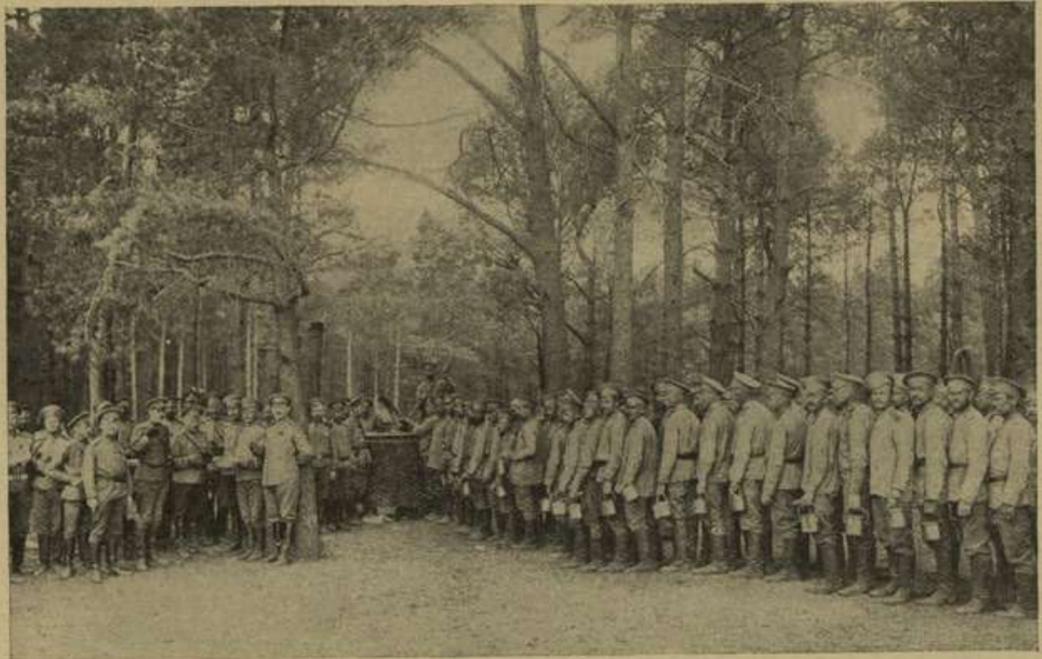
НА ВОЙНЕ.

Вольноопред. М. Н. КОТЛЯРСКИЙ.
Награжденъ Георгиевскимъ крестомъ 4 ст.

А. М. ПУЙКА.
Прапорщикъ, казначей пѣшей дру-
жины. Награжденъ Георгиевскимъ
крестомъ 4 ст.

Проба и раздача пищи въ походѣ.

— Готовъ обѣдѣ? Я закушу, да и до-
мой. Устала... Шутка ли — съ семи часовъ
на ногахъ, да и тебѣ совѣтую отдохнуть...
А вечеромъ ко мнѣ...

Анна сидѣла молча, сумрачная.
Подали обѣдѣ.

Въ потемнѣвшей столовой казалось осо-
бенно грустно, тихо. Не слышалось дѣт-
скаго лепёта, смѣха...

И никогда-никогда не услышишь его!
Подали кремъ въ трубочкахъ.
Анна, закрывъ лицо, заплакала.

Спокойно кушавшая мать, подняла на
нее глаза:

— C'est bête, ma chère... Ну, что
такое?... Дай по крайней мѣрѣ поѣсть
спокойно, — заговорила недовольнымъ то-
номъ Анисимова.

— Дора... любила такъ... Дора...
И, порывисто вставъ съ мѣста, Анна
вышла изъ столовой. Рождественница сидѣ-
ла молча.

Нетти равнодушно оканчивала пирож-

ное, думая, что пеленко, пожалуй, будетъ теперь и его нѣтъ. Анна не побѣжала ве-
рнуть въ театръ.
Правда, семилѣтній ребенокъ, но все же она легла.
неудобно.

— Поѣду къ Ольгѣ Копытиной... Виль-
ницкій навѣрное будетъ... — утѣшилась
она.

— Анна! Ma chère!.. Мы утѣшаемъ..

Анна не побѣжала ве-
черомъ къ матери. Последвѣ съ няней
она легла.

Но сонъ не приходилъ. Въ неясномъ свѣ-
тѣ лампы рѣдкіе знакомые образы: лю-
бимое лицо склонилось надъ ней; дѣвочка
смѣялась, кружилась, пѣла свои дѣтскія
пѣсенки, надрывая сердце жестокой мукой,
что дана человѣку: воспоминаніемъ о про-
шломъ счастья.

II.

Могила, вся розовая отъ маргаритокъ,
глядѣла чѣмъ-то чистымъ, вроткимъ; гово-
рила объ унувшей дѣтской душѣ.

Сидя рядомъ на старой надгробной плас-
тѣ, Анна не испытывала давящей пусто-
ты, охватывающей ее среди ненужной рос-
коши квартиры.

Здѣсь ея домъ, ея приближище отъ тоски.
Какъ тихо...

Капитанъ И. В. ФЕДОТЪЕВЪ.
Нагр. орд. св. Георгія 4 ст.

Вечеромъ ждемъ тебя... Не оставайся
одна. Надо встряхнуться. Не ты одна!

Звякнулъ замокъ. Квартира погрузилась
въ тишину.

— Одна!..
Какое это ужасное, страшное слово...

Душевное одиночество, ничѣмъ не со-
грѣтое, пустое, ненужное существованіе.

Мать... сестра...
Она не нужна имъ; онѣ равнодушны
къ ней.

Анна отошла и сѣла въ уголь, глядя на
огонекъ лампы передъ Спасителемъ.

Тамъ, на монастырскомъ кладбищѣ,
осталось не утѣшеніе, а что-то самое
близкое, родное.

Если бы и остаться тамъ навсегда около
этой могилы, дожить вѣкъ вдали отъ суо-
ты и пустоты...

Уже не одинъ разъ мысль эта прихо-
дитъ въ голову, даетъ что-то, облегчаю-
щее тоску. Анна никогда не была серьезно
религіозной; но еще со смерти мужа за-
думалась глубоко о жизни и больше о
смерти. Но тогда отвлекалъ ребенокъ;

Ординарецъ командующаго 74-й пѣх. дивизіи,
подпрап. А. СЕМЕНОВЪ, участникъ русско-япон-
ской войны, имѣетъ три Георгиевскихъ креста. За
эту войну представленъ къ Геор. іевскому кресту
1 ст.

Рис. П. Д. Шипова.

Вице-адм. Петръ Петр. МУРАВЬЕВЪ,
назначенный помощникомъ морского министра.

длиннѣйшимъ крепомъ, красила свѣжее
лицо съ холодными глазами.

Оглядѣвъ Анну, она спокойно оберну-
лась къ зеркалу, съ котораго успѣла
сбросить чохоль. Вошла старуха Аниси-
мова, величавая, полная.

Трауръ придавалъ ей сходство съ ко-
ролевой.

— Все плачешь?... Я такъ и думала...
Надо взять себя въ руки... Не ты одна.

Она опустилась въ кресло.

Спокойно кушавшая мать, подняла на
нее глаза:

— C'est bête, ma chère... Ну, что
такое?... Дай по крайней мѣрѣ поѣсть
спокойно, — заговорила недовольнымъ то-
номъ Анисимова.

— Дора... любила такъ... Дора...
И, порывисто вставъ съ мѣста, Анна
вышла изъ столовой. Рождественница сидѣ-
ла молча.

Нетти равнодушно оканчивала пирож-

Павшие смертью храбрых.

Полк. А. Ф. Давыдовъ.
Сконч. отъ ранъ. Награжденъ
Георгиевскимъ оружіемъ.

Прап. В. Н. Жариновъ.

Полковн. бар. А. К. Бодѣ.
Сконч. отъ ранъ. Награжденъ
Георгиевскимъ оружіемъ.

В. А. Чернышевъ.
Скончался отъ ранъ.

Корн. А. С. Сосновскій.

Пор. В. З. Смольскій.

Прап. П. И. Ностриковъ.
Награжд. двумя Георгиевскими
крестами.

Мичманъ С. А. Ивановъ.

Мичманъ Д. А. Ивановъ.

Прап. Г. Л. Ивановъ.
Предст. къ орд. св. Георгія 4 ст.

Подпор. В. В. Плохотниковъ.
Скончался отъ ранъ.

Подпор. Н. А. Потуловъ.
Скончался отъ ранъ.

Вольноопред. Ф. Б. Алябевъ.
Нагр. Георгиев. крестомъ 2 ст.

Корн. С. О. Калиничукъ.

Прап. П. И. Блюцерновскій.

Подполн. В. В. Атамановъ.
Скончался отъ ранъ.

Шт.-кап. И. К. Дорофеевъ.

Охотникъ
Б. А. фонъ-дѣръ-Лауницъ.

Прап. Н. А. Смирновъ.

Прап. А. И. Маторинъ.

ужасиле, а я вам на это отвищу: у вас хоть есть не опозоренная чистая память о близких, а если у другого и этого нет... А ведь и это бывает... Когда все поругано, разбито... И это было со мной...—неожиданно приблизилась мать Агния и продолжала, видимо не в силах сдержаться.

— Страшно вспомнить: любимый, боготворимый человек оказался...

Монахиня замолкла, тяжело дыша, вся бледная от волнения. Анна, широко раскрыв глаза, глядела на нее, охваченная таким же чувством.

— Что же сдвигало он... этот человек?—вырвалось у нее.

— Что сдвигало?... Что сгубило?...—мать Агния неожиданно поднялась во весь рост.

— Продай родину... Вот что сгубило...

И тихо, словно про себя:
— Давно, давно было... В могиле теперь.

И вся мгновенно стихла, ушла в себя, словно сожалела о высказанной тайне.

Секунду длилось молчанье.
Анна поднялась бледная.

— Я забуду еще. Мать необходимо видеть вас... Вы позволите?—сказала она, прощаясь.

Мать Агния проводила ее.
— Буду всегда вам рада... Но в обитель пока не советую. Я—больная, разбитая старуха, а вы молоды, здоровы... Наконец, вы русская женщина; жизнь, родина, людское страданье—зовут вас. Монастырь не уйдет, — закончила монахиня.

Анна слушала ее с просветленным лицом.

Выйдя из келия, она пошла в лазарет к тетке.

Спустя почти год, в одно холодное осеннее утро, войдя в гостиную матери, Анна спокойно объявила последней о своей свадьбе с поручиком Марцевым.

Старуха Анисимова широко открыла глаза и отбрыкнула. Она была поражена.

— Замуж, за каблуки? Ты думаешь о том, что говоришь?—крикнула она.— Сумасшедшая!

— Мама, не надо так говорить... Я рбнилась... Я не могу иначе... После смерти Гриши и девочки у меня ничего не осталось. *Нечем жить, мама*, — сказала Анна.

— Ты совсѣм помѣшалась!.. Связать себя с этим обрутком. В чем ты наша эта новую жизнь?—грубо крикнула мать.

Анна поблѣднѣла. Глаза ее сверкнули.

— Вы не понимаете, мама. За эти мѣсяцы, проведенные в лазаретѣ у постели этого человека, я поняла, что не все кончено для меня, что я еще нужна кому-то, — твердо отвѣтила она.

Старуха Анисимова воплеснула руками.

НА Кавказско-турецкомъ фронтѣ.

Наши войска на бивуакъ подь Меликъ Нендами. Вдали видѣются горы Курдистана. Рис. А. Пржевальскій (участникъ войны).

Бѣженцы на пути въ новыя мѣста.

Лѣтомъ.

Тихой пѣгой лѣтняго покоя
Ласково баюкаетъ гамакъ;
Сладокъ запахъ блага левкоя,
Величавъ и пышенъ яркій макъ...

Вьется вверхъ по дереву горошекъ,
Незабудка неба голубѣй;
У балкона лицетъ хлѣбныхъ крошекъ
Пара темно-сизыхъ голубей.

Онъ воркуетъ, прыгая вдругъ разомъ,
А голубка трепетно-робка;
Озирается пугливымъ глазомъ,
Слыша воркованье голубка.

Но клеветъ онъ брошенные крошки,
И она клеветъ ихъ начала...
Черный жукъ шагаетъ по дорожкѣ,
И жужжитъ тяжелая пчела...

Жизнь все та же медленнаго лѣта,—
Будто вправду замедленныхъ дней,
Дней, когда душа тепломъ согрѣта,
А земля и ближе, и роднѣй.

Хороши поднявшіяся травы,
Яркій макъ такъ пышетъ на стеблѣ...
Миръ въ душѣ,—и кажется, что правы
Тѣ, кто звалъ насъ къ матери-землѣ.

Здѣсь природу чувствуешь невольнo,—
Скрыта мудрость Божеская въ ней...
Здѣсь и сердцу чуткому не больно,
Вьется кровь спокойнѣй и ровнѣй.

Не смущалъ мирнаго покоя,
Вьести гора тусклые, будто сны...
Сладокъ запахъ блага левкоя,
Смѣшанный съ дыханьемъ сосны...

В. Оболенскій.

Нѣмцы о Нѣмцахъ.

Пожаръ охватившій въ настоящее время чуть ли не всю Европу, страшная борьба, ужасы которой мы переживаемъ,—результатъ стремлений Германіи подчинить своему вліянію весь міръ.

Въ недалекомъ будущемъ варварскія «культуртрегеры» станутъ казаться потомству чудовищной, кровавой легендой.

Корень этихъ неслыханныхъ преступлений кроется въ психологій народа, мяснанаго себя непогрѣшимымъ насадителемъ культуры.

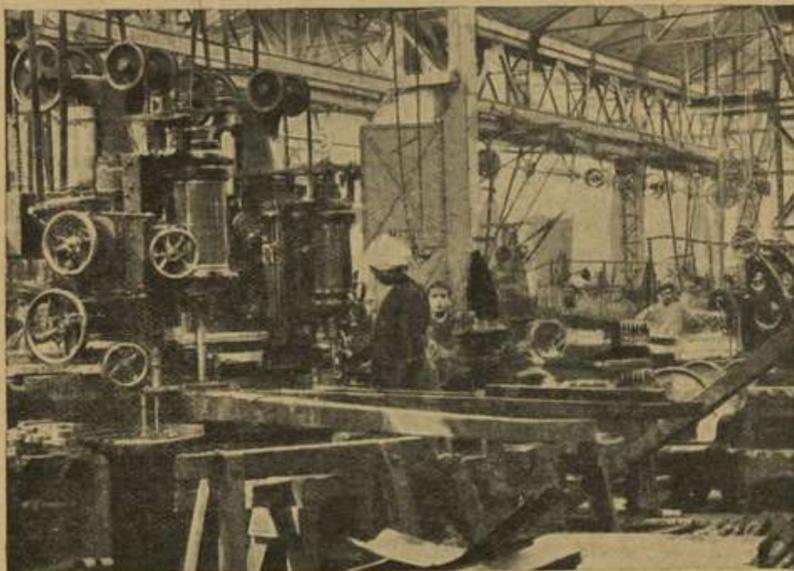
— Безуміе, безуміе! Какія партіи могли представляться, — воскликнула она горестно.

Анна молча вышла изъ комнаты.

Черезъ мѣсяць Анна сдѣлалась женой Марцева.

В. И. В-чъ.

ВСЕ ДЛЯ ВОЙНЫ

Женщины на работѣ.—Обработка на станіи громоздкихъ предметовъ.

Обточка снарядовъ женщинами въ мастерскихъ.

Безпристрастное мнение выдающихся умов Германии относительно психологии германской расы является, поэтому, ценным документом для характеристики нашего врага.

Знаменитнейший из немецких поэтов-философов, великий веймарский олимпиец — Гете, характеризует в беседе с Эккерманом всю немецкую расу так:

«Немец по-одиночке даровит, но в массе жалок».

Князь Бюлов, в своем сочинении «Германская политика» цитирует эту фразу.

Какой жестокий и тем более обидный для самолюбия Германцев приговор заключается в том, что Гете одновременно противопоставляет психику своего народа тонкой Французов, заслуживающей его неизменного поклонения!

Другой выдающийся поэт Германии, Генрих Гейне, также делает рельефное сопоставление этих двух наций. Известно, что бичующая сатира Гейне настолько возбудила ненависть Вильгельма II, что, когда австрийская императрица Елизавета, эта «императрица-скитальца» или «императрица-отшельница», как ее прозвали французы, изъявила желание вооружить памятник любимому своему поэту Гейне в Дюссельдорфе, место его рождения, Вильгельм энергично воспротивился этому.

Но императрица Австрии все же осуществила свое желание, увековечив память Гейне памятником на острове Корфу, в уединенных садах построенного ею дворца Ахиллеон.

После трагической смерти императрицы Елизаветы, замок Ахиллеон, как известно, был приобретен Вильгельмом. Новый владетель не преминул, конечно, низвергнуть ненавистное изображение германофоба Гейне со своего пьедестала.

Перелистывая знаменитый «Путевые картины» Гейне, находим следующее описание приезда его в Париж в 1831 году.

Переход через р. Аранс.

«В Париж я въехал через триумфальные ворота бульвара Сент-Дени, воздвигнутые первоначально в честь Людовика XIV, теперь же послужившие к прославлению моего въезда в Париж».

«Я был прямо поражен массой разряженных людей, одетых с большим вкусом, как картинка модного журнала. Все мужчины были такие привлекательные, а женщины такие улыбающиеся! Если меня кто-нибудь печально толкал и не просил тотчас извинения, то я мог пари держать, что это был мой соотечественник, и если какая-нибудь красавица имела черезчур веселый вид, то либо она надела кислой капусты, либо могла читать Клопштока в оригинале...»

«Моя душа, это бедное «не тронь меня», сомкнувши свои лепестки под влиянием страха отечественной грубости, снова раскрылась навстречу ласкающим звукам французской вожливости».

В признаниях своих Гейне говорит, между прочим: «Если бы мне надо было составить по этнографическому методу Лепорелло иллюстрированный список разных мошенников, запущавших руку

в мой карман, то, разумеется, все цивилизованные страны имели бы в нем достаточное число представителей, но изъема первенства остался бы все-таки за отечеством, которое совершало самые невбродные штуки».

Вращаясь в культурнейших слоях парижского общества, тонкий художник и психолог искусно набрасывает на свое полотно свет и тень:

«Я убежден, — восклицает он в одном из своих очерков, — что мертвецы забавляются в Париже несравненно более, нежели у нас в Германии живые люди!»

«Что касается меня, то, если-бы я знал, встречал в берлинской «Евангелической Газете»... Самая коварная козья морда привидения, я бы не страшился хвост, витрица духовенства — ничто в смерти. Предварительно я принял-бы сравнение с борьбой наших истинных мфры, чтобы быть похорошенным нас рационалистами».

«Кладбище Père-Lachaise, откуда бы я совершал между полночью и часом прогулки по Парижу. Какой омарователю неприимимой ненависти Немец к своим соседям — столь оловянным ственники, прихав уже глас мой смер- Немец чувств, объясняющем все ти в Париж, не пугайтесь при встрече ужасы теперешней кровавой эпохи и с моим призраком на улицах стои- безиримной жестокости, теперь чиницы мира: страшным, на подобие немец- мия Немецми, по приамру и приказанию ких роковых призраков, я не буду. О, их вождей, во Франции, Бельгии и много- вить! Мой призраком будет жизнерадост- страдальной русской Польши!»

«Вы, Французы, — пишет Гейне, — не можете составить себе никакого представления о том, до чего доходит ненависть Немец. Германская раса несрав-

«Насколько народная легенда Франции прекрасна и ярок сравнительно с мрачными немецкими сказаниями, облеченными в такую кровавую, жестокую форму!»

Высказывая свое мнение о французской литературе, Гейне с особым негодованием говорит о немецких критиках ее вообще и о Шлегеле в частности:

«Как велика была радость и гордость Немец, когда мой возмущенный земляк вздумал доказать Французам, что вся их классическая литература не стоит ни гроша! Что прословутый Мольер не более, как шут гороховый, а Расин — поэт весьма посредственный. Между тем как, мы, Немец, неоспоримо — боги Парнаса... Любимым призом Шлегеля служило его мнение о полном отсутствии поэзии во Франции, причем Француз от считал самым просвещенным народом в мире».

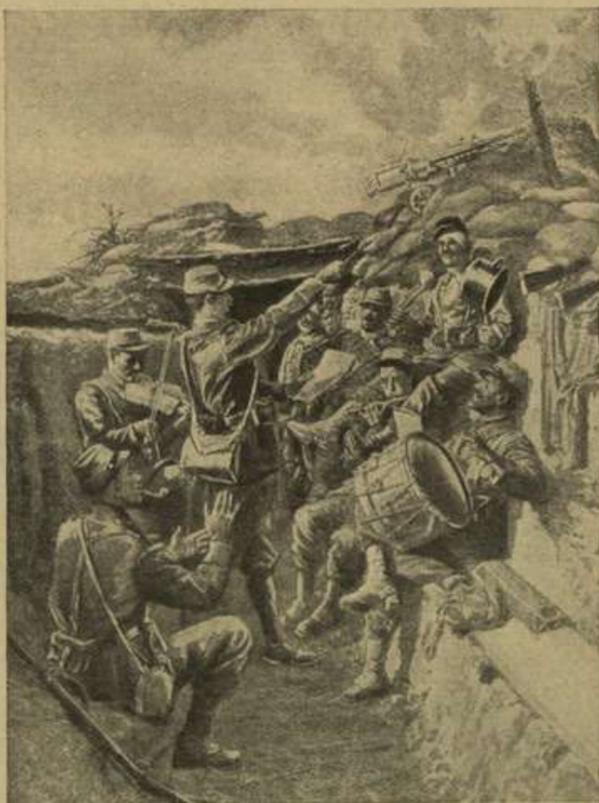
Говоря с нескрываемой откровенностью о своих симпатиях, Гейне смело подчеркивает и свои антипатии. В ту эпоху, к которой относятся страницы, посвященные Германии, Гейне не был еще сторонником какой бы то ни было религии. Перелом, происшедший в его душе под влиянием долготных страданий и превратной атакста-эпикурейца в глубоко-внушающего человека, наступил гораздо позднее. Совершенно свободный от каких-либо догматов, Гейне в ту раннюю эпоху своей литературной карьеры мог откровенно, тем, когда-либо, высказываться в вопросах религии и психологии Немец.

«Вы знаете, — говорит он, — я отнюдь не сторонник католицизма, но я считаю своим долгом заявить, что в летописях Папства мне нигде не доводилось находить тех ужасов, какие я

Строки Гейне имеют уже чисто пророческое значение, когда он говорит о неприимимой ненависти Немец к своим соседям — столь оловянным ственники, прихав уже глас мой смер- Немец чувств, объясняющем все ти в Париж, не пугайтесь при встрече ужасы теперешней кровавой эпохи и с моим призраком на улицах стои- безиримной жестокости, теперь чиницы мира: страшным, на подобие немец- мия Немецми, по приамру и приказанию ких роковых призраков, я не буду. О, их вождей, во Франции, Бельгии и много- вить! Мой призраком будет жизнерадост- страдальной русской Польши!»

«Вы, Французы, — пишет Гейне, — не можете составить себе никакого представления о том, до чего доходит ненависть Немец. Германская раса несрав-

ИМПРОВИЗИРОВАННЫЙ ОРКЕСТРЬ ВО ФРАНЦУЗСКИХ ТРАНШЕЯХ.

Музыканты-любители во время перерыва военных действий. — Музыкальные инструменты, кроме скрипки, флейты и барабана, — рогная кастрюля и т. п. «звучны» вещи.

У НАС НА ВОЙНЕ.

«Туалет» на позициях.

ненно мстительный романской. И это происходит от того, что Немец — идеалист даже в чувствах ненависти. Немец не чувствителен к мелочам, к уколам самолюбия, к мягким эпиграммам, к светскому этикету. Нет, в личности своего врага Немец ненавидит сущность этой личности — ее мысль, ее дух. Француз отходчив в гнѣбѣ, поверхностен, как в ненависти, так и в любви. Мы же, Немцы, ненавидим глубоко и свято!

В этих строках вся суть духовного облика Германцев. В своем пророческом предвидении, поэт идет еще дальше, когда говорит о природных инстинктах кипящих своей культурой Немцев:

«Христианство до некоторой степени смягчило воинственный пыл Германцев, но уничтожив его окончательно. Великий символ христианства — крест — держит все еще таящиеся в этом народѣ варварские инстинкты в крѣпких оковах. Но стоять этому святому символу лишь надомыслие, и Немец снова вернется к сестрой первобытного завоевателя, неутомимо жаждущего крови.»

«Древние воинственные боги возстанут тогда из своих легендарных могил, и созданные сжати дивные юмические трагедии падут под ударами молота проснато Тора!»

Если мы ограничиваемся вышеприведенными выдержками из творений Гейне, то далеко не потому, чтобы материал на эту тему был исчерпан, но лишь желая представить место еще одному немецкому мыслителю ближайшей нам эпохи — Фридриху Ницше.

В своем известном произведении «Прохождение трагедии» Ницше произносит над своим народом приговор еще более жестокий, чем это сдѣлал Гейне.

Остановимся на строках, характеризующих душу германского народа:

«Душа Немца представляет амальгаму разнообразнейших элементов, находящихся еще в период брожения...»

«Самый яркий отпечаток немецкой души — это вкус Немца, его искусство, его нравы.»

«Вся кажущаяся немецкая глубина — не что иное, как томительно-медленное усвоение впечатлений.»

«Получившее столь широкое распространение за последнее время слово «Kolossal» достаточно типично, как мѣрло художественного вкуса Немцев.»

«Немец, — читаем дальше у Ницше, — нагромождает вокруг себя формы, краски, произведения и рѣдкости всех времен и народов земного шара, создает таким способом ту арматорную безвкусицу, на которую он наклеивает рекламный ярлык «модернизма». И в

этом хаосе стилей Немец чувствует себя, как рыба в воде! Но с подобной культурой, которая в сущности лишь отсутствие восприимчивости культуры, нельзя мечтать о победах над таинством, например, врагом, как Франция. Французы действительно воплощают в себя культуру, тогда как Немцы лишь жалкие, бездарные подражатели их».

Выдающиеся немецкие поэты и мыслители являются такими же строгими судьями современных Вандалов, как и все остальное человечество.

Справедливый судь всего культурного мира над народом-преступником должен выдвигать современного Тезея, чтобы он смертельно поразил кровожадного Минотавра, и спас мир от порабощения германскому.

Черты из жизни „клоун-принца“.

Поль-Луи Эрве.

6 мая 1882 года, около десяти часов вечера в обширном дворѣ передь

БРОДЯЧИЕ АРТИСТЫ.

Концертмейстеръ и его музыканты.

потсдамским дворцомъ нервно шагала какая-то тѣнь в офицерскомъ плащѣ. Тѣнь эта выражала явные признаки безпокойства, ежеминутно поворачивая голову по направлению освѣщенных оконъ первого этажа. Нѣсколько разъ она приостанавливалась, пыталась разглядѣть силуэты людей, вырисовывавшихся на залитыхъ свѣтомъ освѣщенныхъ оконныхъ занавѣсахъ...

Что же происходило за этими окнами? Что это была за таинственная тѣнь, скользившая съ такимъ волненіемъ вдоль стѣнъ потсдамскаго дворца?

Въ внезапно распахнувшимся окнѣ показалась фигура молодого человека и въ ночной тишинѣ громко раздались радостный голосъ:

— Дѣдушка, поздравляю тебя съ рожденьемъ правнука!

Послѣ этого привѣтствія тѣнь поспѣшно направилась ко дворцу.

Читатель, конечно, понял, что таинственный призракъ былъ не кто иной, какъ германскій императоръ Вильгельмъ I, получившій известіе о рожденіи своего правнука, знаменитаго теперь «клоун-принца».

Ребенокъ былъ нареченъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ - Викторомъ - Августомъ - Эрнстомъ

Крещеніе новорожденнаго принца было совершено 11 іюня 1882 года при торжественной обстановкѣ.

Это была единственная официальная церемонія, гдѣ юный принцъ не былъ облаченъ въ военный мундиръ.

Прадѣдъ и отецъ новорожденнаго придерживались того мнѣнія, что будущему кайзеру необходимо внушить уваженіе къ мундиру и къ военной дисциплинѣ съ первыхъ же его шаговъ.

Въ силу этого, Фридриха-Вильгельма уже съ трехлѣтняго возраста наряжали въ военный мундиръ. Ребенка это, конечно, забавляло на первыхъ порахъ, какъ игрушка, которая должна была съ годами перейти въ привычку, а поздѣе даже въ потребность.

Педагогическій приемъ стараго Вильгельма достигъ, очевидно, желанныхъ результатовъ. Облаченный въ военный мундиръ, ребенокъ съ коичной торжественностью маршировалъ въ новогоднемъ парадѣ, вызывая восторженное восклицаніе изъ устъ умиленаго прадѣда: «Молодчина! Какъ онъ славно маршируетъ! Изъ него выйдетъ прокъ».

Серьезное вниманіе было уделено также играмъ ребенка. Въместо обычныхъ «побрикушекъ» мальчику дали въ руки игрушечную саблю. Крошечное ружье служило опорой первыхъ шаговъ младенца. Онъ росъ, окруженный цѣлой арміей оловянныхъ солдатиковъ, пушекъ и миниатюрныхъ орудій, имѣющихъ отношеніе къ военному дѣлу.

Строгий придворный этикетъ дѣлалъ некоторые послабленія въ пользу будущаго кронпринца. Ему не возбранялось даже бѣгать по роскошнымъ газонамъ императорскаго сада во время игры въ войну со своими сверстниками. Крѣпости изъ песка, бастионы изъ глины во множествѣ воздвигались маленькими руками ребенка.

Кронпринцъ занимался вмѣстѣ со своимъ братомъ Эйтелемъ-Фридрихомъ сначала съ воспитательницами, а затѣмъ съ учителями, подъ непосредственнымъ наблюденіемъ своихъ родителей. Однимъ изъ воспитателей принцевъ былъ назначенъ генералъ Фалькенгайнъ, который, осыпанный милостями, выступаетъ на аренѣ нѣмѣйшей войны.

Когда кронпринцу минуло пятнадцать лѣтъ, къ нему назначили воспитателемъ генералъ-лейтенанта Дениса (Denies), сопровождавшаго затѣмъ обоихъ принцевъ въ Пленское военное училище близъ Кля, въ Шлезвигъ-Гольштейнѣ.

По окончаніи училища кронпринцъ вернулся въ Потсдамъ, гдѣ отбывалъ воинскую службу въ чинѣ поручика першого пѣхотнаго гвардейскаго полка. Затѣмъ онъ, по примѣру отца, поступилъ для завершения образованія въ Боннскій университетъ. Въ Боннѣ кронпринцъ пробылъ два года, т. е. до достиженія совершеннолѣтія.

ЖЕНЩИНЫ ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ.

Во вражеской странѣ: женщина-полицейскій и женщины-таможенныя.

Шаровъ Валдеса („Sketch“)

Кронпринц — студент Боннского университета.

Кронпринц Фридрих-Вильгельм, гарцонный с колыбели в душной атмосфере...

Входя в состав привилегированной корпорации «Боруссия», поступление в число членов которой обуславливалось или знатностью происхождения...

Традиционные дуэли, излюбленное развлечение немецких «буршей», гордящихся своими воинственными трофеями...

Израба появляясь на студенческих пирушках, он и тут сохранял свойственный его физиономии нарменно скупающий вид...

Чтобы ввести некоторое разнообразие в монотонную жизнь своего наследника, кайзеру надумалось послать его в Англию...

Немудрено поэтому, что юный кронпринц, очарованный оказанным ему в Англии приемом, готов был остаться навсегда в гостеприимной столице своей прабабки...

По возвращении в alma mater кронпринц еще больше прежнего стал чуждаться своих коллег. Опыанный почестями, оказанными ему в Англии...

Но ни тонь, ни величественная поза будущего кайзера не задуливали молодого...

И вот однажды, не желая подчиниться одному из статуту корпорации, кронпринц был вынужден покинуть Бонн...

Жалобы на деспотизм статуту корпорации не были, однако, единственною целью посещения кронпринцем родительского дома...

Во время пребывания своего в Лондоне он познакомился в дом герцогини Мальборо с девушкой редкой красоты. Завязавший между молодыми людьми флирт перешел в серьезное увлечение...

Герцогиня Мальборо (рожденная Вандербилт) приняла живейшее участие в тяжелой участи своей соотечественницы. Благодаря высокому покровительству герцогини...

Как уже было упомянуто, увлечение кронпринца мисс Диконь приняло довольно серьезный характер. Метательная красавица, отличаясь взаимностью на чувства пылкого своего поклонника...

— Ваше высочество, — ответила она уверенным тоном на признание кронпринца, — я желала бы закрепить наше взаимное чувство законным браком...

Влюбленный кронпринц просидел у мисс Диконь три дня на размышления.

По истечении этого срока он пришел к предмету своей страсти и, вместо ответа, сказал, протягивая ей кольцо:

— Вот залог моей любви, да будет он вашим обручальным кольцом! Перстень этот я получил от моей прабабки...

И вот, когда вскорь по возвращении своем в Берлин кронпринц предстал пред грозными очами своего родителя, последний обратил внимание на исчезновение фамильного талисмана с руки своего перваца.

— Где-же твое кольцо? — строго спросил его отец.

Озадаченный неожиданным вопросом, растерявшийся принц начал, заикаясь, как провинившийся школьник...

Результатом этого робкого признания было грозное приказание родителя снова вернуться в Бонн к университетским занятиям и покорно ждать дальнейших инструкций.

Между тем мисс Диконь, охваченная честолюбивыми мечтами, продолжала предаваться прелестям светской жизни Лондона, не подозревая крушения своих планов.

Вильгельм, однако, не замедлял разбить иллюзии гордой Американки.

Герцогиня Мальборо уже деятельно принялась знакомить свою protégée со всеми тонкостями этикета германского двора, с выдающимися историческими фактами и народными героями ее будущей монархии...

Но мисс Глеш с полным самообладанием ответила посланцу кайзера, что перстень останется вечным звеном, соединяющим два любящих сердца.

Не ожидавший такого решительного ответа со стороны юной Американки, несчастный адъютант должен был вернуться, ожидая гнева императора за неудавшуюся миссию.

Тем временем, кронпринц, разыгрывая роль покорного сына, продолжал лелеять мечту о браке с любимой девушкой, с которой он умудрился вести переписку, несмотря на недремное око отца.

Клятвенными уверениями кронпринца в неизменности его чувств поддерживали в энергичной Американке решимость бороться до конца.

Но желтый волк Вильгельма все же одержала победу над любящими сердцами, хотя победа эта далась ему далеко не

шутя. Блестящий трофей этой победы — завязанное кольцо королевы Виктории — было наконец вручено кайзеру одним из его более искусных «дипломатов».

В наказание за долгое упорство сына Вильгельм подверг кронпринца еще более строгой дисциплине, запретив ему отлучаться из Бонна и не разрешив ему даже присутствовать на коронации короля Эдуарда VII.

Несмотря на свою видимую покорность Фридрих-Вильгельм частенько вымывал маню величия своего вечно позирующего родителя. Так, когда, катаясь однажды на коньках в Швейцарии в поэтическую звездную ночь...

— А, право, не знаю, вероятнее всего эта звезда — орден, вновь пожалованный моему отцу, Господу Богу!

После достижения совершеннолетия в 1900 году, кронпринц переселился в Потсдам, где, окруженный собственным двором, широко использовал давно желанную свободу.

К этой эпохе относится его новое увлечение опять-таки Американкой, знаменитой певичей-красавицей Джеральдиной Фаррар, с блестящим успехом гастролировавшей в тот сезон в императорской берлинской опере.

Дебютировавшая уже два года тому назад юная певичка покорила весь Берлин своими кристаллическим голосом и обворожительной наружностью. Поселись слухи, будто бы сам кайзер был неравнодушен к чарам обаятельной артистки.

Кронпринц так сильно увлекся Фаррар, что, видя ее недоступность, предложил ей опять руку и сердце, как вдруг чаровница совершенно неожиданно исчезла из Берлина и не дожидаясь своих гастролей, возвратилась в далекую Америку.

Спешный отъезд любимицы берлинской публики возмущал вмешательству кайзера в любовный дѣл своего сына.

Эти два серьезных увлечения кронпринца и некоторые другие мимолетные заставили родителей его серьезно заняться вопросом о скорейшей женитьбе сына. Усердно перелистывая готский альманах, они всеотроне обсуждали интересующую их тему, отнюдь не считаясь с личными взглядами и вкусами кронпринца (Продолжение будет).

Редактор Б. А. Суворинъ. Издание Товарищества А. С. Суворина — «Новое Время».

Advertisement for a medicine for neuralgia and headaches, featuring an illustration of a head with nerves and the text 'БЫСТРОЕ ПРЕКРАЩЕНИЕ НЕВРАЛГИИ, ГОЛОВНЫХЪ БОЛЕЙ'.

Advertisement for 'ГЛУХИМЪ' (Glukhim) medicine, mentioning '40 р.' and 'Ловий карманный звуковой аппаратъ всемирной фирмы ЭРИКСОНЪ'.

Advertisement for a book 'Необычайныя приключенія Арсена Люпина' by М. ЛЕБЛАНЪ, published by 'Новое Время'.

Large advertisement for 'ИСТОРИЯ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XIX СТОЛѢТІЯ' (History of Russian Literature of the XIX Century), edited by Николай Энгельгардтъ, published by 'Новое Время'.

Advertisement for 'КРЕМЪ КАЗИМИ МЕТАМОРФОЗА' (Kazim Krem Metamorphosis), featuring an illustration of a woman and text 'ВСЕМИРНО ИЗВѢСТНЫЙ'.

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ Т-ВА А. С. СУВОРИНА—„НОВОЕ ВРЕМЯ“
И ВЪ ЖЕЛ.-ДОР. КЮСКАХЪ, ПРОДАЮТСЯ НОВЫЯ КНИГИ:

М. Д. ОРДЫНЦЕВЪ-КОСТРИЦКІЙ

ЗА СЧАСТЬЕМЪ, ЗОЛОТОМЪ И СЛАВОЙ

ОБЪ ИСКАТЕЛЯХЪ НОВЫХЪ ВПЕЧАТЛѢНІЙ И АВАНТЮРИСТАХЪ ВСѢХЪ СТРАНЪ ЗЕМНОГО ШАРА.

Обложка и рисунки худож. С. Ф. Плошинскаго.

Цѣна 2 рубля.

Все вверхъ дномъ, необыкновенное путешествіе. Жюль Верна. Съ рис. Ц. въ папкѣ 1 р. 25 к., въ пер. 1 р. 75 к.
Восемьдесятъ тысячъ во стѣ подъ водою, путешествіе подъ волнами океана. Жюль Верна. Съ рис. Ц. въ пап. 2 р. 25 к.
Генторъ Сервадакъ, его приключенія и путешествіе по солнечному міру. Жюль Верна. Съ рис. Ц. въ пап. 1 р. 50 к., въ перепл. 2 р.
Завѣщаніе чудала, необыкновенное путешествіе. Жюль Верна. Съ 34 рисунками Жоржа Ру и картой Сѣв.-Америк. Соед. Штат. Ц. въ бум. 2 р., въ папкѣ 2 р. 25 к., въ перепл. 2 р. 75 к.
Плавающий городъ. Съ 26 рис. Жюль Верна. Ц. въ изящной папкѣ 1 р., въ перепл. 1 р. 50 к.
Путешествіе по южной Африкѣ или приключенія трехъ русскихъ и трехъ англичанъ. Жюль Верна. Съ 51 рис. Ц. 1 р. 50 к.
Путешествіе вокругъ луны. Жюль Верна. Съ 41 рис. Ц. въ хромолиногр. папкѣ 1 р. 50 к.
Путешествіе вокругъ свѣта въ 80 дней. Съ 51 рис. Жюль Верна. Ц. въ хромолиногр. папкѣ 1 р. 50 к., въ перепл. 2 р.
Пятьсотъ милліоновъ Бегумы. Съ рисунок. Жюль Верна. Ц. въ хромолиногр. папкѣ 1 р. 75 к.
Путешествіе въ центръ земли. Съ 52 рисунками. Жюль Верна. Ц. въ папкѣ 1 р. 25 к., въ перепл. 1 р. 75 к.
Приключеніе капитана Гаттераса, необыкновенное путешествіе. Жюль Верна. Съ рис. Ц. въ папкѣ 2 р. 50 к., въ пер. 3 р.
Пятнадцатилѣтній капитанъ. Жюль Верна. Съ рис. Ц. въ папкѣ 2 р.
Зеленый лучъ. Необыкновенное путешествіе. Жюль Верна. Ц. въ папкѣ 1 р. 25 к., въ перепл. 1 р. 75 к.

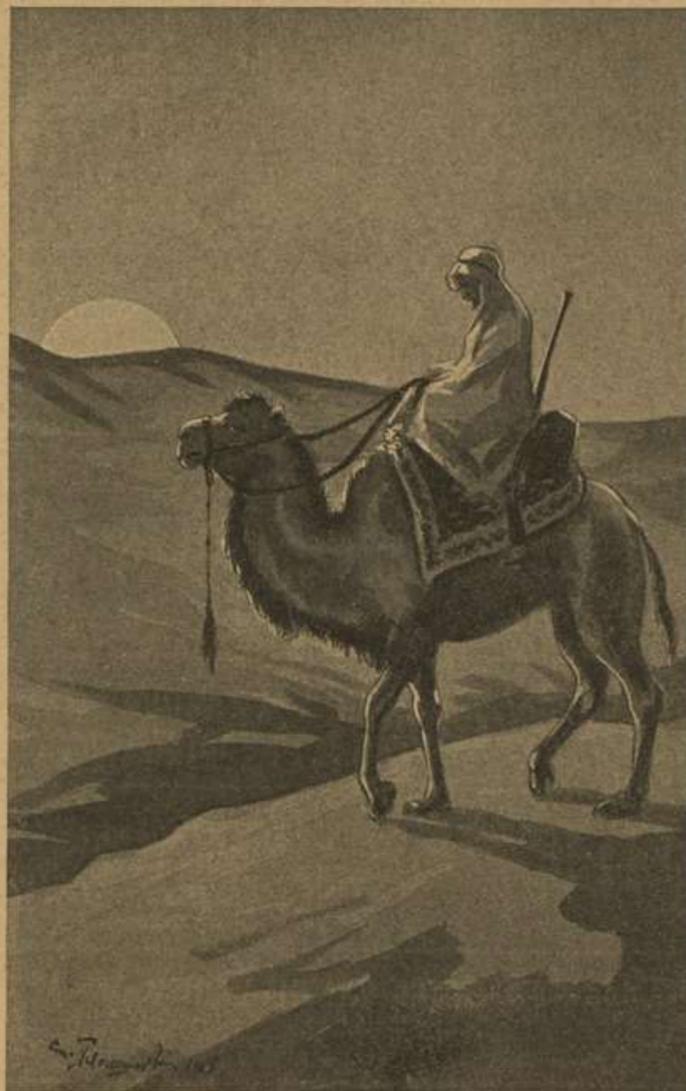

Рис. изъ книги „За счастьемъ, золотомъ и славой“.

Чудеса растительнаго царства. Популярныя очерки изъ жизни растений. П. Е. Васильковскаго. Съ 161 рисунк. О. Винклера, Э. Гейль, Л. Зеллени, Г. Кенигсбрунъ и др. Ц. въ бум. 2 р. 60 к., въ папкѣ 2 р. 85 к., въ перепл. 3 р. 85 к.
Чудеса животнаго міра (зоологія для всѣхъ) П. Е. Васильковскаго. Хрестоматія для чтенія въ семьѣ и въ школѣ. Съ 185 рисунками. В. Курьера, Г. Мютцеля, И. Шинкина, Фр. Шпехта и друг. Ц. въ бумажкѣ 3 р. 25 к., въ перепл. 4 р., въ папкѣ 3 р. 50 к.
Чудеса подводнаго царства. Популярныя очерки изъ жизни обитателей водъ. П. Е. Васильковскаго. Съ раскрышею таблицей и съ 106 рисунками. Г. И. Моотсе, А. Мютцеля, Кречмера и др. Пгр. 1914. Ц. въ бум. 1 р. 50 к., въ папкѣ 1 р. 75 к., въ перепл. 2 р. 25 к.
Диновьяя земля. Популярныя очерки изъ жизни нашей планеты. П. Е. Васильковскаго. Съ 83 рисунками въ текстѣ. Ц. въ бум. 1 р. 75 к., въ папкѣ 2 р., въ перепл. 2 р. 50 к.
Въ царствѣ смеялки или арнометиса для всѣхъ. Е. И. Игнатъева. Книга для семьи и школы. Опытъ математической хрестоматіи. Книга 1-я, ц. 1 р. 50 к., въ перепл. 2 р. 25 к. Кни. 2-я и 3-я. Ц. каждой въ бумажкѣ 1 р. 75 к., въ пер. 2 р. 50 к., въ одномъ перепл. 7 р.
Подъ удельною властью. Г. Т. Сиверцева-Полилова. Историч. повѣсть времени Андрея Боголюбскаго для юношества. Рис. О. Панова. Ц. въ пер. 1 р. 75 к.
Братъ на брата. Его же. Истор. пов. время Василія Темнаго для юнош. Ц. 1 р. 75 к.

М. Д. ОРДЫНЦЕВЪ-КОСТРИЦКІЙ

ВОЛШЕБНЫЯ СКАЗКИ НАШИХЪ ДНЕЙ

Повѣсти и рассказы изъ жизни Южно-Американскаго материка.

Обложка и рисунки худож. С. Ф. Плошинскаго.

Цѣна 2 рубля.

Цѣна 20 коп.

Тип. Т-ва А. С. Суворина—„Новое Время“. Петроградъ, Эртелевъ, 13.